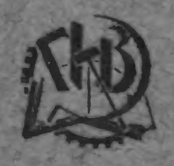
Н. БУХАРИН

ИМПЕРИАЛИЗМ
И
НАКОПЛЕНИЕ КАПИТАЛА

(ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЭТЮД)

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА ★ 1925 ★ ЛЕНИНГРАД

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО РСФСР

МОСКВА — ЛЕНИНГРАД

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ.

Богданов, А. и Степанов, И. Курс политической экономии. Том II, вып. IV. Общая теория капитализма. Коллективистический строй. Ц. 1 р. 75 к.

Борхардт, Ю. Основные положения политической экономии по учению Карла Маркса. Перев. Ф. О. Ямпольской. Под ред. Э. Э. Эссена. (Серия „Библиотека обществоведения".) Стр. 114. Ц. 75 к.

Бухарин, Н. Мировое хозяйство и империализм. Экономический очерк. Изд. 3-е. Стр. 176. Ц. 80 к.

Варга, Э. Мировое хозяйство и экономическая политика в 1923 г. Стр. 246. Ц. 2 р. 25 к.

Капитал против труда в Англии. (Федерация британской промышленности.) Перев. с англ. И. Маркельса. С предисл. Ф. Ротштейна. Стр. 56. Ц. 50 к.

Гильфердинг, Р. Финансовый капитал. Новейшая фаза в развитии капитализма. Пер. с нем. И. Степанова. Изд. 4-е. Стр. 460. Ц. 2 р. 50 к.

Крицман, Л. Героический период великой русской революции. (Опыт анализа т.-н. „военного коммунизма".) Стр. 250. Ц. 1 р. 50 к.

Ленин, Н. Империализм, как новейший этап капитализма. Популярный очерк. Изд. 3-е. Стр. 109. Ц. 45 к.

Ленин, В. И. О продовольственном налоге (значение новой политики и ее условия.) Изд. 2-е. („Ленинская библиотека".) Стр. 64. Ц. 15 к.

Ленин, В. И. О новой экономической политике. Статьи и речи. Изд. 2-е. Стр. 224. Ц. 75 к.

Ленин, В. И. Основные задачи партии при нэпе. 1921—1923 г.г. (Статьи и речи.) 2-е изд. Стр. 167.

Ленин, Н. (В. Ульянов). К характеристике экономического романтизма. Сисмонди и наши отечественные сисмондисты. Изд. 2-е. Стр. 129. Ц. 50 к.

Ленин, В. И. Развитие капитализма в России. Процесс образования внутреннего рынка для крупной промышленности. Стр. 531. Ц. 2 р.

Ленин, Н. (К. Тулин). Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве (отражение марксизма в буржуазной литературе). Изд. 2-е. Стр. 171. Ц. 65 к.

Ловстон, Джей. Труд и капитал в Америке. Перевод с англ. Н. А. Алексеева. Стр. 235. Ц. 1 р. 80 к.

Любимов, Лев, проф. Курс политической экономии. Том I. Вып. I. Изд. 4-е. Стр. 352. Ц. 1 р. 50 к.

Люксембург, Роза. Накопление капитала. Том I и II. С приложением статей Г. Экштейна и О. Бауэра. Перев. Ш. Двойлацкого. Изд. 3-е. Стр. 669. Ц. 3 р.

Маркс, К. Капитал. В общедоступной обработке Ю. Борхардта. Перев. с немецкого С. А. Алексеева. Стр. 432. Ц. 1 р. 50 к.

Маркс, К. Капитал. Критика политической экономии.
Том I. Книга I. Процесс производства капитала. Стр. 767. Ц. 4 р.
Том II. Книга II. Процесс обращения капитала. Стр. 472. Ц. 2 р. 60 к.
Том III. Процесс капиталистического производства, взятый в целом.
Ч. I. Книга III. Гл. I—XXVIII. Стр. 447. В папке Ц. 2 р.
Ч. II. Книга III. Гл. XXIX—LII. Стр. 424. В папке Ц. 2 р.
Издание подготовленное К. Каутским. Перев. под ред. В. Базарова и И. Степанова, пересм. И. Степановым. (Институт К. Маркса и Ф. Энгельса. Общая редакция Д. Рязанова и И. Степанова.)

Н. БУХАРИН

ИМПЕРИАЛИЗМ
И НАКОПЛЕНИЕ КАПИТАЛА

(ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЭТЮД)

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1925 ЛЕНИНГРАД

Гиз. № 9291. АП. № 145. Главлит № 30982 Напеч. 10.000 экз.

1-я Образцовая типография Госиздата, Москва, Пятницкая, 71.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Предлагаемая вниманию читателя работа, частями печатавшаяся в журнале «Под знаменем марксизма», выросла из теоретической дискуссии в связи с выработкой программы Коминтерна. Ряд товарищей, в особенности из германской компартии, стоял, — а отчасти стоит и теперь, — на той точке зрения, что революционную программу можно обосновать лишь теорией накопления тов. Розы Люксембург. Поэтому автор, стоящий на другой точке зрения, должен был неминуемо взяться за работу, критически рассматривающую «Накопление капитала». Это было тем более необходимо, что в связи с лозунгом большевизации партий Коминтерна на дискуссию стали ставиться и такие вопросы, как национальный, крестьянский, колониальный вопрос, где тов. Р. Люксембург занимала позицию, отличную от позиции ортодоксального большевизма. Нужно было, следовательно, показать, нет ли связи между этими ее ошибками и теоретическими ошибками «Накопления капитала».

В русской марксистской литературе появился ряд работ, посвященных тов. Р. Люксембург. Критику ее книги начал тов. Дволайцкий, за ним выступил тов. Крицман и ряд других. Нашлись и сторонники тов. Розы Люксембург. Таким образом, у нас имеется уже изрядная литература на эту тему.

Автор, однако, считает нелишним выпустить данную работу отдельной книгой, потому что она дает систематизированную критику «Накопления капитала». Все основные вопросы подвергнуты разбору в нашей работе.

Само собою разумеется, что в ней, вероятно, есть много недостатков. Она писалась урывками, и автор должен был писать ее, так сказать, «конспиративно», скрываясь в библиотеках от теле-

фонных звонков, просьб, требований, поручений, заседаний, комиссий и прочих бичей нашего времени.

Филистеры могут увидеть в критике покойного товарища нечто неправомерное. Но излишне прибавлять, что никто не чтит памяти великой и пламенной революционерки, одного из самых светлых умов в истории нашего движения, больше нас, работников Коминтерна, у колыбели которого стояла Роза Люксембург.

Н. Бухарин.

Москва, 4 марта.

ГЛАВА I.

РАСШИРЕННОЕ ВОСПРОИЗВОДСТВО В АБСТРАКТНОМ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОМ ОБЩЕСТВЕ.

Маркс, как известно, наметил крупными штрихами ход всего общественного воспроизводства, исходя из целого ряда упрощающих дело предпосылок: капитализм при наличии только двух классов, при отсутствии внешних рынков, при условии равенства ценности и цены и т. д. Как возможно подвижное равновесие растущей капиталистической системы? — так был поставлен Марксом вопрос. В общем и целом это наиболее абстрактное (наиболее «теоретическое») решение сводится к следующему:

пусть совокупный общественный капитал $= c + v$
приб. ценность . . . . $= m$

Ценность всего продукта (при предположении, что постоянный капитал снашивается целиком в продолжение одного оборота, или, что не меняет дела, при условии, что c равняется только потребляемой части пост. капитала) будет тогда $= (c + v + m)$.

Этот продукт (и соответственно весь процесс общественного производства) распадается на два крупных подразделения: средства производства и средства потребления. Вводим соответствующие обозначения. Получаем:

A (производство средств производства) . . . $c_1 + v_1 + m_1$
B (производство предметов потребления) . . $c_2 + v_2 + m_2$

Если пред нами было бы простое воспроизводство, т.-е., если бы капиталисты проматывали всю прибавочную ценность m, равную $(m_1 + m_2)$, то условием правильного хода воспроизводства были бы следующие равенства:

1. Так как совокупный продукт подразделения *A* состоит сплошь из средств производства (машин, сырья и т. д.), которые не могут входить в индивидуальное потребление (их нельзя ни есть, ни надевать в виде костюма, ни дарить «прекрасному полу»), то они должны целиком уйти на возмещение постоянного капитала $c = (c_1 + c_2)$ Отсюда: $c_1 + v_1 + m_1 = c_1 + c_2$.

2. Так как совокупный продукт подразделения *B* состоит сплошь из предметов потребления, то ни одной частицы его нельзя употребить в качестве сырья или машин; он поэтому должен целиком быть «съеден» рабочими и капиталистами обоих подразделений. Отсюда: $c_2 + v_2 + m_2 = v_1 + v_2 + m_1 + m_2$.

3. Так как первое подразделение само воспроизводит свой постоянный капитал (c_1) и должно заместить вещественную форму ($v_1 + m_1$) «съедобной» формой; так как, с другой стороны, второе подразделение само производит в натуральной форме элементы своего переменного капитала и прибавочную ценность капиталистов подразделения *B* и должно заместить вещественную форму c_2, то для правильного хода воспроизводства должно быть равенство подлежащих обмену частей. Отсюда: $c_2 = v_1 + m_1$.

Нетрудно видеть, что наши три равенства, в сущности, сводятся к одному. Вычитая в первом из обеих частей по c_1, а во втором по сумме ($v_2 + m_2$), мы получаем наше третье равенство: $c_2 = v_1 + m_1$.

Это и есть условие гладкого хода при простом воспроизводстве: сумма доходов в первом подразделении должна быть равна постоянному капиталу во втором подразделении. Если это условие налицо, тогда в подразделении *A* мы имеем: произведенный in natura постоянный капитал, который остается в рамках этого же подразделения; переменный капитал, воспроизведенный в неподходящей форме, меняет костюм и может, вкупе и влюбе с постоянным капиталом, функционировать дальше; прибавочная ценность, сменив белье, исчезает бесследно, воспроизводя лишь живых персональных носителей и командиров своего подразделения.

В подразделении *B* мы имеем произведенную в удобной форме прибавочную ценность, которая, не выходя за околицу этого подразделения, ублажает своего хозяина и исчезает в недрах его аппетита; переменный капитал имеется в форме, которая позво-

ляет ему превращаться в рабочую силу, не выходя за границы своего подразделения; постоянный капитал соединяется с переменным, лишь сменив свою вещественную мягкую потребительскую кожу на жесткую машинную. Таким образом и здесь производство может итти дальше, чтобы снова повторить тот же самый замкнутый круг.

Гораздо сложнее обстоит дело с расширенным воспроизводством, когда часть прибавочной ценности присоединяется к капиталу и начинает функционировать как капитал, когда воспроизводство идет не «по кругу, а по спирали» (Маркс).

Предположим, что

$m_1 = \alpha_1$ (часть, идущая на личное потребление капиталистов) + + β_1 (капитализируемая часть приб. ценности).

Соответственно

$$m_2 = \alpha_2 + \beta_2.$$

Предположим далее, что

$\beta_1 = \beta_{1_c}$ (часть, подлежащая накоплению, как часть постоянного капитала) + β_{1_v} (часть, подлеж. накоплению, как часть переменного капитала).

Соответственно

$$\beta_2 = \beta_{2_c} + \beta_{2_v}.$$

Общая формула продукта обоих подразделений примет тогда такой вид:

$$\begin{array}{llll} A & \ldots & c_1 + v_1 + \alpha_1 + & \overbrace{\beta_{1_c} + \beta_{1_v}}^{\beta_1} \\ \hline B & \ldots & c_2 + v_2 + \alpha_2 + & \underbrace{\beta_{2_c} + \beta_{2_v}}_{\beta_2} \end{array}$$

В нашем четырехугольнике замкнута, как легко видеть, проблема простого воспроизводства, которая уже решена выше [для этого нужно было бы, согласно предыдущему, чтобы c_2 — равнялось $(v_1 + \alpha_1)$]. Следовательно, трудность возникает из-за новых величин, стоящих за пределами четырехугольника.

Что они представляют из себя? β_1 по своей ценности представляет ту часть прибавочной ценности, которая подлежит накоплению; по своей вещественной форме, т.-е. по своей потребительной ценности, она является грудой разнообразнейших средств производства: машин, сырья, вспомогательных материалов и т. д.

Эта часть, однако, по правилу, не присоединяется к капиталу в *одной* форме, т.-е. либо в форме только переменного, либо в форме только постоянного капитала; она *разбивается* на две части, в определенной пропорции, в связи с органическим составом капитала. β_{1c}, т.-е. часть, присоединяемая к постоянному капиталу, произведена в подходящей натуральной форме, и поэтому она остается в подразделении A, не покидая его ни на минуту; наоборот β_{1v} не может функционировать как элемент переменного капитала, ибо носит на себе железную рубашку средств производства, а следовательно, подлежит обмену на соответствующие продукты второго подразделения. β_{1v} должна, таким образом, *бежать* с места своего рождения.

β_{2v} произведена в такой форме, что может составить элемент добавочного переменного капитала во II подразделении и поэтому остается in natura на своей родине, т.-е. в том же самом подразделении; наоборот, β_{2c} имеет вещественную форму, которая делает технически невозможным функционирование этой части прибавочной ценности, как добавочного *постоянного* капитала. Поэтому β_{2c} должна быть обменена и перемениться костюмом с β_{1v}. Следовательно, в ценностном отношении β_{2c} должна равняться β_{1v}.

Итак. Поскольку мы имеем перед собой расширенное воспроизводство, постольку, помимо условий равновесия, необходимых с точки зрения простого воспроизводства, распадение подлежащей накоплению прибавочной ценности в первом и втором подразделении должно совершаться в такой пропорции, чтобы *добавочный переменный капитал первого подразделения был равен добавочному постоянному капиталу второго подразделения.*

В целом относительно формулы расширенного воспроизводства мы будем иметь три, сводимых к одному, равенства, которые аналогичны трем равенствам простого воспроизводства.

1. *Весь* продукт подразделения A (средства производства) ни в одной своей части не может быть *непосредственно* употреблен как доход. Следовательно, он должен равняться сумме постоянных капиталов обоих подразделений (вместе с добавочными постоянными капиталами). Для удобства сличения пишем одну сумму под другой.

Сумма средств производства (весь продукт подразделения *A*). . $= c_1 + \boxed{v_1 + \alpha_1} + \beta_{1c} + \boxed{\beta_{1v}}$

Сумма всех постоянных капиталов . . . . $= c_1 + \boxed{c_2} + \beta_{2c} + \boxed{\beta_{2c}}$

Легко видеть, что равенство это предполагает равенство внутри величин, заключенных в четырехугольники, при чем первый четырехугольник — это условие простого воспроизводства, второй — добавочное условие воспроизводства расширенного. Оба они сводимы, в свою очередь, к равенству:

$$v_1 + \alpha_1 + \beta_{1v} = c_2 + \beta_{2c}.$$

2. Весь продукт подразделения *B* ни в одной своей части не может непосредственно, т.-е. в натуральной своей форме, быть употреблен как постоянный капитал. Следовательно, он должен равняться сумме всех доходов (включая и добавочный переменный капитал, превращающийся в доход добавочных рабочих[1]).

Сумма всех средств потребления (весь продукт подразд. *B*). . $= \boxed{c_2} + v_2 + \alpha_2 + \boxed{\beta_{2c}} + \beta_{2v}$

Сумма всех доходов (заработных плат и индивидуально потребляемой прибавочной ценности). . $= \boxed{v_1 + \alpha_1} + v_2 + \alpha_2 + \boxed{\beta_{1v}} + \beta_{2v}$

Легко видеть, что это равенство сводимо к тому же равенству, которое мы вывели выше, а именно: $c_2 + \beta_{2c} = v_1 + \alpha_1 + \beta_{1v}$.

3. Это же равенство мы могли получить и непосредственно. Напомним еще раз схему.

$$\begin{array}{ll} A. & \boxed{c_1 + \boxed{v_1 + \alpha_1}} + \beta_{1c} + \boxed{\beta_{1v}} \\ B. & \boxed{\boxed{c_2} + v_2 + \alpha_2} + \boxed{\beta_{2c}} + \beta_{2v} \end{array}$$

В первом ряду может остаться, в силу своей натуральной формы, которая соответствует необходимой экономической функции, $(c_1 + \beta_{1c})$; наоборот, $\left[\ (v_1 + \alpha_1) + \beta_{1v}\ \right]$ должно быть обменено.

[1]) Или в добавочную зарплату старых, которые должны в таком случае выжимать из себя большую сумму простого труда, будь это в форме интенсификации труда, удлинения рабочего дня или повышения квалификации рабочей силы и труда.

На что? На то, что не может из-за своей вещественной формы функционировать во II подразделении. Это $(c_2 + \beta_{2_c})$. Отсюда равенство: $(c_2 + \beta_{2_c}) = (v_1 + \alpha_1 + \beta_{1_v})$. Это равенство лучше теперь выразить так: $(v_1 + \beta_{1_v} + \alpha_1) = (c_2 + \beta_{2_c})$. Другими словами: весь новый переменный капитал I подразделения и подлежащая непроизводительному потреблению часть прибавочной ценности того же подразделения должны равняться новому постоянному капиталу второго подразделения.

Таким образом, положение дел в I подразделении (A) приняло следующий вид: к постоянному капиталу c_1 непосредственно присоединилась, т.-е. присоединилась, не выходя из границ подразделения A, новая добавочная величина β_{1_c}. Следовательно, постоянный капитал вырос: он был равен c_1, теперь он $(c_1 + \beta_{1_c})$. Переменный капитал получился путем воспроизводства старого переменного капитала v, который может функционировать, лишь сменив предварительно свою вещественную оболочку; он это делает вместе с «проедаемой» прибавочной ценностью; $(v_1 + \alpha_1)$ меняются местами с c_2.

Кроме того, появился путем обмена с подразделением B добавочный переменный капитал. Таким образом, переменный капитал вырос с v_1 до $(v_1 + \beta_{1_v})$. Часть прибавочной ценности, подлежащая «съедению», после того, как она приняла соответствующую форму, т.-е. прогулялась по полям II подразделения, выпала из процесса воспроизводства: она воспроизвела лишь капиталистов I подразделения. Итак, новый кругооборот начинается в подразделении A с увеличенным постоянным и увеличенным переменным капиталом.

То же происходит и во II подразделении. Постоянный капитал здесь воспроизвелся по ценности, но должен был переменить свою форму; кроме того, к нему присоединилась — тоже переменившая свою вещественную оболочку — добавочная ценность β_{2_c}. Таким образом, постоянный капитал вырос с c_2 до $(c_2 + \beta_{2_c})$; переменный капитал вырос с v_2 до $(v_2 + \beta_{2_v})$, при чем обе части нового переменного капитала не нуждались в маскараде [1]). Наконец, прибавочная ценность, в той ее части, которая

[1]) Маскарад, в сущности, происходит, но в пределах отдельных меновых актов (в пределах II подразделения).

подлежала «проеданию», не меняя своей формы, выпала из процесса воспроизводства, воспроизведя лишь носителей капитала во втором подразделении. Итак, и здесь новый кругооборот начинается с возросшим постоянным и возросшим переменным капиталом.

В следующем периоде воспроизведется старый капитал, увеличится (впервые) потребляемая непроизводительно часть прибавочной ценности, еще больше увеличится аккумулируемая ее часть и так далее.

Другими словами: растет постоянный капитал общества; растет потребление рабочих; растет потребление капиталистов (все мы берем в ценностях); в какой пропорции происходит этот рост различных упомянутых ценностных величин,— в данной связи мы далее не анализируем: этот вопрос подлежит особому разрешению. Здесь важно еще бегло отметить следующие обстоятельства. На-ряду с ростом производства растет и рынок этого производства: увеличивается рынок средств производства, растет и потребительный спрос (так как — в абсолютных числах— увеличивается и потребление капиталистов, и потребление рабочих). Другими словами, здесь дана возможность равновесия между различными частями совокупного общественного производства, с одной стороны, возможность равновесия между производством и потреблением — с другой. При этом равновесие между производством и потреблением само обусловлено производственным равновесием, т.-е. равновесием между различными частями функционирующего капитала и различными его отраслями.

В вышеприведенном анализе мы пока отвлекаемся от ряда существеннейших, специфически - капиталистических моментов, напр., от денежного обращения. Это было бы абсолютно недопустимо, если бы мы вечно оставались на данной, наиболее абстрактной ступени анализа. Ошибка школы Рикардо, а затем Сэя, как-раз и состояла в том, что они возвели в догмат положение, будто продукт меняется на продукт, а деньги являются «медиумом» — и только «медиумом» — в этой сделке, а не «существенной и необходимой формой бытия товара, который должен проявить себя, как меновая ценность, как всеобщий общественный труд» [1]. Отсюда ряд грубейших ошибок, отсюда

[1]) K. Marx, Theorien über den Mehrwert, II², S. 275.

отрицание капиталистических противоречий, а затем и прямая апология капиталистического режима, апология, которая хочет «научно отбрехаться» («wegräsonnieren», как выражается Маркс) от кризисов, перепроизводства, нищеты масс и т. п. «Никогда не следует позабывать, что при капиталистическом производстве речь идет не непосредственно о потребительной ценности, а о ценности меновой, и особенно об увеличении прибавочной ценности» [1]). А так как движение капитала сопровождается и такой его фазой, когда он выступает как денежный капитал, то, совершенно естественно, нельзя ни на минуту позабывать об этом. Но это вовсе не значит, что мы не имеем права временно выключить вопрос о деньгах, как мы сделали это выше, разобрав процесс воспроизводства и с точки зрения возмещения и возрастания ценности, и с точки зрения возмещения и превращения материальной формы элементов капитала. Если бы этот анализ показал, что воспроизводство или расширенное воспроизводство вообще невозможно, то оно было бы тем более невозможно при включении денежного момента. Если он,— как это получилось у нас, — показывает, как возможно расширенное воспроизводство, то требуется дальнейший анализ, следующая более конкретная, ступень теоретической абстракции.

Такой метод мы применяем еще и потому, что тов. Роза Люксембург в своей критике Марксовой теории накопления постоянно перепрыгивает с одного «критического» мотива на другой, при чем одна линия «критики» развивается в связи с денежным моментом, другая —вне этой связи, а обе они находятся в подчас причудливом «органическом сплетении».

Мы разберем сперва наиболее абстрактную аргументацию тов. Р. Люксембург. Это тем более целесообразно, что у самой Розы Люксембург мы находим следующие строки:

> Анализ Маркса пострадал, — пишет автор «Накопления капитала», — между прочим, от того, что он (Маркс. *Н. Б.)* пытался разрешить проблему, неправильно поставив ее в форме вопроса о «денежных источниках». На самом деле речь идет о фактическом спросе, о сбыте товаров, а не об источниках денег для их оплаты. Относительно денег, как

[1]) Ibid., 266.

посредника обращения, мы должны здесь, при рассмотрении процесса воспроизводства, взятого в целом, принять, что капиталистическое общество всегда имеет в своем распоряжении такое количество денег, которое необходимо для его процесса обращения, или что оно умеет создавать для этой цели суррогаты. Что подлежит объяснению, так это те крупные общественные акты обмена, которые вызываются реальными экономическими потребностями. То обстоятельство, что капиталистическая прибавочная стоимость, прежде чем подвергнуться накоплению, должна безусловно пройти через денежную форму, не может быть оставлено без внимания. Однако, мы отыскиваем экономический спрос на прибавочный продукт, не интересуясь при этом вопросом о происхождении денег. Ибо, как говорит в другом месте сам Маркс, «деньги на одной стороне вызывают при этом расширенное воспроизводство на другой стороне, потому что возможность его имеется уже без денег, которые сами по себе не составляют элементов действительного воспроизводства» (Капитал, т. II, стр. 480 [1]).

Итак, пока мы оставим вопрос о деньгах, с согласия «критика», в стороне.

Тов. Р. Л. выдвигает в этих пределах своей критики такой аргумент. Схемы — чисто-бумажная операция. Они упускают существеннейший вопрос, а именно: для кого производится расширенное производство, кто является потребителем накопляемой прибавочной ценности, куда можно сбыть этот излишек? Сама она считает, что в пределах капиталистической системы таких покупателей нет и быть не может. Отсюда вывод: капитализм не может существовать вне «некапиталистического окружения». «Третьи лица» наших народников, Сисмонди, Мальтуса и К-о должны притти на помощь «абстрактному капитализму» в трудном деле реализации прибавочной ценности. А для конкретного капитализма это означает империалистскую политику. Таков основной корень империализма.

Но не будем забегать вперед и присмотримся более внимательно к критическому анализу тов. Р. Люксембург.

[1]) Р. Люксембург, Накопление капитала, тт. I и II, 2-е изд., Гиз, стр. 145.

В самом «Накоплении капитала» одним из центральных мест, которое увязывает в один узел основные критические мысли автора, является нижеследующее место, которое мы должны процитировать целиком (объектом рассмотрения берутся у Розы Люксембург схемы II тома «Капитала» [1]). Итак, слово принадлежит автору «Накопления»:

> Капитализированная часть прибавочной стоимости, соответственно с предположением Маркса в I томе «Капитала», появляется на свет сразу в виде дополнительных средств производства и средств существования рабочих (в наших схемах $\beta_{1_c} + \beta_{1_v}$ и $\beta_{2_c} + \beta_{2_v}$. *Н. Б.*). И то, и другое служит для все большего расширения производства в подразделениях I и II. Для к о г о (наш курсив. *Н. Б.*) происходит это прогрессирующее расширение производства,— это на основании предпосылок Марксовой схемы определить невозможно (!). Правда (поистине замечательно это «правда»! *Н. Б.*), одновременно с производством расширяется и потребление общества: повышается потребление капиталистов..., повышается и потребление рабочих... И, тем не менее, если оставить в стороне все прочее (?), возрастающее потребление класса капиталистов, во всяком случае, не может быть рассматриваемо как цель накопления; н а о б о р о т, поскольку потребление имеет место и растет, накопления не происходит, личное потребление капиталистов подходит под точку зрения простого воспроизводства. Спрашивается, для кого же капиталисты производят, когда и поскольку они не потребляют, а проявляют «подвиги воздержания», т.-е. накопляют? Еще меньше может быть целью накопления капитала содержание все возрастающей армии рабочих. Потребление рабочих с капиталистической точки зрения является следствием накопления и ни в коем случае не его целью и предпосылкой; в противном случае основы капиталистического производства были бы поставлены на голову. Во всяком случае рабочие могут потребить только часть про-

[1]) Мы брали вместо арифметических примеров алгебраические, так как арифметические цифры имеют свою, арифметическую логику, которая подчас создает трудности, не вытекающие из существа дела и затемняющие основные вопросы.

дукта, соответствующую их переменному капиталу, и ни на иоту больше. Итак, кто реализует постоянно возрастающую прибавочную стоимость? Схема отвечает: сами капиталисты, и только они. Что же они делают со своей возрастающей прибавочной стоимостью? Схема отвечает: они употребляют ее для все возрастающего расширения своего производства. Эти капиталисты являются, стало-быть, фанатиками расширения производства ради расширения производства. Они строят новые машины, чтобы ими опять-таки строить новые машины. То, к чему мы таким образом приходим, является не накоплением капитала, а расширяющимся производством средств производства без всякой цели; и только смелости и любви Туган-Барановского к парадоксам свойственно принимать эту неустанно вращающуюся в пустом пространстве карусель за верное теоретическое отражение капиталистической деятельности и за действительный вывод из Марксова учения [1]).

В этом отрывке сконцентрировано и «накоплено» так много ошибок и противоречий (отнюдь не диалектических), что разбор их делается настоятельно необходимым.

Пункт I. Прежде всего, можно ли ставить вопрос с точки зрения субъективной (хотя бы и субъективно-классовой) цели? Что это за телеология в общественной науке? Ясно, что сама постановка вопроса методологически неправильна (если только перед нами серьезная формулировка, а не метафорический оборот речи). В самом деле. Возьмем такой, признаваемый и тов. Розой Люксембург экономический закон, как закон падения нормы прибыли. «Для кого», т.-е. в чьих интересах, происходит это падение? Вопрос явно нелеп. Его нельзя ставить. Ибо понятие цели здесь заранее исключено. Отдельный капиталист стремится получить диференциальную прибыль (и иногда ее получает), другие его догоняют, а в результате мы имеем общественный факт — падение нормы прибыли. Таким образом здесь тов. Р. Л. сходит с рельс марксистской методологии, отступая назад от строгих контуров Марксова анализа.

Пункт II. Сформулировав вопрос («для кого») и предвкушая при этом отрицательный ответ («не для кого»), тов. Л. тот-

[1]) «Накопление капитала», т. I, стр. 339.

час же вслед за этим, «просто так», en passant, замечает: правда, при этом расширяется потребление и капиталистов и рабочих; «при этом» товарищу Розе Люксембург и невдомек, что тем самым она указывает, для «кого» расширяется производство. Ибо ее вопрос, заданный в субъективной форме и потому, с точки зрения анализа объективных связей капиталистического производства, бессмысленный, имеет смысл лишь в объективной формулировке. А именно. Всякая растущая общественная система, в какой бы историко-экономической обстановке она ни существовала, какие бы противоречия она ни развивала, какими бы мотивами ни руководствовались в своей хозяйственной деятельности ее агенты, предполагает совершенно объективную (хотя бы и не прямую) связь между производством и потреблением, причем рост потребления в результате роста производства, как другая сторона этого роста производства, является основной предпосылкой для роста всей общественной системы. Указывая на рост общественного потребления, Р. Л. отвечает, сама того не понимая, положительно на свой извращенно поставленный вопрос.

Пункт III. Это не мешает ей в конце приведенного абзаца обвинить Марксовы схемы в туган-барановщине, специфическая особенность, «сущность» которой состоит в отрыве производства от потребления и полном его (производства) обособлении («расширяющееся производство средств производства без всякой цели» и т. д.).

Пункт IV. Признав рост потребления «собирательного капиталиста» в связи с накоплением, тов. Р. Л. тотчас же стремится теоретически опорочить этот факт: «поскольку потребление имеет место и растет, накопления не происходит» и т. д. Этот софизм, действительно, как небо от земли, далек от какой бы то ни было диалектики. Ибо всякому ясно, что рост потребления, как постоянного и непрерывного явления, не мог бы быть без соответствующего ему накопления. Ошибка тов. Люксембург довольно элементарна. Она покоится на смешении статической величины с процессом. В самом деле. Пусть перед нами прибавочная ценность, равная некоторой величине M. Пусть потребляемая часть M равна m_1, аккумулируемая часть m_2, так что $M = m_1 + m_2$. Тогда ясно, что при данном неизменяемом M чем больше

m_1, тем меньше m_2, и наоборот. Пределом увеличения m_1 будет M, пределом соответствующего уменьшения m_2 будет 0. В этом, «лучшем» с точки зрения минуты (т.-е. данной и неизменной величины M) случае мы возвращаемся к простому воспроизводству, т.-е. к топтанию на месте (в действительности же, так как в конкурентной борьбе топтаться на месте нельзя, к попятному движению и к гибели). Наоборот, при увеличении доли накопления и прогрессивно возрастающем капитале, увеличивается с каждым оборотом вся сумма вновь производимой прибавочной ценности, что дает возможность, даже при долевом росте накапливаемой прибавочной ценности, постоянного и непрерывно усиливающегося возрастания потребляемой ее части. Другими словами, потребляемая часть прибавочной ценности есть функция накопления. Отрывать одно от другого бессмысленно, и вдвойне бессмысленно как-раз с точки зрения процесса воспроизводства.

Проблема может иметь иной смысл. Если речь идет не об объективных результатах накопления, а о движущих мотивах капиталистов (что, как мы видели, далеко не всегда является равнозначащим), то вопрос о «накоплении» оборачивается своей другой стороной: капиталисты накопляют, чтобы накоплять еще больше; ибо — в этом-то и заключается специфическая особенность капиталистических «мотиваций» — для капиталистов накопление является самоцелью; с этой точки зрения вопрос о цели накопления («потребление капиталистов, во всяком случае, не может быть рассматриваемо как цель накопления») является, так-сказать, категорически беспредметным.

Пункт V. Такими же неудачными являются и рассуждения Розы Люксембург относительно увеличивающегося потребления рабочих. «Еще меньше может быть целью накопления содержание все возрастающей армии рабочих». Замечательная истина! Но вот (с точки зрения капиталистических мотивов) «содержание все возрастающих рабочих» само может иметь — и обычно имеет — своею целью накопление. Понять это вовсе не трудно. Для этого часть накопленного в одном обороте капиталист должен в следующем обороте превращать в переменный

капитал, в добавочную функционирующую рабочую силу. В результате у него оседает еще большая величина прибавочной ценности и т. д. «Потребление рабочих с капиталистической точки зрения является следствием накопления и ни в коем случае не его... предпосылкой». Иначе, видите ли, основы капитализма были бы поставлены на голову, — так пугает нас тов. Р. Л. И, тем не менее, она «ни в коем случае» не права. Потребление рабочих есть, как это твердо известно еще со времени появления первого тома «Капитала», не что иное, как производство рабочей силы. Производство же рабочей силы есть несомненная предпосылка производства материальных ценностей, прибавочной ценности, капитала. Производство добавочной рабочей силы есть несомненная предпосылка для роста накопления. И тут, следовательно, «сплошное недоразумение».

«Во всяком случае, — уже с отчаянием в голосе говорит тов. Л., — рабочие могут потребить только часть продукта, соответствующую их переменному капиталу (что это за их «капитал»? Нужно было сказать «их доходу», который равен переменному капиталу. *Н. Б.*), и ни на ноту больше». Роза Люксембург имеет, очевидно, в виду прежний кадр рабочих, прежнюю ценность рабочей силы и, следовательно, прежний размер переменного капитала. Но предполагать это — значит наперед исключать расширенное воспроизводство. Исключив расширенное производство в начале логической цепи рассуждений, нетрудно получить его исключение в конце ее по той простой причине, что здесь неизбежно будет просто-напросто простое воспроизводство простой логической ошибки. А в конце-концов дело, действительно, проще простого. Ибо наем добавочных рабочих создает добавочный спрос, который и реализует часть подлежащей накоплению прибавочной ценности, именно ту ее часть, которой необходимо превратиться в функционирующий добавочный переменный капитал. Следовательно, и здесь «критическая мысль» тов. Р. Л. дает осечку, а Маркс оказывается прав целиком и безусловно.

Пункт VI. Но — о, ужас! — в таком случае «капиталисты являются, стало-быть, фанатиками расширения производства ради расширения производства», а вся «карусель» — «не накоплением капитала, *а* расширяющимся производством средств производства без всякой цели» (курсив наш. *Н. Б.*).

Разберем и эти два аргумента, хотя уже даже при поверхностном взгляде достаточно виден их риторический характер.

В связи с этими последними «критическими» выстрелами Розы Люксембург мы позволим себе процитировать одно место из Маркса:

> Промышленный капиталист..., как персонифицированный капитал, **производит ради производства, хочет обогащения ради обогащения.** Поскольку он является простым функционером капитала, следовательно, носителем капиталистического производства, речь идет для него о меновой ценности и ее увеличении, а не о потребительной ценности или об увеличении последней. Речь идет для него об умножении абстрактного богатства, о растущем присвоении чужого труда. Над ним господствует целиком тот же самый абсолютный побудительный стимул обогащения (absoluter Bereicherungstrieb), как и над собирателем сокровищ (wie der Schatzbildner), с той только разницей, что он удовлетворяет его **не в иллюзорной форме образования золотых и серебряных кладов, а в образовании капитала, которое есть действительное производство.** Если излишнее производство со стороны рабочего (Ueberproduktion des Arbeiters) есть *производство для других*, то производство со стороны нормального капиталиста, капиталиста, каким он должен быть, индустриального капиталиста, есть *производство ради производства*.
>
> ...Он остается, несмотря на всякую расточительность, скупцом, подобно собирателю сокровищ... Промышленный капиталист делается в большей или меньшей степени неспособным выполнять свою функцию, поскольку он сам выступает представителем потребительного богатства (den geniessenden Reichtum), поскольку он хочет накопления наслаждения вместо наслаждения накоплением. Он, следовательно, точно так же является производителем *излишнего производства, производства для других*[1]).

---

[1]) K. *Marx*, Theorien über den Mehrwert, I, S. 378 (Adam Smith und der Begriff der produktiven Arbeit). Курсив—Маркса; **двойной курсив** — наш. *Н. Б.*

И когда, после этого, тов. Роза Люксембург, испугавшись «фанатиков производства» и пугая ими других, делает круглые глаза и восклицает: «И это вывод из Марксова учения!», то ей нужно ответить, что это вовсе не «вывод», а составная часть учения, его деталь, сделанная еще опытными руками своего великого мастера.

Вообще говоря, если анализировать мотивы капиталиста, то с этого вола можно драть одну из трех шкур: либо, что он имеет целью потребление; либо, что он стремится к обогащению в «иллюзорной форме» денег; либо, что он пожираем страстью к обогащению в форме «накопления капитала, которое есть действительное производство». Так как Роза Люксембург отрицает первую и третью «шкуру», то ей остается на потребу только одна, с ее «иллюзорной формой». Но в таком случае Р. Люксембург превращает «нормального капиталиста» в средневекового менялу и ростовщика, в пушкинского «скупого рыцаря» или, в лучшем случае, — в денежного капиталиста. Что это будет совершенно логичным выводом из аргументов Розы Л., — в этом не приходится сомневаться в такой же степени, как и в том, что ее аргументы ни в какой мере не отражают объективной действительности.

«*Не* накопление капитала, *а* бессмысленно расширяющееся производство средств производства, — вот что получается у вас», — говорит тов. Р. Л. Но, во-первых, тут есть маленькая передержка, так как почему-то исчезло все производство средств потребления, — потребления, от которого, в конечном счете, зависит целиком и производство средств производства. Другими словами, тов. Р. Л. заранее остригла и обкорнала Маркса, выщипала ему бороду и надела на него очки господина профессора и министра Туган-Барановского, чтобы тем легче объявить Марксовы положения туган-барановщиной. Если сперва тихонько уничтожить разницу между Марксом и Туганом, а потом громко закричать, что никакой разницы нет, то среди некоторого круга людей можно кое-кого и зацепить на эту удочку. Во-вторых: как можно противопоставлять накопление расширяющемуся воспроизводству? Эта мистика доступна, очевидно, лишь автору «Накопления».

Если субъективный смысл расширенного воспроизводства, смысл с точки зрения командующих агентов капиталистического производства, состоит в производственной форме обога-

щения, то это отнюдь не есть отрицание объективного результата этих суб'ективных тенденций,— результата, который состоит в удовлетворении растущих потребностей всего общественного целого, несмотря на антагонистический характер этого последнего. Ибо, — как мы указывали, — это есть основное условие общественного развития, вне зависимости от того, какую конкретно-историческую оболочку носит на себе данное общество. Маркс пишет: «Кроме того, как мы видели (книга II, отдел III), совершается непрерывное обращение между постоянным капиталом и переменным капиталом, которое в первое время независимо от личного потребления в том смысле, что оно никогда в него не входит, но которое в конечном счете ограничено личным потреблением, потому что производство постоянного капитала никогда не совершается ради него самого, но совершается только потому, что его более потребляется в тех отраслях производства, продукты которых входят в личное потребление» [1].

Тов. Р. Л. приводит эту цитату и с торжеством заявляет: «это место» «отчетливо показывает, что Маркс был совершенно чужд мысли Туган-Барановского о производстве ради производства». Наш анализ показал, что есть фаготы и фаготы. Р. Люксембург остается только сконструировать новое «противоречие» у Маркса, противоречие между III томом и «Теориями прибавочной ценности», подобно тому, как она открывала противоречие между II и III томами, а буржуазная наука, задолго до нее, открыла еще более «значительное» «противоречие» между I и III томами. Тогда мы будем иметь такое накопление противоречий, что бедному Марксу действительно не поздоровится. Счастье его, однако, в том, что это «накопление» имеет еще более «иллюзорную форму», чем накопление капитала в представлении Р. Люксембург.

Итак, мы исчерпали до дна основную аргументацию тов. Розы Люксембург, поскольку она развита в «Накоплении капитала».

Той же проблемы, на таком же (или, вернее, почти на таком же) уровне теоретической абстракции тов. Л. касается и в своей «Антикритике». Следуем за нею по пятам и в эту область.

---

[1] Маркс, Капитал, III, Гиз, общ. ред. Д. Рязанова и И. Степанова, стр. 289.

Слово принадлежит «критику»:

> Представим себе, что все производимые в капиталистическом обществе товары ежегодно складываются на одном месте в одну большую кучу, чтобы, как совокупная масса, быть использованной обществом. Мы тогда сразу же увидим, что вся эта товарная масса ясно распадается на несколько больших частей разного рода и разного назначения [1].

На той же странице, тотчас вслед за приведенной цитатой, тов. Люксембург насчитывает в своей «куче» 2 части: во-первых, «средства существования в самом широком смысле слова», во-вторых, «новые средства производства для возобновления использованных» (кстати: если речь идет только о «возобновлении использованных», то неоткуда получиться добавочному постоянному капиталу; но это между прочим). «Соответственно с этим» она различает далее в вышеуказанной куче уже т р и части: a) часть, возмещающую постоянный капитал; b) часть, возмещающую переменный капитал, с одной стороны, и содержащую потребляемую непроизводительно долю прибавочной ценности — с другой; c) наконец, часть прибавочной ценности, подлежащую накоплению (кстати: совершенно ясно, что это деление совершенно не симметрично с первым и в «общей товарной куче» может быть произведено лишь idealiter, т.-е. с помощью абстракции).

Р. Люксембург ставит далее вопрос о том, кто же является п о к у п а т е л е м каждой из этих трех частей. Она легко разрешает этот вопрос относительно первой и второй части нашей всеобщей «кучи» и затем подходит к вопросу о третьей части, т.-е. о п о д л е ж а щ е й к а п и т а л и з а ц и и д о л е п р и б а в о ч н о й ц е н н о с т и. Здесь необходимо передать ее несравненную аргументацию по возможности текстуально:

> ...Мы в нашем воображаемом едином складе капиталистического общества должны найти еще третью часть товаров, которая не предназначена ни для возобновления и с п о л ь з о в а н н ы х (наш курсив. *Н. Б.*) средств производства, ни для содержания рабочих (?!! *Н. Б.*) и капиталистов... Это будет часть товаров, содержащая... прибыль, предназначенную для капитализации, для накопления. Какого это рода товары и какая часть общества в них

[1] «Накопление капитала», т. II (Антикритика), стр. 547.

нуждается (наш курсив. *Н. Б.*), то-есть (?!), кто покупает их у капиталистов, чтобы, в конце-концов, дать им возможность превратить важнейшую часть прибыли в чистое золото? (курсив наш. *Н. Б.* [1]).

И дальше:

Здесь мы подошли к существу проблемы накопления и должны рассмотреть все попытки ее решения.

Быть-может, покупателями последней части товаров общественного склада являются рабочие? Но, ведь, рабочие, кроме полученной ими от предпринимателя заработной платы, не владеют никакими покупательными средствами [2]...

Но, может-быть, сами капиталисты, расширяя собственное частное потребление, могут явиться покупателями?.. Однако, если бы сами капиталисты без остатка прокучивали всю выжатую из рабочих прибавочную стоимость, то накопления никакого не было бы [3]...

Отсюда заключение:

Итак, кто же является покупателем, потребителем той части всех общественных товаров, продажа которых только и делает возможным накопление? Ясно одно: этими покупателями не могут быть ни рабочие, ни капиталисты [4].

Еще одна возможность:

«Но разве нет других слоев, вроде чиновников, военных, духовенства, ученых, художников, которых нельзя отнести ни к рабочим, ни к капиталистам?» Однако, «эти слои... не обладают никакими самостоятельными источниками покупательной силы, и... в качестве сотрапезников обеих частей общества — капиталистов и рабочих — уже подразумеваются, когда мы говорим о потреблении этих двух классов» [5]).

---

[1]) Ibidem, стр. 552

[2]) Ibidem, стр. 552. Здесь и ниже курсив наш. *Н. Б*,

[3]) Ibidem, стр. 553.

[4]) Ibidem, стр 554.

[5]) Ibidem.

После перечисления всех этих возможностей автора «Накопления» вдруг осеняет трезвая мысль, которую он, впрочем, чрезвычайно быстро гонит прочь:

> Есть, наконец, простой выход из затруднения. Может-быть, мы уподобляемся тому всаднику, который безнадежно разыскивал коня, на котором он сидел? Может-быть, капиталисты сами покупают друг у друга этот остаток товаров, и притом не для того, чтобы прокутить их в свое удовольствие, а затратить именно на расширение производства с целью накопления? Ибо что такое накопление, как не расширение капиталистического производства? Но (откуда это «но»? и по какому случаю? *Н. Б.)* для того, чтобы удовлетворить этой цели, указанные товары должны состоять не из предметов роскоши для частного потребления капиталистов, а из разного рода средств производства (нового постоянного капитала) и средств существования рабочих.
>
> Пусть это будет так. Но подобное решение лишь переносит затруднение с данного момента на следующий. В самом деле, допустив, что накопление началось, и что расширенное производство в следующем году выбрасывает на рынок еще большую массу товаров, чем в этом году, мы снова наталкиваемся на вопрос: где же мы тогда (курс. автора. *Н. Б.)* найдем покупателей для еще более возросшего количества товаров?
>
> Если нам ответят, что это возросшее количество товаров и в следующем году будет обменено капиталистами между собой и затрачивается ими всеми опять-таки для расширения производства, и так из года в год, то мы будем иметь перед собой карусель, которая вращается сама собой в пустом пространстве. Это будет в таком случае не капиталистическое накопление, т.-е. не накопление денежного капитала, а нечто противоположное (!!! *Н. Б.*): производство товаров ради производства, стало-быть (!), с точки зрения капитала, совершенная бессмыслица. Если капиталисты, как класс, всегда лишь сами являются покупателями всей своей товарной массы

(за исключением той части, которую они постоянно должны уделять рабочему классу на его содержание), если они сами должны собственными деньгами (о, ужас! *Н. Б.)* постоянно покупать товары и превращать в золото заключающуюся в них прибавочную стоимость, то накопление прибыли, накопление классом капиталистов, как целым [1]), невозможно.

Наконец, отсюда узловое, решающее заключение, которое начинает собою уже другую тему:

Если мы хотим, чтобы накопление имело место, то необходимо, чтобы для той части товаров, в которых заключается предназначенная для накопления прибыль, нашлись совсем другие покупатели,—покупатели, которые черпают свои покупательные средства из самостоятельного источника, а не из кармана капиталистов... Стало-быть, это должны быть покупатели, которые получают покупательные средства на основе товарного обмена, следовательно, от производства товаров, которое имеет место за пределами капиталистического товарного производства [2]).

Разберем и этот логический танец т. Р. Люксембург пункт за пунктом:

1. Характеристика «третьей части» «товарной кучи». Здесь необходимо обратить серьезное внимание на следующий, на первый взгляд пустяковый факт. Определяя пресловутую «третью часть», тов. Р. Л. утверждает, что она (эта часть) «не предназначена ни для возобновления использованных средств производства, ни для содержания рабочих» и т. д. Почему нужно было сказать об использованных, и именно об использованных, средствах производства, а не вообще о средствах производства? Потому что, поскольку капитализируемая прибавочная ценность состоит из средств производства, постольку эти средства производства являются добавочными средствами производства. Они «новы» не потому, что они становятся на место

---

[1]) Ibidem, 554, 555. В тексте ошибочно сказано: как «целого».

[2]) Ibidem, 555—556.

старых, использованных (эту функцию выполняет первая часть товарной кучи),—они новы потому, что они играют роль нового, добавочного капитала, величина которого прилипла к его прежней величине. Но как обстоит дело с рабочими? Правда, что ни одна часть «третьей части» не идет на содержание рабочих, как сказано у тов. Розы Люксембург? Нет, неправда. Ни один атом ценности не возмещает здесь «использованного» переменного капитала, — это верно. А нет ли здесь, не может ли здесь быть «нового», т.-е. добавочного переменного капитала, точно так же, как мы имели добавочный постоянный капитал? Ведь, a priori ясно, что если признать добавочный постоянный капитал, то нужно признать и нарастание (как бы оно мало ни было) также и переменного капитала. Но элементы этого добавочного переменного капитала уже заранее таинственно исчезли из товарной кучи, из чего, несмотря на отрицание накопления, тов. Р. Л. тотчас же стремится извлечь соответствующий профит.

2. Рабочие, как возможные покупатели. Это (т.-е. получение профита) случается как-раз при анализе вопроса о рабочих, как возможных покупателях. Они, по мнению тов. Р. Люксембург, уж никак не могут быть покупателями «излишка», так как, как всем известно, капиталисты держат их в черном теле, и покупательная способность рабочих ограничена заработной платой. Здесь можно ответить, как в известном анекдоте: «Что рабочие живут плохо, — этому я верю; и что их покупательная способность ограничена заработной платой, — этому я тоже верю. Но что рабочие не могут быть покупателями ни одного атома веществ, в которых воплощена подлежащая капитализации часть прибавочной ценности,— этому уж пусть верят сторонники товарища Р. Люксембург». В самом деле, о каких рабочих идет речь? Что это за постановка вопроса о рабочих «вообще»? Если речь идет о старых рабочих со старой рабочей силой и т. д. и со старой оплатой труда, то, ведь, в этих предпосылках уже заранее заключен отрицательный ответ. Неизменность переменного капитала предполагает неизменность спроса со стороны рабочих, отсутствие добавочных рабочих, словом, сохранение всех прежних условий касательно живой рабочей силы. Но это, по правилу (т.-е. когда не вся капитализируемая прибавочная ценность присоединяется к постоян-

ному капиталу), заранее предполагает и отсутствие накопления.

Таким образом, данный пункт, в котором ошибка Розы Л. удивительно хорошо гармонирует с ошибкой предыдущего пункта, по существу является развернутой тавтологией. В действительности же капиталисты нанимают добавочных рабочих, которые и пред'являют добавочный спрос.

3. Капиталисты, как возможные покупатели. Здесь прямо приходится удивляться аргументации тов. Розы Люксембург. Исследуя условия общественного равновесия, она потеряла здесь всякое равновесие. В самом деле, как она подходит к проблеме? Ее вопрос (мы извиняемся за повторение цитаты): «Может-быть, сами капиталисты, расширяя собственное частное потребление, могут явиться покупателями?» Ее ответ: «Если бы сами капиталисты без остатка прокучивали всю... прибавочную стоимость, то накопления никакого не было бы».

Другими словами:

— Если капиталисты все индивидуально потребляют и ничего не накопляют, то как возможно накопление?

— Накопление невозможно, потому что, чтобы накоплять, нужно накоплять.

Тов. Роза Люксембург отлично понимает, что капиталисты должны предъявлять в данном случае производительный спрос. Но она готова ограничиться самой безвкусной, до наивности грубой тавтологией, лишь бы только уйти от правильной постановки вопроса. Итак: и здесь т. Р Л. уже в самый вопрос заранее включает недопустимые предпосылки. Немудрено, что она получает и недопустимый ответ. В действительности капиталисты именно потому, что они накопляют, предъявляют добавочный спрос. Нужно все время помнить, что ценностные элементы добавочного капитала целиком, а вещественные элементы — частью, с самого начала принадлежат капиталистам. Следовательно, если речь идет о спросе капиталистов на то, что они уже имеют, то перед нами обмен внутри класса капиталистов. Только понявши это, можно понять, что означает покупка у себя самого: покупка со стороны класса капиталистов есть лишь обозначение взаимных торговых сделок внутри этого класса.

Однако, этим дело отнюдь не исчерпывается.

Ценностные элементы добавочных капиталов (и постоянного, и переменного) с самого начала уже находятся в руках капиталистов. А вещественные? И да, и нет. В результате производственного процесса на руках у капиталистов имеются средства производства, с одной стороны, средства потребления — с другой. Но если в следующем производственном кругу (как и вообще в любом производственном процессе) средства производства могут фигурировать in natura, то того же нельзя сказать о средствах потребления. Производственный процесс состоит в динамической связи не между средствами производства и *средствами потребления*, а между средствами производства и *живой рабочей* силой. Производство же рабочей силы есть процесс потребления рабочего класса, — процесс, который отличается тем, что он проходит вне фабрик, вне капиталистической команды и состоит только в переносе уже имеющихся ценностей (ценностей средств существования).

Все это выражается в том простом, основном и элементарном факте, что акты обмена, необходимые для воспроизводства, включают не только обмен между капиталистами двух подразделений, когда они (капиталисты) противостоят друг-другу, как непосредственный продавец и покупатель, но и меновые сделки между капиталистами и рабочими.

Возьмем, например, проблему реализации прибавочной ценности, подлежащей накоплению. Имеем:

$$A \ldots\ldots\ldots \beta_{1c} + \beta_{1v}$$
$$B \ldots\ldots\ldots \beta_{2c} + \beta_{2v}$$

Как проходит дело конкретно? Главное условие, как мы видели, заключается в равенстве: $\beta_{2c} = \beta_{1v}$, при чем части этого равенства должны поменяться местами. Тогда в первом подразделении у нас имелась бы сумма средств производства и средств потребления, при чем последняя по своей ценности равнялась бы необходимому добавочному переменному капиталу. То же мы имели бы и во втором подразделении. Однако, не нужно смешивать общественного *продукта* и его вещественной формы с общественным производительным *капиталом* и вещественной формой этого последнего. *Продукт* состоит из средств производства и средств потребления. *Капитал* в его

производительной форме состоит из средств производства и живой рабочей силы.

«Рассматриваемый с точки зрения стоимости, он (переменный капитал. *Н. Б.*) равен стоимости общественной рабочей силы,... следовательно, равен сумме заработной платы... Рассматриваемый с материальной стороны, он состоит из самой рабочей силы, проявляющейся в деятельности, т.-е. из живого труда, приводимого в движение этой капитальной стоимостью» [1]).

Следовательно, должны быть налицо акты обмена, в которых средства производства (собственник-капиталист) превращаются в живую рабочую силу. С другой стороны (здесь мы вынужденно забегаем вперед), капиталист не может, в силу общественной структуры, отдавать средства производства непосредственно, in natura. Отсюда добавочные акты обмена между рабочим и капиталистом.

Итак:

Капиталисты *А* авансируют денежную сумму добавочным рабочим *А*, равную β_{1_v} (нанимают добавочных рабочих).

Добавочные рабочие *А*, имея эту сумму на руках, покупают средства существования у капиталистов *В* на всю эту сумму. Так как $\beta_{1_v} = \beta_{2_c}$, то у капиталистов *В* исчезает вся часть, равная β_{2_c}, зато появляется ценностно равная денежная сумма [2]).

Капиталисты *В* покупают на эти деньги у капиталистов *А* средства производства. Следовательно, у капиталистов *В* появляется добавочный постоянный капитал в подходящей форме средств производства, у капиталистов *А* исчезает β_{1_v} в средствах производства, но зато возвращается назад авансированная ими в начале процесса денежная сумма.

Обозначим капиталистов *А* через *КА*, рабочих *А* через *РА*; соответственные обозначения в подразделении *В* будут *КВ* и *РВ*.

---

1) Маркс, Капитал, т. II, стр. 370. Последний курсив наш. *Н. Б.*

2) В сущности здесь необходима меньшая денежная сумма, в силу того, что одно и то же количество денег опосредствует ряд товарных сделок. В данной логической связи это обстоятельство не имеет значения. Однако, оно является решающим в другой логической связи. Об этом ниже

Тогда цепь актов купли-продажи, рассматриваемая с точки зрения не ценностей, а контрагентов сделок, схематически изобразится следующим образом:

КА—*РА*—*КВ*—*КА* (звенья цепи: *КА*—*РА*; *РА*—*КВ*; *КВ*—*КА*).

В результате все вещественные элементы стоят теперь на своих местах. Деньги же возвратились к своим владельцам, сыграв роль средства обращения и опосредствовав правильную расстановку вещественных элементов капитала.

Мы предположили, что деньги были авансированы капиталистами *А*. Но мы можем предположить, что они текут из карманов капиталистов *В*. Тогда будем иметь такой ряд: *КВ* покупают у *КА* средства производства, авансируя на это сумму, равную $\beta_{2e}=\beta_{1v}$; *КА* нанимают добавочных рабочих *РА*; добавочные рабочие *РА* покупают у *КВ* средства потребления. Деньги возвращаются на свое место, вещественные элементы капитала взяты в надлежащей связи.

Цепь актов купли продажи будет:

КВ—*КА*—*РА*—*КВ* (звенья цепи: *КВ*—*КА*; *КА*—*РА*; *РА*—*КВ*).

Возвращаемся теперь к нашему вопросу. Итак, совершенно ясно, что капиталисты могут предъявить и предъявляют добавочный спрос частью непосредственно (на средства производства), частью, фигурально выражаясь, через посредство рабочих (спрос на предметы потребления), авансируя рабочим деньги.

Итог совершенно очевиден. Покупателями добавочных средств производства являются сами капиталисты; покупателями добавочных средств потребления являются добавочные рабочие, которые получают деньги от капиталистов, покупающих рабочую силу этих добавочных рабочих.

А тов. Роза Люксембург, выставляя напоказ свою смехотворную тавтологию, заключает: «Ясно одно: этими покупателями не могут быть ни рабочие, ни капиталисты» (554)!

4. Но самое замечательное следует дальше. Тов. Люксембург, перебрав в числе прочего ряд невинных возможностей и победоносно их «опровергнув», вплотную подходит к правильной постановке вопроса. Она спрашивает себя (под самый конец!), не может

ли исходить спрос со стороны капиталистов, и притом спрос не личный, а производительный. Она при этом, как мы видели, совершенно правильно предполагает, что предметы спроса должны в таком случае состоять из средств производства и из средств существования рабочих. И что же? Подойдя к решению проблемы, она вдруг разражается уже приведенной нами тирадой: «Пусть это будет так. Но подобное решение лишь переносит затруднение с данного момента на следующий». Позвольте, но если это «так» (а это «так» есть вынужденная уступка, ибо против того, что это «так», у Розы нет ни единого аргумента), т.-е. если покупатели нашлись, то в чем же «затруднение», которое «переносится» на «следующий момент»? В том, что и в следующий момент продажа предполагает покупку, и покупщики опять найдутся? Ведь, затруднение состояло в том, что покупатели куда-то запропастились. Но раз они нашлись, раз, следовательно, затруднение оказалось лишь «идеальным» затруднением, т.-е. затруднением Розы при анализе воспроизводства, а не затруднением самого процесса воспроизводства, то в чем же дело? Из затруднительного положения тов. Л. пытается выбраться при помощи излюбленной детской забавы, а именно при помощи карусели, которая должна вывозить т. Люксембург наиболее удачным манером.

«Карусельный» аргумент должен, очевидно, содержать в себе два довода: во-первых, повторение «затруднения»; во-вторых, «бессмыслица с капиталистической точки зрения».

Если речь идет о повторении «затруднения», то мы на это уже ответили. В том же, что процесс носит циклический характер, нет ничего предосудительного ни с капиталистической, ни с какой бы то ни было иной точки зрения. Слово же «карусель» и соответствующий ярмарочный образ ни в малой степени не являются доказательством.

Рассмотрим еще раз аргумент от «бессмыслицы», так как он приводится здесь в гораздо более резкой и несколько отличной от прежнего формулировке.

Итак, перед нами «карусель». «Это будет, — пишет, как мы уже видели, Роза, — не капиталистическое накопление, т.-е. не накопление денежного капитала, а нечто противоположное: производство товаров ради производства, стало-быть, с точки зрения капитала, совершенная бессмыслица».

Тут опять целый пук ошибок и противоречий.

Во-первых. Противоположностью денег является, как известно, товар, а противоположностью денежного капитала — товарная его форма. Следовательно, здесь у Розы только простое воспроизводство одного еврейского анекдота: «Вы ушиблись?» «Нет, совсем наоборот». Промышленный же капитал, который воплощает «действительное воспроизводство», в своем кругообороте объединяет все три фигуры кругооборота. «Действительный кругооборот промышленного капитала в своей непрерывности является... не только единством процесса обращения и процесса производства, но и единством всех его трех кругооборотов» [1]).

Во-вторых. Если тов. Л. признала, что «это так», т.-е. что покупатели нашлись, и производство может начаться снова, то, как бы она ни квалифицировала этот процесс, — процесс фактического расширенного (и, очевидно, не социалистического все же) воспроизводства,—она тем самым признала, что он прошел и через свою денежную фазу (выше мы конкретно показали, как это происходит).

В-третьих. Но тов. Р. Люксембург этим отнюдь не удовлетворяется. И она этим не удовлетворяется потому, что имеет совершенно чудовищное представление о капиталистическом накоплении. Она отождествляет накопление совокупного общественного капитала с накоплением денежного капитала! Если на основе ее первой работы («Накопление») можно было об этом лишь догадываться, то здесь, в «Антикритике», она делает его сама, и притом expressis verbis. Деньги, как самоцель, — вот, по ее мнению, цель капиталистов. Если деньги оказываются лишь фазой в движении «действительного производства», то тогда не может быть и речи о капиталистическом накоплении.

Точное описание такого процесса есть у Маркса. «Товар продается не для того, чтобы купить другие товары, а для того, чтобы заместить товарную форму денежной. Из простого посредствующего звена при обмене веществ эта перемена формы становится самоцелью. Вместе с тем деньги окаменевают в виде сокровища, и продавец товаров становится собирателем сокровищ» [2]).

[1]) Маркс, Капитал, II, 76.

[2]) Маркс, Капитал, т. I, стр. 98.

«За известными исключениями, чрезмерное по сравнению со средним уровнем накопление свидетельствует о застое товарного обращения или о приостановке течения товарных метаморфоз» [1]).

Неужели эти процессы прикажете считать за тип расширенного капиталистического воспроизводства?..

Мы приведем, наконец, одну цитату, которая попадает прямо в сердце «розистской» аргументации:

> В противоположность стародворянскому принципу, который, по справедливому замечанию Гегеля, «состоит в потреблении имеющегося в наличности» и особенно ярко проявляется в роскоши личных услуг, буржуазная политическая экономия считала существенно важным неустанно проповедывать накопление капитала, как первый долг гражданина: не может накоплять тот, кто проедает весь свой доход вместо того, чтобы добрую долю его расходовать на наем добавочных производительных рабочих, приносящих более, чем они стоят.
>
> С другой стороны, политической экономии приходилось бороться с народным предрассудком (слушайте, товарищи-«розисты»! *Н. Б.*), который смешивает капиталистическое производство с накоплением сокровищ.
>
> ...В действительности изъятие денег из сферы обращения было бы прямою противоположностью их употребления в качестве капитала, а накопление товаров в смысле собирания сокровищ — бессмыслицей [2]).

И еще:

> Накопление ради накопления, производство ради производства,—этой формулой классическая политическая экономия выразила историческое призвание буржуазного порядка [3]).

Но, — скажут нам сторонники тов. Р. Л., — автор «Накопления» вовсе не смешивает накопления денежного сокровища

[1]) Ibidem, 115.
[2]) «Капитал», I, 574.
[3]) Ibidem, I, 581.

и накопления капитала. Однако, что-нибудь из двух: или мы считаем, что процесс накопления есть присоединение к прежнему капиталу добавочного капитала в денежной форме только для того, чтобы эта форма тотчас же сменилась формой производительного капитала; или мы, «рассудку вопреки», отрицаем это.

Если мы это признаем, то для нас будет совершенно ясно следующее: в каждый данный момент совокупная, подлежащая накоплению прибавочная ценность, реально находится в разной форме: и в форме товара, и в форме денег, и в форме функционирующих средств производства, и в форме рабочей силы. Поэтому никак нельзя отождествлять прибавочную ценность в денежной форме с совокупной прибавочной ценностью. Весь класс капиталистов в целом, при наших предпосылках, может реализовать свою совокупную прибыль, но этот процесс есть ступенчатый процесс. Поэтому прибавочная ценность каждого капиталиста, капиталистов каждой производственной отрасли и, следовательно, всего класса капиталистов проходит через денежную фазу своего развития. По Розе Люксембург, однако, выходит, что, если прибыль, подлежащая накоплению, скинула с себя денежный костюм, она уже не есть накопленная прибыль; но тогда пусть сторонники т. Розы Люксембург объяснят нам методы и приемы непорочного зачатия этой части капитала.

Самое комическое во всей этой талмудической софистике следующее пикантное обстоятельство. Предположим, что совокупная подлежащая накоплению прибыль, согласно всем, как смутным, так и довольно отчетливым, желаниям т. Р. Л., состоит в данный момент из золота. Каждый капиталист в отдельности и все они, взятые вместе, одновременно реализовали свой соответствующий продукт (т.-е. средства производства и средства потребления), что могло случиться, к великой радости Розы Люксембург, только при условии сбыта на чужой рынок. Прекрасно. Но что же дальше? Если не настаивать на том, что наши капиталисты — собиратели сокровищ, скупердяи etc., то им золото нужно превращать в производительный капитал. Они хотят купить добавочные средства производства. Но этих вещей нет (ведь, они сами их продали). Они покупают их снова за границей. Пытаются нанять рабочих. Нанимают. А тем есть нечего. Тогда

рабочие выписывают из-за границы продукты потребления. И так дело идет каждый раз. Сперва капиталисты продают товар за границу, потом его же покупают[1]). И каждый раз вопрос «накопления» разрешается таким же манером.

Вот это не карусель! Вот это не бессмыслица!

В сущности говоря, на этом можно было бы покончить с вопросом о накоплении в его самой абстрактной постановке. Мы видим, что Р. Л., которая начала с того, что выключила вопрос о деньгах etc., отступая, стала опираться только и исключительно на этот, первоначально отвергнутый момент. В основе мы вскрыли ошибку автора «Накопления» и здесь. Но для полноты аргументации и для того, чтобы доставить удовольствие товарищам-«розистам», мы разберем вопрос о роли денег в процессе воспроизводства в следующей главе.

---

[1]) Кстати сказать, во втором случае заграница должна быть другой заграницей.

ГЛАВА II.

ДЕНЬГИ И РАСШИРЕННОЕ ВОСПРОИЗВОДСТВО.

В предыдущем изложении мы видели, как т. Роза Люксембург, «начав за упокой» деньгам и их роли в анализе совокупного общественного воспроизводства, кончила «здравицей» в их пользу, как-раз тогда, когда не стало хватать аргументов для поддержания здравия собственной концепции тов. Розы Люксембург. Оказывается, что именно здесь-то и зарыта собака, ибо схемы Маркса «действительны» и «доказательны» только потому, что в них мало обращается внимания на денежную форму капитала. Автор «Накопления» издевается над этими схемами, где «мы, чувствуя себя господами положения, при помощи чернил и бумаги выводим один под другим ряды чисел, с которыми можно превосходно производить математические операции, и *в которых мы совершенно не принимаем во внимание денежный капитал*»[1].

Посмотрим, однако, насколько обязательна для нас потеря «господства», если мы — правда, тоже при помощи бумаги и чернил — уделим «денежному капиталу» подобающее и приличествующее ему внимание.

В процессе общественного воспроизводства каждый атом индивидуального капитала, каждый индивидуальный капитал и, следовательно, совокупный общественный капитал, должен проходить через денежную фазу своего развития, т.-е. периодически принимать форму денежного капитала, которая, несмотря на свой «иллюзорный характер», так же необходима для движения промышленного капитала, как и производительная форма этого последнего, воплощающая «действительное производство».

---

[1]) Р. *Люксембург*, Антикритика, стр. 574. Курсив наш. *Н Б*

В связи с этим мы должны поставить и разрешить следующие вопросы:

1. О конечном источнике денег.

2. О количестве обращающихся денег в связи с процессом общественного воспроизводства.

3. О накоплении денежного капитала.

Ad 1. Как и всякий товар, деньги являются продуктом труда, т.-е. должны быть произведены. Если для простоты анализа отвлечься от различия между золотыми деньгами в собственном смысле этого слова и золотым денежным материалом, то производство денег будет соответствовать определенной производственной отрасли, а именно золотопромышленности. В том, что деньги не падают с неба, а должны быть произведены на нашей грешной земле, так же мало чего-либо таинственного, как и в том обстоятельстве, что железная руда добывается в горной промышленности, рожь — в сельском хозяйстве, а машины выделываются в машиностроительной индустрии. Следовательно, с этой точки зрения, нет никакой принципиальной разницы между вопросом, откуда у совокупного класса капиталистов есть на руках деньги, и вопросом, откуда у него есть средства производства. Исторически развившиеся общественные свойства денег отнюдь не отрицают того, что деньги суть продукт производства. «Чтобы функционировать в качестве денег, золото должно, конечно, вступить в каком-нибудь пункте на товарный рынок. Этот пункт находится у источника его производства, — там, где оно, как непосредственный продукт труда, обменивается на другой продукт труда той же стоимости. Но, начиная с этого момента, оно занимается лишь тем, что непрерывно выражает в себе реализованные цены товаров» [1].

Таким образом, если мы рассматриваем движение совокупного общественного капитала с точки зрения материальной формы, т.-е. вещественных пропорций, которые необходимы для взаимной замены вещественных элементов («обмена веществ» внутри «общественно-производственного организма») и опосредствующих материальных звеньев этой замены, — то мы придем к заключению, что для капиталистического строя существует такая же принудительная общественная необходимость произ-

[1]) К. Маркс, Капитал, т. I, стр. 76. Курсив наш. *Н. Б.*

водства денег, как и вещественных элементов производительного капитала. Таким образом, если с чисто-производственной точки зрения воспроизводство денег и не входит, как составной элемент, в процесс «действительного воспроизводства», то оно является необходимым с точки зрения специфическо-исторической формы капитала. При всем том, однако, ни в коем случае не нужно позабывать, что товар, так сказать, предсуществует по отношению к деньгам. «Как мы видели, уже в самом простом выражении стоимости: x товара $A = y$ товара B, та вещь, в которой выражается величина стоимости другой вещи, обладает, повидимому, своей эквивалентной формой независимо от этого отношения, обладает ею, как некоторым от природы присущим ей общественным свойством. Мы проследили, как укрепляется эта иллюзия. Она достигает наивысшего развития, когда форма всеобщего эквивалента срастается с натуральной формой определенного товарного вида, или откристаллизовывается в денежную форму. При этом создается впечатление, что не данный товар становится деньгами потому, что в нем выражают свои стоимости все другие товары, а, наоборот, эти последние выражают в нем свои стоимости потому, что он — деньги»[1]). Расщепление чисто-товарной и денежной функции золота находит свое главное и основное выражение в том, что продукт золотопромышленности поступает, с одной стороны, как сырой материал для промышленных целей, с другой — превращается в деньги и функционирует в совершенно особой форме всеобщего товарного эквивалента.

Итак, производство денежного материала входит в состав общественного производства в его целом, а фигура золотопромышленника настолько же таинственна, насколько таинственна фигура металлургического заводчика, фабриканта ваксы или «короля цыплят». На вопрос, «откуда вообще появляются деньги в стране», не может быть другого ответа (мы, как читатели знают, имеем все время в виду абстрактное и изолированное капиталистическое общество), кроме весьма элементарного и простого ответа: из той отрасли промышленности, где происходит добыча золота

---

[1]) Маркс, Капитал, т. I, стр. 60—61.

Ad 2. Если деньги, как таковые[1]), являются при капитализме общественно-необходимым элементом процесса воспроизводства, это не значит, что они не играют в этом процессе особой, совершенно специфической роли. Эта специфичность заключается в том, что они не образуют элемента «действительного воспроизводства» и, следовательно, живут все время в сфере обращения. Деньги неустанно бегают из одного кармана в другой и ведут кочевой образ жизни подобно цыганам среди цивилизованных жителей Европы. Поэтому совершенно нелепо представление, по которому любое новое приращение товарной ценности должно, с точки зрения капиталистического воспроизводства, сопровождаться таким же приращением ценности, заключенной в таинственную золотую оболочку. Точно так же, как на спиритических сеансах один и тот же медиум может последовательно «обрабатывать» сотни дураков, медиум в виде золотой единицы может последовательно обслуживать бесчисленное множество товарных сделок, «...поскольку деньги обращаются, как покупательное или платежное средство, безразлично, в какой из двух сфер, и независимо от их функции реализовать доход или капитал, — законы, ранее развитые при исследовании простого товарного обращения (книга I, глава III, 26) сохраняют свою силу для количества обращающихся денег. Степень быстроты обращения, т.-е. число повторений одной и той же монетой в данный промежуток времени одной и той же функции покупательного и платежного средства, количество одновременных покупок и продаж или платежей, сумма цен обращающихся товаров, наконец, платежные балансы, которые в одно и то же время следует покрыть, в обоих случаях определяют массу обращающихся денег, currency. Представляют ли функционирующие таким образом деньги для плательщика или получателя капитал или доход, это безразлично, ровно ничего не изменяет в положении дела. Масса денег просто определяется их функциями как покупательного и платежного средства» [2]).

Ad. 3. От роста массы денег, имеющихся в обращении,—массы, которая растет, но ни в коей мере непропор-

[1]) «Золото может быть и не быть деньгами, как бумага может быть и не быть банкнотой»,—цитирует Маркс показания Оверстона. См. «Капитал», т. III[1], стр. 419.

[2]) Маркс, Капитал, т. III[1], стр. 431—432.

ционально росту действительного воспроизводства, нужно отличать накопление денежного капитала, как специфической формы капитала, которая обособилась в своей функции и получила свое самостоятельное движение. Если всю массу вновь производимой прибавочной ценности отнюдь нельзя отождествлять с вновь наросшей суммой денег, так как процесс реализации отнюдь не нуждается в такой сумме, то, с другой стороны, нельзя смешивать накопления капитала с накоплением денежного капитала: «Что касается... части прибыли, не предназначенной для потребления в качестве дохода, то она превращается в денежный капитал лишь в том случае, если она не может быть непосредственно употреблена на расширение предприятия в той сфере производства, в которой она создана» [1]).

Во второй части III тома «Капитала» (главы 30, 31, 32: «Денежный капитал и действительный капитал») Маркс дает также и подробный анализ соотношения между накоплением денежного капитала и накоплением действительного капитала. Его общее заключение таково: «Этот процесс (накопления ссудного капитала. *Н. Б.*) совершенно отличен от действительного превращения в капитал; это только накопление денег в такой форме, в которой они могут быть превращены в капитал. Но накопление это может... служить выражением моментов, весьма отличных от действительного накопления. При постоянном расширении действительного накопления, это расширенное накопление денежного капитала отчасти может быть его результатом, отчасти — результатом моментов, сопровождающих его, но совершенно от него отличных, отчасти, наконец, даже результатом приостановки действительного накопления» [2]).

Итак: добавочные деньги, вновь произведенная прибавочная ценность, подлежащая накоплению, накопление «денежного

---

[1]) К. Маркс. Капитал, т. III[2], стр. 45. Курсив наш. Речь идет здесь не о технической невозможности, а о насыщении данной отрасли капиталом или о недостаточной порции, которую представляет прибыль. *Н. Б.*

[2]) К. Маркс, Капитал, III[2], стр. 46.

капитала»,—все эти три величины отнюдь и ни в коем случае не покрывают друг-друга.

После этих предварительных замечаний мы можем перейти к разбору положений т. Розы Люксембург. Однако, здесь мы не будем заранее обрисовывать существа ее позиции, так как аргументирует она до крайности сбивчиво, и подоснова ее ошибок может вырисоваться лишь в ходе анализа ее отдельных критических замечаний. Поэтому мы начнем с контр-атаки по различным направлениям ее разбросанного фронта, и уже потом перейдем к увязке всех основных возражений с нашей стороны.

Полемизируя с г. С. Булгаковым, которого Р. Л. обвиняет в том, что он «рабски» следует Марксу (вот, ведь, грех какой, подумаешь!), автор «Накопления» так формулирует позицию Булгакова:

> «Его» решение вопроса ни на шаг не подвинулось вперед по сравнению с анализом, выполненным Марксом. Оно сводится к следующим трем чрезвычайно простым положениям: 1) Вопрос: сколько нужно денег, чтобы реализовать капитализированную прибавочную стоимость? Ответ: столько, сколько нужно согласно общему закону товарного обращения. 2) Вопрос: откуда у капиталистов берутся деньги для реализации капитализированной (?) прибавочной стоимости? Ответ: они должны их иметь. 3) Вопрос: откуда деньги вообще берутся в стране? Ответ: от золотопромышленника [1].

После этого — саркастическое замечание:

> Метод объяснения, который по своей исключительной простоте скорее подозрителен, чем соблазнителен [2].

Но так как на одном сарказме не уедешь, то тов. Р. Л. пробует аргументировать, приставляя одобрительные возгласы и восклицательные знаки к цитатам из Булгакова. Центром нападения служит несчастный «золотопромышленник».

> «Итак, — цитирует Р. Л. г. Булгакова, — не может ли оказать золотопромышленник услугу, покупая у II всю (наш курсив. *Н. Б.*) накопляемую им приб. стоимость и уплачивая ему за нее золотом, которое II потом и употребит на

[1]) Р. Люксембург, Накопление, стр. 301.

[2]) Ibidem, 301.

покупку средств производства у I и на добавочный переменный капитал при расширении производства, т.-е. на покупку добавочной рабочей силы. Истинным внешним рынком, таким образом, является золотопромышленник. Но это — совершенно абсурдное предположение. Признать его — значит поставить расширение производства в зависимость от расширения производства золота (браво!). Это предполагает, в свою очередь, такой рост золотого производства, который совершенно не соответствует действительности... все золотое производство должно принять прямо чудовищные размеры (браво!)... достаточно указать на один факт, который сам по себе уже достаточно уничтожает это предположение. Факт этот — развитие кредита, сопровождающее развитие капиталистического хозяйства (браво!)... Таким образом, сделанная гипотеза стоит в прямом и очевидном противоречии с фактами и должна быть отвергнута»[1]).

Далее Роза: «Браввисимо! Очень хорошо! Но этим Булгаков сам отверг свое единственное прежнее решение вопроса, как и через кого реализуется капитализированная прибавочная стоимость. Впрочем, он в этом самоопровержении изложил только несколько подробнее то, что сказал уже одним словом Маркс, когда он назвал «нелепой» гипотезу о золотопромышленнике, поглощающем в с ю (наш курсив. *Н. Б.*) общественную прибавочную стоимость»[2]).

Итак, что считал «нелепым» Маркс, и что же, в конце-концов, «отверг» г. Булгаков («рабски следуя Марксу» и в этом случае?). Гипотезу, что золотопромышленник непосредственно покупает в с ю накопляемую прибавочную ценность II подразделения (как это формулирует точно, не в пример т. Р. Л., Булгаков). Нужно ли отвергнуть эту гипотезу? Конечно, нужно, потому что такого раздувания золотой промышленности предполагать нельзя даже при гипотетическом абстрактном капитализме. Накопляемая прибавочная ценность должна обязательно пройти через денежную фазу своего движения, но она реализуется не сразу, а частями, не сплошной товарной кучей, которая противостоит такой же сплошной денежной куче, а путем громадного количества сделок,

---

1) Б у л г а к о в. О рынках etc., 132; цит. у Р. Л., ibid., стр. 302.
2) Р. Л ю к с е м б у р г, l. c., 302.

в которых одна и та же денежная единица реализует одну за другой множество товарных порций, каждая из которых ценностью равна этой денежной единице.

Если бы каждая денежная единица делала только один оборот; если бы не было кредита; если бы увеличение быстроты оборота было невозможно; если бы не было погашения взаимных платежей; если бы производство золота было совершенно идентично с производством денег; если бы не было денежных сокровищ, исторически возникших; если бы немыслим был лаж на золотую монету и т. д., и если бы предполагалось при всем этом чистое золотое обращение,—то тогда реальностью была бы именно «нелепая» гипотеза, производство и его расширение зависели бы от производства золота, производство золота чудовищно бы росло, и параллельно росту товарной кучи Розы Люксембург вздымалась бы огромная и все увеличивающаяся гора золота.

Нелепость, следовательно, заключается в том, что не учитывают быстроты оборота, что отрицают кредит и т. д.; другими словами, нелепо представление о золотой куче, которая эквивалентна куче товарной. Но отнюдь не нелепо предположение, что добавочные деньги идут от золотопромышленника; отнюдь не нелепо, что они опосредствуют добавочные меновые сделки, если только экономия на средствах обращения и увеличение быстроты оборота не компенсируют и не покрывают возросшей потребности в деньгах.

Таким образом тов. Р. Л. отнюдь не удалось отделаться парой поощрительно-иронических восклицаний. В этой стычке истина отнюдь не на ее стороне и неудивительно, что после своего «опровержения» Булгакова, она тотчас меняет постановку вопроса и ставит вместо вопроса о деньгах пресловутую загадку: «Для кого?», — загадку, которую мы решили уже в предыдущей главе.

Однако, в арсенале тов. Р. Л. имеется по поводу этого решения еще один аргумент, который выставляется ею, правда, в другом месте, но примерно в той же логической связи. Тов. Р. Л. пишет:

> Если мы рассматриваем весь общественный продукт (капиталистического хозяйства) просто, как товарную массу

определенной стоимости, как Warenbrei («товарную кашу»), и при условиях накопления видим только прирост этой недифференцированной «товарной каши» и массы ее стоимости, — тогда нам придется констатировать, что для обращения этой массы стоимостей требуется соответствующее количество денег, что это количество денег должно расти, когда растет масса стоимости, и если при этом ускорение обращения и его экономизирование не уравновешивает приращения стоимости. И на последний вопрос: откуда же в конце-концов, берутся все деньги? — можно вместе с Марксом ответить: из золотых рудников. Это тоже точка зрения, именно точка зрения простого товарного обращения. Но в таком случае не нужно вводить таких понятий, как постоянный и переменный капитал и прибавочная стоимость, которые относятся не к простому товарному обращению, а к обращению капитала и общественному воспроизводству; в таком случае не нужно ставить вопрос: откуда берутся деньги для реализации общественной прибавочной стоимости, и притом: 1) при простом и 2) при расширенном воспроизводстве? Такие вопросы с точки зрения простого товарного и денежного обращения не имеют никакого смысла и никакого содержания. Но раз эти вопросы поставлены, раз исследование постановлено с точки зрения обращения капитала и общественного воспроизводства, то нечего искать ответа в пределах простого товарного обращения, чтобы, — так как проблемы здесь не существует, и на нее нельзя дать ответа, — потом заявить: на проблему уже давно дан ответ, — ее вообще не существует [1]).

В этой тираде, которая должна казаться формально убедительной и, так сказать, методологически проникновенной, на самом деле скрывается одна крупнейшая теоретическая ошибка. А именно тов. Роза Люксембург, которая все время апеллирует к специфически-историческому, особому, своеобразному и т. д., не видит как-раз специфических особенностей денег и их роли,

A . . $c_1 + v_1 + \alpha_1 + \beta_{1c} + \beta_{1v}$

B . . $c_2 + v_2 + \alpha_2 + \beta_{2c} + \beta_{2v}$

---

[1]) Р. Л., l. с., стр. 155—156.

Какие закономерности выводили мы с точки зрения движения совокупного общественного капитала? Мы имели ряд равенств, которые сводились к равенству: $v_1 + a_1 + \beta_{1v} = c_2 + \beta_{2c}$.

Поскольку речь идет об элементах «действительного воспроизводства», и поскольку предполагается экономическое равновесие, взаимная определенность различных производственных отраслей выражается в противопоставлении одних произведенных товарных (и в то же время ценностных) масс другим. Отсюда и вышеприведенные уравнения.

Положим теперь, что мы имеем *третий* ряд, который соответствует производству золота, resp. денежного материала, resp. денег. Возможны были бы уравнения *того* же типа *здесь*? На этот вопрос можно было бы ответить положительно только в одном случае: если бы налицо была предпосылка, в силу которой золотая «куча» противопоставляется товарной «куче» и обратно. Но как-раз этой-то предпосылки и *нет*, ибо движение денег *не* таково, как движение товара; ибо общественный спрос на деньги имеет *другую* структуру, чем спрос на любой товар; ибо в «обмене веществ» деньги играют совершенно *особую* роль.

Если в нашей формуле общественного воспроизводства, рассматриваемой с точки зрения «действительного воспроизводства», $(v_1 + a_1)$ создает спрос на c_2; c_2 создает, обратно, спрос на $(v_1 + a_1)$; если β_{1v} создает спрос на β_{2c} и обратно; если, следовательно, в целом $(v_1 + a_1 + \beta_{1v})$ создает спрос на $(c_2 + \beta_{2c})$, а $(c_2 + \beta_{2c})$, в свою очередь, создает спрос на $(v_1 + a_1 + \beta_{1v})$, то спрос на *деньги* будет определяться по *другому типу*. Это — вздор, что здесь совершается переход на точку зрения простого товарного обращения, которая *отлична* от точки зрения движения капитала. Здесь принимается во внимание то *специфическое*, что отличает движение денег в процессе воспроизводства всего общественного *капитала* от движения любой материально-определенной формы товара. Никто — даже сам Маркс — не может быть ответственным за тот элементарный факт, что общественная необходимость денег и, следовательно, спрос на них определяется не тем, что что-то нужно заместить или увеличить в области *производственной*, а той функциональной ролью, которую деньги играют в совершенно специфической

сфере — сфере обращения[1]). Из этой особой роли денег вытекает и все остальное. Например:

> ...совершенно неправильно превращать различие между обращением, как обращением дохода и как обращением капитала, в различие между обращением и капиталом. Такой оборот речи происходит у Тука потому, что он просто становится на точку зрения банкира, выпускающего собственные банкноты. Сумма его банкнот... ничего ему не стоит.., однако (банкноты. *Н. Б.*), приносят ему деньги... Но они отличны от его капитала... Отсюда для него вытекает специальное различие между обращением и капиталом, которое, однако, не имеет ничего общего с значением этих понятий самих по себе и всего менее с тем значением, какое они получили у Тука.
>
> Различие назначений денег — функционируют ли они, как денежная форма дохода или капитала — ближайшим образом ничего не изменяет в характере денег, как средства обращения; они сохраняют этот характер, выполняют ли они ту или другую функцию[2]).

Итак, и этот «принципиальный» аргумент тов. Розы Люксембург падает.

Теперь мы переходим к центральной аргументации т. Р. Л.,— аргументации, которую она развивает уже не по линии вопроса, для кого производится накопляемая прибавочная ценность, а по совершенно другой линии, каким образом возможно накопление, которое есть, согласно учению т. Р. Л., накопление денежного капитала. Здесь, в целях точности и ясности, с одной стороны, в целях

[1]) Упреки Марксу со стороны Розы Люксембург здесь («зачем, мол, ставить сложные вопросы, когда хочешь притти к довольно простому ответу»), как и в других местах, часто исходят из непонимания характера положений II тома. Маркс, работая для себя, все время «примеривал», делал предварительные наметки, набрасывал ориентирующие вопросы, и т. д. Вот этого т. Р. Л. совершенно не принимает во внимание, в особенности, когда «играет словами».

[2]) Маркс, Капитал, т. III[1], стр. 431 (Средства обращения и капитал; воззрения Тука и Фуллартона). Курсив наш. *Н. Б.*

предупредить возможные обвинения в том, что мы приписываем тов. Р. Люксембург небылицы — с другой, мы предварительно должны точно процитировать наиболее важные относящиеся к делу места из самой Розы. Да не посетует на нас за эти необходимые длинные выписки читатель.

Вспомним сперва одно место, которое мы уже приводили:

> Если капиталисты, как класс, всегда лишь сами являются покупателями всей своей товарной массы (за исключением той части, которую они постоянно должны уделять рабочему классу на его содержание), если они сами должны собственными деньгами постоянно покупать товары и превращать в золото заключающуюся в них прибавочную стоимость, то накопление прибыли, накопление классом капиталистов, как целым, невозможно[1]).

Эту тему автор «Накопления» развивает особенно подробно и наиболее концентрированно в следующем месте:

> Накоплять капитал не значит производить все большие горы товаров, а превращать все больше товаров в **денежный капитал.** Между накоплением прибавочной стоимости в товарах и применением прибавочной стоимости для расширения производства мы имеем всякий раз решительный скачок, salto mortale товарного производства, как называет его Маркс, — продажу за деньги. Быть-может, это имеет значение лишь для отдельного капиталиста, а не для всего класса, не для общества в целом? Отнюдь нет... Таким образом накопление прибыли, как **денежного капитала,** является именно специфической и весьма существенной чертой капиталистического производства. Сам Маркс при рассмотрении накопления совокупного капитала отмечает образование нового денежного капитала, сопровождающее действительное накопление и обусловливающее его при капиталистическом производстве... (Капитал, т. II, стр. 499—500)...

---

[1]) Антикритика, 555. Курсив наш. *Н. Б.*

Капиталист *А* [1]) продает свои товары *В;* он получает, следовательно, от *В* прибавочную стоимость в деньгах. *В* продает свои товары *А* и для превращения в золото собственной прибавочной стоимости получает обратно деньги от *А*. Оба они продают свои товары *С* и, следовательно, получают от того же *С* деньги и за их прибавочную стоимость. Но откуда получает их *С*? От *А* и от *В*.

Ведь, других источников для реализации прибавочной стоимости, т.-е. других потребителей товаров, согласно предпосылке, не существует. Но может ли таким образом иметь место обогащение *А*, *В* и *С* **в виде образования у них нового денежного капитала?**.. Пусть процесс эксплоатации закончен и пусть возможность обогащения, накопления налицо. Но для того, чтобы эта возможность превратилась в действительность, необходим обмен, реализация возросшей новой прибавочной стоимости в возросшем новом денежном капитале. Nota bene, мы не спрашиваем здесь (!), как это многократно делает Маркс во II томе «Капитала», откуда берутся деньги для обращения прибавочной стоимости, — с тем, чтобы, в конце-концов, ответить: от золотопромышленника. Напротив (!!), мы спрашиваем: как новый денежный капитал (откуда он? *Н. Б.*) попадает в карманы капиталистов, раз они (если не считать рабочих) являются единственными покупателями товаров? **Ведь, денежный капитал постоянно переходит здесь из одного кармана в другой.**

И опять-таки: может-быть, мы такими вопросами только сбиваемся с пути? Может-быть, накопление прибыли и заключается в этом процессе постоянного перехода денег из одного капиталистического кармана в другой, в последовательной реализации частных прибылей, при которой **общая сумма денежного капитала вовсе не должна возрастать,** так как (!?! *Н. Б.*) нечто такое, как «совокупная прибыль» капиталистов, существует только в «серой» теории?

---

[1]) В примере Р. Л. капиталист *А* производит уголь. *В*—машины, *С*—средства существования; эти три лица представляют собой совокупность капиталист. предпринимателей (570).

Но увы! Сделав такое допущение, мы попросту бросили бы в печку третий том «Капитала», ибо в центре его стоит, как одно из важнейших открытий экономической теории Маркса, учение о средней прибыли (курсив автора. *Н. Б.*)... Совокупная капиталистическая прибыль на деле является гораздо более реальной величиной, чем, например, общая сумма выплаченной за данное время заработной платы...

Итак, мы остаемся при старом: совокупный общественный капитал приносит постоянно и притом в денежной форме — совокупную прибыль, которая в целях совокупного процесса накопления должна постоянно возрастать. Но как эта сумма может возрастать, если **слагаемые только путешествуют из одного кармана в другой?**

По крайней мере, совокупная товарная масса, в которой заключена прибыль, может, повидимому, как мы принимали до сих пор, расти, и только доставание денег готовит затруднение, которое, быть-может, является лишь техническим вопросом денежного обращения. Но и это лишь видимость (курсив мой. *Н. Б.*), получающаяся при поверхностном рассмотрении. Совокупная товарная масса вовсе не будет расти, и расширение производства вовсе не будет иметь места, так как с капиталистической точки зрения (курсив автора. *Н. Б.*) их предпосылкой с первого же шага является превращение в деньги, всесторонняя реализация прибыли. *А* может продавать возрастающую массу товаров *В*, *В* — *С* и *С* снова *А* и *В*, и все они могут реализовать прибыль только в том случае, если, по крайней мере, один из них, в конце-концов, найдет сбыт вне этого замкнутого круга. Если этого не будет, то карусель после пары поворотов со скрипом остановится[1]).

---

[1]) Роза Люксембург, l. c., 571—573. Все курсивы, кроме тех, где есть специальная оговорка, сделаны нами. *Н. Б.*

Такова аргументация т. Р. Л. Эта аргументация, несмотря на свою сбивчивость, все же имеет некоторый твердый логический стержень, а именно: накопление капитала невозможно, ибо оно должно быть накоплением денежного капитала совокупного капиталиста, тогда как схемы Маркса предполагают переход денег из кармана в карман, что отнюдь не может служить основанием для реализации совокупной прибавочной ценности.

Разберем и эту аргументацию тов. Р. Люксембург, идя и здесь шаг за шагом за нею, следя за ее доводами, не пропуская ни одного мало-мальски важного логического звена.

1. Определение накопления. Накопление состоит, по Розе, не в производстве все больших гор товаров, а в превращении все большего количества товаров «в денежный капитал», т.-е. в производстве все больших золотых гор. Так как, однако, т. Р. Люксембург нисколько не отрицает того факта, что расширенное воспроизводство означает все увеличивающуюся массу товарных ценностей (и, следовательно, еще большую массу потребительных ценностей, т.-е. продуктов in natura), то весь процесс общественного воспроизводства приобретает у нее характер параллельного производства товарной горы и горы золотой, при чем накопление золотой горы и составляет действительную сущность капиталистического производственного процесса. Это представление лежит у нее в основе всех последующих рассуждений и проявляется, между прочим, в определении накопления, как накопления денежного капитала. Накопление капитала никак нельзя смешивать с одной функциональной формой последнего (денежная фаза кругооборота капитала); еще менее, как мы видели выше, можно смешивать накопление капитала с накоплением обособившейся функциональной формы его, т.-е. с накоплением денежного капитала в собственном значении этого слова, капитала, приносящего проценты («moneyed capital в английском смысле»). То, что движение совокупного общественного капитала сопровождается накоплением денежного капитала (как правильно отмечает Маркс), вовсе не означает, что накопление капитала равняется накоплению денежного капитала, что оно идентично (тождественно) с этим последним. «Salto mortale» имеет значение для каждого капиталиста, так как каждый капиталист должен так или иначе продать свой товар,

чтобы превратить вырученные деньги в вещественную форму производительного капитала. Если «salto mortale» существенно важно, даже необходимо, для любого капиталиста, то, следовательно, оно важно и необходимо для всех капиталистов, т.-е. для совокупного капиталиста, т.-е. для всего капиталистического общества. Но это отнюдь не значит, что совокупный капиталист одним махом реализует свою прибавочную ценность, сразу меняя груду товаров на ценностно-эквивалентную груду золота. Такое («розистское») представление абсурдно.

2. Махинации капиталистов *A*, *B* и *C*. Здесь у Розы три отрасли производства, символизирующие совокупное общественное производство, а именно — производство угля (*A*), производство машин (*B*), производство средств потребления (*C*). Предпосылкой является также определенная денежная наличность, которую эти капиталисты попеременно пускают в обращение и затем «вылавливают» из обращения. Как возможно здесь накопление, т.-е. «образование у них (у капиталистов) нового денежного капитала?» — формулирует свой вопрос Роза. И отвечает: «Это невозможно». Ergo — невозможно накопление.

Нетрудно, после всего вышесказанного, опровергнуть эту наивную софистику. Если в условиях абстракции (совершенно необходимой) от внешнего рынка, заранее исключить производство золота, то, конечно, добавочное золото с неба не упадет,— это поймет даже ребенок. После оборота капитала останется ровно такое же количество денег, какое было до рассматриваемого оборота. Это золото, эти деньги «помогли» новой вещественной расстановке элементов производительного капитала так, что новый цикл может начаться на новой расширенной основе. Что отсюда вытекает? Отсюда вытекает, что действительное накопление возможно без накопления в «иллюзорной форме» денег, т.-е. без «образования нового денежного капитала», как выражается тов. Роза Люксембург. Заметьте: каждый из капиталистов проделал здесь то самое «salto mortale», о котором говорит тов. Роза Люксембург. Следовательно, это «salto mortale», которое есть, действительно, conditio sine qua non капиталистического производства, проделано последовательно всеми капиталистами, а

следовательно, и совокупным капиталистом, т.-е. капиталистическим классом в его целом.

Но так как Р. Л. этим, очевидно, не удовлетворяется, то приходится сделать отсюда (это вытекает с железной логикой из всей ее аргументации) тот вывод, что под денежным капиталом она разумеет не денежную форму капитала, которую принимает движущийся промышленный капитал, а денежный капитал, как moneyed capital, который, действительно, накапливается как деньги и только как деньги. Но это есть reductio ad absurdum всей позиции тов. Розы Люксембург.

Конечно, вовсе не обязательно, чтобы количество обращающихся денег оставалось тем же самым. Это последнее возможно лишь, если рост товарной массы с точки зрения ее ценностного определения компенсируется экономией на средствах обращения (быстрота оборота, кредит и т. д.). Поскольку такой компенсации не происходит, добавочные деньги поступают из той самой золотопромышленности, к которой тов. Люксембург питает такую, совершенно несправедливую, ненависть. Тогда нетрудно ответить на вопрос Р. Л.: «Как новый денежный капитал попадает в карманы капиталистов?». Он попадает к ним потому, что c, v и m золотопромышленника должны быть обменены на средства производства и рабочую силу (а через посредство рабочих — на средства существования). Впрочем, уже с самого начала, этот «новый денежный капитал» был у них в «совокупном кармане», так как наш золотопромышленник, по всем божеским и человеческим правам, принадлежит к классу капиталистов. (Кстати сказать, золотопромышленник, с точки зрения тов. Люксембург, является существом одновременно и бессмысленным, и противоестественным, ибо он постоянно отторгает от себя золотую форму своего продукта. Не этим ли объясняется нелюбовь к нему со стороны тов. Розы Люксембург?). Итак, здесь «новый денежный капитал» поступает, как это ни не нравится автору «Накопления», из золотопромышленности. Если же никакой золотопромышленности нет, то вопрос, который ставит т. Люксембург (не как ставил Маркс, а «напротив»: «напротив, мы спрашиваем: как новый денежный капитал попадает в карманы капиталистов?»), просто бессмыслен, так как никакого

«нового» «денежного капитала» нет, а, следовательно, он никуда не может и попадать.

3. Накопление капитала и «средняя прибыль». Тут тов. Люксембург почти подходит к правильному решению проблемы, но тотчас же отскакивает от этого решения, точно хороший резиновый мяч от каменной стены. Мы видели выше, как она задает себе вопрос о частичных реализациях; но она и ставит его нелепо, и еще более нелепо отвечает на него. В самом деле, посмотрим еще раз на то критическое место, где Роза Люксембург проделывает свое логическое salto mortale.

Вопрос: «Может-быть, накопление прибыли и заключается... в последовательной реализации частных прибылей, при которой общая сумма денежного капитала вовсе не должна возрастать, так как нечто такое, как «совокупная прибыль» капиталистов, существует только в «серой» теории?» Ответ: нет, ибо «средняя прибыль» стоит в центре III тома «Капитала»; «учение о «средней прибыли» придает реальный смысл теории стоимости первого тома» и т. д., и т. д. [1]).

Здесь мы имеем целый букет неточностей и ошибок.

Во-первых, Р. Л. спутывает реализацию и накопление. Реализация есть превращение товарной формы в денежную — и только. Реализация есть, таким образом, предварительное условие накопления.

Во-вторых, нельзя говорить о реализации прибыли, потому что прибыль получается в результате реализации; реализации же подлежит прибавочная ценность.

В-третьих, накопление спутано с увеличением денежного капитала; действительно накопленная прибавочная ценность, находящаяся уже в форме производительного капитала, как бы не считается уже элементом накопления, хотя это есть составная часть действительного накопления.

В-четвертых, неясно поставлен вопрос об «общей сумме денежного капитала». Здесь могут быть следующие случаи: количество денег уменьшается (когда экономия на средствах обращения существеннее, чем прирост товарных ценностей, тогда возможен и этот случай); количество денег остается прежним (увеличение товарной ценностной массы компенсируется эконо-

[1]) Роза Люксембург, l. c., 572.

мией в средствах обращения); количество денег увеличивается, но вовсе не настолько, насколько увеличивается ценность совокупной товарной массы («нормальный» случай); количество денег увеличивается ровно настолько, насколько увеличивается ценность товарной массы. Последний случай — это как-раз тот абсурдный случай, который лежит в основе «розистской» теории. Если бы Р. Л. точно формулировала этот пункт, абсурдность ее положений выступила бы с полной очевидностью.

В-пятых, совершенно произвольным является со стороны т. Розы Люксембург соединение абсолютно-правильного взгляда на ступенчатый характер реализации с совершенно вздорным взглядом, отрицающим реальность совокупной прибыли капиталистов. Эту связь («так как») тов. Роза Люксембург «примыслила», alias присочинила, чтобы тем легче опровергнуть возможную аргументацию своих возможных противников. Но этим самым она сделала невозможным действительное разрешение проблемы.

«Совокупная прибыль капиталистов» есть величина объективно реальная. Но это вовсе не значит, что она мыслится как единовременно существующая золотая куча, — вот этого никак не усвоит себе товарищ Роза Люксембург. Материально она существует в каждый данный момент не только в золоте и не столько в золоте, так как накопление как-раз и состоит в присоединении прибыли к капиталу, который должен надеть на себя свою настоящую прозодежду, т.-е. принять форму производительного капитала, что только и обеспечивает суть дела, т.-е. процесс возрастания ценности. Идеально, т.-е. в счетных единицах, она существует как денежная величина. Но ее величина имеет значение для объективных законов движущегося общества.

Поясним это тем самым примером, который — так неудачно для себя — выбрала тов. Роза Люксембург. В центре «важнейших открытий экономической теории Маркса» стоит, по Розе Люксембург, учение о средней прибыли. Прекрасно. Но всякому экономисту известно, что средняя прибыль сама есть производная величина, ибо она определяется средней нормой прибыли (кстати: это-то и есть «центр» вышеупомянутых открытий, а вовсе не средняя прибыль; это для характеристики точности экономических формулировок у тов. Р. Л.): «Прибыль, падающая согласно

этой общей норме на капитал данной величины, каков бы ни был его органический состав, называется средней прибылью» [1]. Но норма прибыли есть отвлеченное число, дробь $\frac{m}{c+v}$, где m есть общественная прибавочная ценность (*resp.* сумма прибыли), а $c+v$ — совокупный общественный капитал. В каком смысле эта норма прибыли объективна? Она объективна, как общественный закон, а не как твердый сундук с деньгами, о косяк которого можно разбить себе лоб. Точно так же обстоит дело и с совокупной прибылью. Ей вовсе не нужно находиться в любой момент, так-сказать, всеми своими частями, в денежной форме для того, чтобы быть в этой форме представленной, или для того, чтобы играть объективную роль в процессе движения капитала. Но и этого совершенно не понимает товарищ Роза Люксембург.

4. Совокупный общественный капитал и совокупная прибыль. После всего вышеразобранного т. Р. Л. подводит итоги: «Итак, мы остаемся при старом: совокупный общественный капитал приносит постоянно — и притом в денежной форме — совокупную прибыль, которая в целях совокупного процесса накопления должна постоянно возрастать. Но как эта сумма может возрастать, если слагаемые только путешествуют из одного кармана в другой?»

Теперь нам тоже не трудно подвести совокупный итог этому совокупному накоплению ошибок, которые путешествуют у тов. Розы Люксембург с одной страницы на другую и, тем не менее, все увеличивают сумму этих ошибок, подхватывая к себе и присоединяя все новые неточности, промахи, прямые неправильности.

Правильно, что совокупный общественный капитал приносит постоянно совокупную прибыль.

Неправильно, что совокупная прибыль существует только в денежной форме, если речь идет о форме реального бытия в данный хронологический момент.

Правильно, что прибыль притекает к капиталисту в денежной форме, как реализованная прибавочная ценность.

---

[1]) Карл Маркс, Капитал, т. III, кн. I, стр. 135.

Неправильно то, что реализация эта происходит, как однократный акт, относящийся к совокупной прибавочной ценности.

Правильно, что обычно возрастает количество обращающихся денег.

Неправильно, что накопление капитала обязательно предполагает их увеличение.

Правильно, что накопление проходит через денежную форму капитала.

Неправильно, что накопление капитала есть накопление денежного капитала.

Правильно, что накоплению капитала в общем и целом соответствует накопление денежного капитала.

Неправильно, что накопление капитала равняется или эквивалентно накоплению денежного капитала.

И так далее, и тому подобное.

5. Заключительная карусель тов. Р. Люксембург. В заключение автор «Накопления» прибегает, как и в своей заключительной аргументации относительно того, «для кого» происходит расширенное воспроизводство, к пресловутой карусели, которая должна «со скрипом остановиться». Почему? Не только потому, что «доставание денег готовит затруднение», но и потому, что товарная масса не будет расти, ибо рост товарной массы сам предполагает «всестороннюю реализацию прибыли» (нужно сказать: «прибавочной ценности». *Н. Б.*). Здесь мы должны повторить выписку, так как в ней содержится, на-ряду с атакой, и беспорядочное бегство. Тов. Р. Л. пишет:

«*А* может продавать возрастающую массу товаров *В*, *В* — *С* и *С* снова *А* и *В*, и все они могут реализовать прибыль только в том случае, если, по крайней мере, один из них, в конце-концов, найдет сбыт вне этого замкнутого круга. Если этого не будет, то карусель после пары поворотов со скрипом остановится» (573).

Если бы быстрота оборота или рост кредита etc. увеличивались так же быстро, как и товарная масса, то никакой остановки, как мы видели, не было бы. Нужная реализация происходила бы при помощи того же количества денег, которые бегали бы гораздо быстрее, — только и всего. Но нас интересует здесь другой вопрос. Здесь Р. Л. полагает, что если один капиталист реализовал

свою прибавочную ценность вне «круга», тогда задача может быть решена с ее точки зрения. Каким же образом?

В самом деле. Пусть у нас будут капиталисты A, B, C, D, E, F и т. д. Пусть подлежащая реализации приб. ценность будет у них соответственно a, b, c, d, e, f и т. д.

Следовательно, мы имеем ряд:

$$\begin{array}{lcr} A & \ldots & a \\ B & \ldots & b \\ C & \ldots & c \\ D & \ldots & d \\ E & \ldots & e \\ F & \ldots & f \\ \cdot & & \cdot \\ \cdot & & \cdot \\ \cdot & & \cdot \end{array}$$

Совокупная приб. ценность $= a+b+c+d+e+f+ \ldots$

Предположим, что один из капиталистов, скажем F, выбился из «круга» и реализовал «на стороне» величину f. Сумма же подлежащей реализации прибавочной ценности равна $(a+b+c+d+e+f+\ldots)$. Каким же образом могут капиталисты реализовать эту сумму? (А Роза, ведь, написала, что могут, если хоть о д и н из них выйдет из круга.) Если Роза ответит, что это возможно потому, что f будет бегать из кармана в карман, то она т у т ж е с д а с т с в о ю о с н о в н у ю п о з и ц и ю. Ответить же что-либо другое немыслимо, невозможно, ибо другого ответа не может быть. Это и есть линия б е г с т в а, линия о т с т у п л е н и я. Ибо против такого решения можно сызнова привести всю аргументацию т. Р. Л., что здесь реализует свою приб. ценность о т д е л ь н ы й капиталист и не может ее реализовать к л а с с капиталистов, и т. д., и т. д.

Вопрос имеет и другую сторону. Если, действительно, быстрота оборота etc. не компенсирует роста товарной массы, то добавочные деньги вступают в каналы обращения через золотопромышленника, у которого продукт (и прибавочный продукт) носит натуральную форму золота. Э т о и б у д е т п р о р ы в о м к р у г а, поскольку, действительно, такой прорыв необходим. Но, как мы видели выше, и как это непосредственно следует из настоящего изложения, — абсурд, абсурд и паки абсурд.

предполагать, что добавочное количество денег должно равняться добавочному количеству производимых товаров.

Итак, основная ошибка тов. Розы Люксембург заключается в том, что она рассматривает собирательного капиталиста, как капиталиста единичного; она гипостазирует этого собирательного капиталиста. Поэтому она не понимает, что процесс реализации есть ступенчатый процесс; поэтому она представляет накопление капитала, как накопление денежного капитала.

Но именно из этой, по нашему мнению, центральной и основной ошибки тов. Розы Люксембург вытекает и ее объяснение империализма. В самом деле, если совокупный капиталист должен рассматриваться по типу одного капиталиста, то, разумеется, он не может продать самому себе; если количество добавочного золота должно быть эквивалентно по ценности добавочной товарной массе, то (так как предположение соответствующего золотого производства бьет в глаза своей нелепостью) это золото можно получить только извне; если все капиталисты должны сразу (без беганья одной и той же суммы из одного кармана в другой, что строго воспрещается) реализовать свою прибавочную ценность, то им нужны «третьи лица». И так далее.

В 1-й главе мы разбирали теорию Розы в наиболее абстрактной, самой абстрактной, постановке вопроса. Там еще не было денег. Там критический вопрос Р. Л. гласил: «Для кого?».

Мы показали, что на этот вопрос можно дать вполне удовлетворительный ответ.

Во 2-й главе мы уже спустились на ступеньку ниже, ближе к конкретной действительности. Мы разобрали вопрос о деньгах. Здесь тов. Люксембург спрашивала уже: кто платит, и почему он может платить? И на этот вопрос мы нашли вполне удовлетворительный ответ, показав и основную, и частные ошибки тов. Р. Л. на этой, второй, ступени абстрактного анализа.

В следующей главе нам нужно спуститься еще ниже, т.-е. еще ближе к конкретной действительности, и рассмотреть те нарушения равновесия, которые имманентны движущейся капиталистической системе, нарушения, вытекающие из противоречий капитализма, от которых мы пока абстрагировали.

ГЛАВА III.

ТЕОРИЯ РЫНКА В ЦЕЛОМ И КРИЗИСЫ.

Прежде чем перейти к анализу противоречий капитализма, нам необходимо, хотя бы вкратце, остановиться на итогах нашего разбора позиции т. Р. Л. с точки зрения теории рынка. В общем и целом, рассматривая ход расширенного воспроизводства и процесс реализации прибавочной ценности, как один из необходимых моментов этого воспроизводства, мы пришли к формулировке, которую Маркс выразил с классической ясностью в следующих словах: «...Границы потребления раздвигаются напряжением самого процесса воспроизводства; с одной стороны, оно увеличивает потребление доходов рабочими и капиталистами, с другой стороны, напряжение процесса воспроизводства тождественно с напряжением производительного потребления» [1]).

Нужно отчетливо понять все различие между постановкой вопроса у Маркса, с одной стороны, у Розы Люксембург — с другой. У Маркса — накопление возможно, реализация возможна, расширенное воспроизводство возможно. Но эти процессы идут не гладко, а развиваются в противоречиях, при чем одни противоречия обнаруживаются в постоянных колебаниях капиталистической системы, другие — в бурных ее потрясениях; наконец, самый процесс капиталистического воспроизводства

[1]) К. Маркс, Капитал, т. III, ч. 2, стр. 21. Обращаем внимание читателей, что цитата взята из третьего тома «Капитала», где, по мнению Р. Люксембург, Туган-Барановского и многих других, содержится нечто противоположное схемам второго тома.

представляет из себя расширенное воспроизводство капиталистических противоречий. Не то у Розы Люксембург. У нее ни реализация прибавочной ценности, ни накопление, ни расширенное воспроизводство невозможны, так-сказать, с самого начала, a priori невозможны, поскольку у нас имеется чистое капиталистическое общество. То, что у Маркса характеризуется как «скачок», как спазмы капиталистической системы, как взрыв противоречий (кризисы перепроизводства), то у Розы, по существу дела, есть постоянное явление в любом хронологическом пункте промышленного цикла.

Эта точка зрения была опровергнута Марксом давным-давно. «Необходимо здесь, — писал Маркс, — различие. Когда Смит объясняет падение нормы прибыли излишком капитала, накоплением капитала, то речь идет о некоем постоянном действии, и это последнее неверно. Наоборот, временный (transitorische) излишек капитала — перепроизводство, кризис есть нечто другое. Перманентных кризисов не бывает (Permanente Krisen gibt es nicht)» [1].

Любопытно отметить то обстоятельство, что тов. Ленин задолго до появления «Теорий прибавочной ценности» Маркса отстаивал совершенно такую же точку зрения. «Я нигде не говорил, — писал тов. Ленин, — что это противоречие (т.-е. противоречие между производством и потреблением. *Н. Б.*) должно систематически (курс. автора. — *Н. Б.*) давать избыточный продукт». И в сноске к этому он пояснял свою мысль: «Подчеркиваю систематически, ибо несистематическое производство избыточного продукта (кризисы) неизбежно в капиталистическом обществе вследствие нарушения пропорциональности между разными отраслями промышленности. А известное состояние потребления есть один из элементов пропорциональности» [2].

Из этого вытекает, что методологически вполне допустимо рассматривать проблему, абстрагируя от кризисов, чтобы затем обязательно рассмотреть и эти последние.

Итак, мы видели, что «границы потребления» раздвигаются самим производством, которое: 1) увеличивает доход капитали-

[1]) Marx. Theorien über den Mehrwert, II, 2, S. 269, Fussnote; последний курсив наш.

[2]) Н. Ленин, Собр. сочинений, т. II. Ответ г. П. Нежданову, стр. 498.

стов, 2) увеличивает доход рабочего класса (добавочные рабочие), 3) увеличивает постоянный капитал общества (функционирующие как капитал, средства производства). Но, как мы имели уже случай убедиться, такое решение вопроса т. Роза Люксембург считает туган-барановщиной. Правда, сам по себе этот аргумент не может быть назван убедительным: недаром Маркс говорит о буржуазных экономистах, что иногда «даже слепая свинья (blinde Sau) может найти жолудь». Но так как мнение Розы Люксембург в этом пункте разделяется довольно многими, а, с другой стороны, отчетливой критики теории рынка Тугана-Барановского дано не было, то мы считаем нелишним остановиться на теории этого автора. «Размежеваться» с ним тем более необходимо, что при этом размежевании еще более ярко выступят и ошибки товарища Розы Люксембург, а главное, станет яснее и наша собственная позиция.

Маркс внес ясность в вопрос о воспроизводстве общественного капитала прежде всего потому, что он по косточкам разобрал и уничтожил догмат, господствовавший со времен Адама Смита, о разложении ценности продукта на доход и только на доход. Анализ Маркса показал, что этот «догмат» упускает элемент постоянного капитала. Восстановление постоянного капитала и производство добавочного постоянного капитала есть важнейшая часть процесса расширенного воспроизводства. Вместе с тем этот пункт имеет и ближайшее отношение к теории рынка, ибо на-ряду с потребительским рынком выступает в возрастающей степени рынок средств производства, который соответствует не личному, а производительному потреблению. Точно так же этот пункт имеет решающее значение и для теории накопления капитала, так как накопление капитала предполагает увеличение постоянного капитала и притом в возрастающей относительно переменного капитала пропорции.

И так далее, и тому подобное. Вот почему Маркс не раз возвращается — отнюдь не зря, чего никак не может понять тов. Р. Л., — к этой теме.

Г-н Мих. Туган-Барановский берет за исходный пункт это совершенно справедливое положение и начинает его «углублять».

Из схематического рассмотрения капиталистического хозяйства в его общественном целом, — пишет он, — неизбежно вытекает вывод, что размер рынка в капиталистическом хозяйстве отнюдь не определяется размером общественного потребления. Общественный продукт состоит не только из предметов потребления, но и из средств производства. Если машина замещает рабочего, то общественный спрос на предметы потребления, конечно, сокращается; но зато возрастает спрос на средства производства. Точно так же, при превращении дохода капиталиста из фонда его личного потребления в капитал, спрос на предметы потребления сокращается, но зато возрастает спрос на средства производства. В общем, *при пропорциональном распределении общественного производства никакое сокращение потребительного спроса не в силах вызвать превышения общего предложения продуктов на рынке сравнительно со спросом на последние*[1]).

Уже в этой цитате содержатся implicite все логические противоречия «теории» Туган-Барановского, «оригинальность», «парадоксальность», *суть* которой состоит в утверждении, что между потребительским рынком и общественным производством нет никакой необходимой связи.

В приведенной цитате есть «маленькое» упущение, на первый взгляд незначительное, которое, однако, решает дело. Г-н Туган-Барановский выставляет следующий ряд утверждений: машина заменяет рабочего, потребление со стороны машины заменяет потребление человеческое, — и дело в шляпе: одно компенсирует другое, баланс подведен, и вместо эмансипации четвертого сосло-

[1]) М. И. *Туган-Барановский*, Периодические промышленные кризисы, 4 изд., изд. Книжного Кооперат. Т-ва при Смолгубкоме, Смоленск 1923 г., стр. 205. Курсив автора. Кстати, цитируемое издание снабжено универсально безграмотным предисловием тов. В. *Смушкова*, по которому марксисты отрицают положение, что капиталистическое производство «само себе создает рынок», по которому, далее, Маркс «не дал легального (?!) и детального (?!) разработанного учения о кризисах» и т. д. Очевидно, у нас развелось много тоже теоретиков, которые руководствуются лишь пословицей, что «смелость города берет».

вия произошла эмансипация производства средств производства, которое раз и навсегда оторвалось от производства предметов потребления. Однако, как это ни прискорбно для памяти покойного апологета буржуазии, г. Туган-Барановский уже здесь попросту сжульничал. Ибо он обошел самый существенный вопрос. А именно, когда вводится машина, то тем самым происходит расширение производства продуктов, производимых при помощи этой машины. Куда деваются эти продукты? В каком отношении стоит ценность введенной машины к ценности этих продуктов? Другими словами, с точки зрения рынка: в каком отношении стоит рынок средств производства к потребительному рынку? На первые два вопроса г-н Туган не отвечает. Он прячет основной вопрос, и немудрено, что у него получается «парадоксальный вывод», которым он так же гордится, как негр кольцом в ноздре: производство независимо от потребительского рынка, ибо существует рынок средств производства.

Постараемся заглянуть «в корень» вопроса. Можно рассматривать структуру рынка с двух совершенно различных точек зрения.

Первое. Перед нами общественный капитал в его товарной форме, «товарная куча» товарища Розы Люксембург. Вещественно эта товарная куча делится на два крупные подразделения: на средства производства — с одной стороны, на средства потребления — с другой.

Здесь, следовательно, перед нами одновременное сосуществование различных товаров и соответствующих им производственных отраслей. В этом разрезе скрыта, невидна, затемнена необходимая технико-экономическая связь между различными производственными отраслями. Понятно — почему. Ведь, средства производства здесь — это не те средства производства, при помощи которых произведены сосуществующие с ними средства потребления. Наши средства производства будут служить для производства средств потребления лишь в следующем обороте капитала. Точно так же обстоит дело и со средствами потребления, ибо соответствующие им средства производства были потреблены раньше, на рынке их нет, их ценность (целиком или частью — в данной связи это неважно) вошла в плоть и кровь средств потребления и погасла в них. Таким обра-

зом, наша товарная куча и рынок, рассматриваемый с этой стороны, не только не раскрывают, но затемняют вопрос о необходимой связи между различными отраслями производства.

Второе. Другая точка зрения состоит именно в рассмотрении взаимной связи между различными производственными отраслями. С этой точки зрения мы имеем такого рода соотношения, когда перед нами — ряд взаимно связанных друг с другом, «родственных по производству» («produktionsverwandt») отраслей; каждая отрасль представляет сырой материал для другой, пока через ряд ступеней мы не дойдем до готового продукта непосредственного потребления.

Здесь — в полном соответствии с действительностью — весь производственный аппарат общества в его целом является, в сущности, не чем иным, как аппаратом для производства средств человеческого потребления; отрасли, изготовляющие средства производства, представляются предварительными стадиями производства средств потребления, как бы велики сами по себе они ни были.

Развитое производство — и капиталистическое производство в том числе — скрывает этот факт потому, что, как совершенно отчетливо выяснил это и Маркс, расположение разных отраслей во времени (как ступенек единого по существу процесса производства средств потребления) заменяется расположением их в пространстве. Продукт находится сразу на различных стадиях своего изготовления. Дело происходит не с самого начала, не ab ovo, как выражается Маркс. Оно не происходит так, что сперва добывается только одна руда, уголь, хлопок, потом делаются только машины, потом только пряжа, потом только ткань и т. д. Все эти отрасли «работают» одновременно. Но этот последний факт ни в малой степени не устраняет совершенно определенной зависимости между ними, т.-е. зависимости между различными отраслями, изготовляющими средства производства, и отраслями, изготовляющими предметы потребления.

Отсюда следует, что невозможно, недопустимо ограничиваться только первой точкой зрения на рынок, т.-е. рассматривать его вне связи различных производственных отраслей друг с другом. Между тем, г. Туган-Барановский, несмотря на все его «схемы», по сути дела, стоит именно на точке зрения пер-

вого варианта постановки вопроса. Постараемся это показать подробнее, хотя у г. Туган-Барановского нагорожено столько путаницы, что для ее систематического опровержения понадобилось бы писать целое самостоятельное исследование.

Присмотримся к проблеме ближе. На рынке каждый раз фигурируют массы средств производства и массы средств потребления. Ценностно доля средств производства относительно возрастает, доля средств потребления относительно уменьшается. Это не подлежит никакому сомнению. Равным образом, не подлежит никакому сомнению, что из совокупного общественного труда все большая доля этого труда идет на производство средств производства. Поскольку г. Туган-Барановский с важным видом размазывает эти истины, он лишь обкрадывает Маркса. Другое дело—«углубление» Маркса, которое и составляет «оригинальную» черту воззрений Туган-Барановского.

Итак, доля средств производства ценностно относительно растет. Что это значит? Это значит, с другой стороны, что в продуктах происходит громадное увеличение средств потребления. Чем выше органический состав капитала, чем выше производительность общественного труда, тем большая масса продуктов потребления выбрасывается на рынок, при чем ценность единицы продукта падает. Если взять приведенную выше цитату Тугана (пример с введением машины), то дело не только в том, что выскочил рабочий, потребляющий мясо, и появилась машина, «потребляющая» уголь, но и в том (и это отнюдь не менее, а более важно), что начали выбрасываться на рынок большие товарные массы тех продуктов, которые изготовляются при помощи новой машины. Но это выводит нас уже за пределы первой постановки вопроса. Этого не понимает Туган. Он пишет:

> Но никакого избыточного продукта при этом не возникает, так как спрос на средства производства вполне замещает в этом случае спрос на предметы потребления; ведь, машина требует для своей работы известных хозяйственных затрат, как и рабочий. Если, напр., в производстве известного продукта машина заместила рабочего, то общественный спрос на предметы потребления рабочего класса сокра-

щается, но зато соответственно возрастает спрос на самые машины и все необходимое для того, чтобы машина могла работать — топливо, смазочные масла и т. п. В общем итоге рынок для товаров нисколько не сокращается, и только изменяется род товаров, спрашиваемых рынком. Таким образом становится возможным увеличение общественного богатства (выражающегося в количестве продуктов, которым располагает общество) при одновременном падении общественного дохода[1]).

Выше мы отметили, что неизбежным следствием введения машины в производстве «известного продукта» будет возрастание массы этого «известного продукта», чего не хочет знать г. Туган-Барановский. Но теперь нам нужно отметить и другое. «Критик» Маркса признает, что возрастает спрос на топливо, смазочное масло и т. д. Однако, мы спросим г. Туган-Барановского: откуда же берется это возросшее количество «топлива, смазочного масла и т. д.»? Не сваливается же вся эта благодать с неба? А если нет, то, очевидно, она предполагает расширение производства в этих (а за ними и в других) отраслях, т.-е. добавочных рабочих, т.-е. добавочный спрос на предметы потребления, в том числе и на «известный продукт», если под этим «известным продуктом» скрывалось нечто, входящее в предметы потребления рабочего класса.

Что же у нас получилось? Совсем не то, что у г. Туган-Барановского. При более внимательном анализе оказалось: 1) что рост средств производства вызывает увеличение массы предметов потребления; 2) что он одновременно создает новый спрос на эти предметы потребления; 3) что, следовательно, определенному состоянию производства средств производства соответствует совершенно определенное состояние производства средств потребления; другими словами, что рынок средств производства связан с рынком предметов потребления, т.-е., в конце-концов, мы имеем обратное тому, что с такой помпой возвещает г. Туган, как самое удивительное открытие «новейшей» политической экономии.

[1]) Туган, l. c., 205. Курс автора.

С точки зрения первого аспекта при рассмотрении рынка, конечно, неважно, что будет при следующих оборотах капитала в различных отраслях промышленности; в лучшем случае рассматриваются, да и то однобоко, только непосредственно примыкающие к данному обороты капитала. Тем самым делается непонятным и «объективный смысл» производственного процесса.

В самом деле. Если мы рассматриваем дело так и только так, тогда может получиться картина à la Туган-Барановский. Предположим, что у нас сооружается грандиозная машинная система в железоделательной промышленности. Возрастает в громадной степени потребление угля и железа. Но разве этим дело ограничивается? Нисколько. Пока мы движемся в анализе лишь этой предварительной стадии дела, у нас может, действительно, создаться иллюзия, что машиностроительная индустрия потребляет уголь и железо, а горная — машины, и так вся «работа» вращается в автаркическом, самодовлеющем кругу. Но, на самом деле, все будет выглядеть иначе, лишь только мы вспомним о производственной связи между различными отраслями. Машиностроительная индустрия выбрасывает возрастающее количество машин. Что это значит? Это значит, что, скажем, в ткацкой индустрии будет приводиться в движение даже меньшим количеством рабочих во много раз большее количество хлопка и прочего сырья, а, следовательно, будет производиться чрезвычайно возросшая масса готового продукта, ткани, которая является предметом непосредственного потребления. Это громадное возрастание массы товаров сопровождается (правда, отнюдь не пропорциональным) возрастанием ценности их, так как ценность готовых предметов потребления образует не только труд, затрачиваемый в отраслях, производящих эти предметы потребления, но и ценность сырья, машин и т. д., которая переносится на них автоматически.

Поэтому совершенно нелепо представление г-на Туган-Барановского, что в производство средств производства можно бухать, как в бездонную бочку, сколько-угодно труда и средств, и что все будет итти гладко, ибо при капиталистическом режиме нет зависимости между потребительским рынком и процессом общественного производства («никакое сокращение потребительского спроса не в силах вызвать превышения общего предложения...»).

Это нелепое представление достигает у Тугана наибольшего напряжения в его сумасшедшей утопии, которую он, нимало не стыдясь, а даже бравируя ею, преподносит почтеннейшей публике. Вот это чудесное место:

> Не вызовет ли, однако, это относительное замещение человеческого потребления производительным потреблением средств производства образования избыточного продукта, не находящего себе помещения на рынке? Конечно, нет. Ничего не стоит построить новую схему... и наглядно показать, что самое широкое замещение рабочих машинами не в силах само по себе сделать какую-либо машину излишней и бесполезной. Пусть все рабочие вплоть до одного будут замещены машинами; в таком случае, этот единственный рабочий будет приводить в движение всю колоссальную массу машин и с их помощью производить новые машины и предметы потребления капиталистического класса. Рабочий класс исчезнет, но это нисколько не затруднит реализации продуктов капиталистической промышленности. Капиталисты будут получать в свое распоряжение большую массу предметов потребления, и весь общественный продукт одного года будет поглощаться производством и потреблением капиталистов следующего года. Если же капиталисты, в своей страсти к накоплению, пожелают сократить и свое собственное потребление, то и это вполне осуществимо: в этом случае сократится производство предметов потребления капиталистов, и еще большая часть общественного продукта будет состоять из средств производства, предназначенных для дальнейшего расширения производства. Будет производиться, напр., уголь и железо, которые будут итти на дальнейшее расширение производства угля и железа. Расширенное производство угля и железа за каждый последующий год будет поглощать уголь и железо, произведенные в предыдущем году, и так до бесконечности, пока не будут исчерпаны естественные запасы соответствующих минералов [1]).

После этой милой картинки г. Туган-Барановский изрекает с видом мудреца и сверхчеловека: «Все это может звучать очень

[1]) Туган-Барановский, l. c., 212.

странно, может даже показаться величайшей нелепостью. Быть может: истина не всегда легко доступна пониманию; все же она остается истиной» [1]).

Рассмотрим ближе эту «истину» г-на Туган-Барановского, с его паралогическими рассуждениями.

В примере Тугана мы имеем чудовищно-высокий органический состав капитала, реально не мыслимый. Но примем вместе с Туганом эту предпосылку. Что она означает? Она означает еще более чудовищное производство средств потребления (в продуктах), — настолько чудовищное, что, конечно, никакие «капиталисты» не в состоянии потребить этих вавилонских башен предметов потребления.

Туган этого, в своей наивности, не видит, потому что он не видит техническо-экономической логики совокупного производственного процесса. Средства производства составляют у него замкнутую величину, производство средств производства является автаркической, суверенной и независимой сферой, от которой не перекинуто никакого мостика к производству предметов потребления. В самом деле, что-либо одно из двух:

или уголь и железо производятся только для производства угля и железа;

или уголь и железо производятся также и для выделки машин, для отопления железных дорог, текстильных фабрик, пивоваренных заводов, электрических станций и т. д., и т. п.

В первом случае перед нами часть общественного производства, которая, по сути дела, никакого отношения к общественному производству не имеет. Нет абсолютно никакой разницы между этим примером и, скажем, таким случаем, когда сошедший с ума после чтения булгаковской книжки «Философия хозяйства» («Мир, как хозяйство») Симеон Столпник вообразил себя капиталистом, владеющим миром, который есть его хозяйство. Космический «обмен веществ» являлся бы производством, идиот Симеон «воздерживался бы» в целях мирового автоматического «накопления», и весь процесс имел бы такое же отношение к человеческому потреблению, как и «процесс производства» угля и железа в примере Туган-Барановского. Что эту чепуху у Тугана проделывает

[1]) Ibidem.

все же «единственный рабочий», ни капли не меняет сути дела, так как, если этому «единственному рабочему» его умные хозяева вменили в обязанность производить уголь и железо для угля и железа, то это имеет такое же хозяйственное значение, как если бы «единственный рабочий» был вынужден плевать целыми днями в потолок, или же как если бы ни его, ни производимых им продуктов вовсе не было.

Другое мы имеем, если уголь и железо производятся не только для того, чтобы расширять производство угля и железа, но и для того, чтобы поставлять сырой материал и топливо для машиностроительной индустрии, для отраслей, производящих полуфабрикаты и готовые изделия, идущие на потребительский рынок. Тогда чудовищное расширение средств производства рано или поздно вызовет неизбежно чудовищный рост *выбрасываемых на рынок предметов потребления*. И если на эти предметы потребления спроса *нет*, то последует неминуемый опустошительный крах, в котором скажется со стихийной силой та самая связь между производством и потреблением, которую отрицает наш «парадоксальный» Туган.

Около этой *основной* путаницы г. Туган имеет целую систему пристроечек и подпорочек, которые развивают эту путаницу дальше.

Возьмем, напр., одно из существенных его положений: «*При пропорциональном распределении общественного производства никакое сокращение потребительного спроса не в силах вызвать превышения общего предложения продуктов на рынке сравнительно со спросом на последние*». Вдумаемся в это предложение. Что значит «пропорциональное распределение общественного производства»? Включает оно или *не* включает соотношение между производством средств производства и производством предметов потребления?

Если требуемая пропорциональность есть также пропорциональность между производством средств производства и производством предметов потребления; если, следовательно, *эта* пропорция *включается*, то это и означает *связь* с потребительным рынком. *Но тогда нелепо утверждать*,

что «никакое сокращение потребительного спроса» не сможет вызвать перепроизводства и образования избыточного продукта, ибо сокращение потребительского спроса, уменьшение его по сравнению с предложением предметов потребления и означает нарушение пропорциональности. (Вспомним Ленина: «известное состояние потребления есть один из элементов пропорциональности»).

Если эта пропорциональность не включается, тогда становится совершенно непонятным весь ход общественного воспроизводства в его целом. Ибо производство средств производства, которое при капитализме, в силу рыночной анархической производственной структуры, обособляется относительно, все же по существу связано и не может не быть связано целым рядом промежуточных производственных звеньев с производством предметов потребления.

«Пропорциональное распределение общественного производства» означает поэтому вовсе не то, что имеется у Туган-Барановского. У него уголь и железо производятся для дальнейшего производства угля и железа. А чем живут машиностроительные заводы? Откуда они берут уголь и железо? Ясно, что они получают уголь и железо из производственного источника этого угля и этого железа. Следовательно, налицо связь между производством угля и железа и производством машин. Но точно такая же связь существует и между производством машин и ткацким производством, химическим и проч. Ибо производятся не абстрактные машины, не машины «вообще», не платоновские «идеи» машины, а совершенно конкретные машины, пригодные для совершенно конкретных производственных целей; другими словами, ценностные отношения здесь связаны с «определенностью формы», Formbestimmtheit, как называет это Маркс. Иначе: пропорциональность общественного производства есть такое соотношение между частями капиталистического производства, где одна отрасль поставляет соответствующее количество для другой по всему фронту совокупного производственного процесса. С этой точки зрения ясно, что нарушение соответствия может идти и из производства сырья, и из производства машин, и из производства полуфабрикатов, и из производства предметов потребления.

Туган-Барановский пишет:

> При пропорциональном распределении общественного производства никакое сокращение общественного потребления не может повести к образованию избыточного продукта. Основной же тенденцией капиталистического развития я считаю постоянное сокращение доли народного потребления в общественном продукте, что, вопреки Марксу, не создает никаких новых трудностей для процесса реализации продуктов капиталистического производства [1]).

В этой тираде, как нетрудно понять, смешаны две совершенно различные вещи, а именно рост доли (в ценностях) средств производства и диспропорциональность между производством и потреблением.

Мы сейчас перейдем к разбору этого совершенно ребяческого смешения. Предварительно процитируем, однако, одно место из Тугана, которое проливает неожиданный свет на всю его теоретическую концепцию:

> При капиталистическом хозяйстве, — заявляет премудрый Туган, знаток товарного хозяйства, — «природа которого Марксу была не вполне ясна» (213), капиталистический класс превращает в средства производства значительно б о л ь ш у ю (наш курсив. *Н. Б.*) долю общественного продукта, чем это было бы возможно при гармоническом хозяйстве. В ассоциации производителей целью производства было бы возможно полное удовлетворение общественных потребностей, почему совершенно исключалось бы такое положение дела, при котором расширение производства не сопровождалась бы расширением общественного потребления. В капиталистическом же хозяйстве технический прогресс имеет тенденцию замещать человеческое потребление (потреблением?) средств производства в ущерб общественному потреблению [2]).

Все это — сущий вздор. Н е п р а в д а, что доля средств производства в капитализме растет быстрее, чем в «ассоциации

---

[1]) Т у г а н-Б а р а н о в с к и й, Пром. криз., 213.
[2]) Ibid., 212.

производителей». Правдой является совершенно обратное положение. Капитализм объективно ставит границы росту этой «доли», ибо при дешовой рабочей силе у капиталистов нет достаточного стимула вводить новые машины. Это — азбука экономической науки. По сравнению со всеми предыдущими общественными структурами, капитализм, конечно, является несравненным погоняльщиком технического прогресса и роста доли средств производства. По сравнению с «ассоциацией производителей» капитализм есть экономически реакционная система именно потому, что он ставит границы развитию производительных сил.

Рост «доли» (в ценностях) есть не что иное, как выражение роста производительности общественного труда. Поэтому вышеозначенная «доля» будет (в счете на труд) расти еще быстрее при социализме и тем самым обеспечивать гигантский рост и разнообразие потребительных ценностей.

Если бы накопление шло медленнее, то не могло бы развиваться и потребление. «Упрек» капитализму состоит вовсе не в том, что он развивает слишком быстро производительные силы и заменяет человеческий труд машинным, а в следующем (мы, разумеется, касаемся здесь лишь вопросов, которые имеют ближайшее отношение к теме):

1. Капитализм недостаточно развивает производ. силы и, следовательно, недостаточно увеличивает долю средств производства.

2. Капитализм «неправильно» распределяет эти производительные силы (непроизводительное потребление).

3. Капитализм имеет двухбюджетную систему потребления (производство роскоши, мотовство капиталистов и т. д., и т. п.).

Таким образом, вздором является и фраза Тугана, что «грех» капитализма заключается в том, что человеческое потребление заменяется машинным. Не в этом вовсе суть дела.

Вернемся теперь к основной линии рассуждений Туган-Барановского.

Нетрудно после сделанных нами замечаний увидеть наивную путаницу г. Тугана. Падение доли общественного потребления по сравнению с долей средств производства есть факт. Но вовсе не в этом факте (который будет еще более «характерен»

для социализма) заключается «трудность» для капитализма. Она заключается в том, что анархическая структура капитализма, где производство неурегулировано, т.-е. где нет совокупной общественной пропорциональности, и где стимулы накопления гонят ко все большему размеру производства, неизбежно приводит к таким моментам, когда выведенное за границы надлежащей пропорции производство приходит в конфликт с общественным потреблением. Сокращение же этого потребления ниже определенной величины есть именно нарушение общественно-производственной пропорциональности, и говорить поэтому о существовании пропорциональности при любом сокращении общественного потребления вдвойне нелепо.

Здесь мы вплотную подошли к теории кризисов. Но прежде чем перейти к этому вопросу, мы постараемся подытожить сказанное о Тугане, сделав это в форме его теоретической характеристики. Это тем более необходимо, что г. Туган имеет еще известный кредит, тогда как по существу дела трудно указать писателя, который был бы, — если можно так выразиться, — в такой же мере теоретически бесчестен, как сей муж, начавший свою карьеру с заигрываниями с пролетариатом и кончивший ее у генеральского сапога.

«Maximes générales» теоретической деятельности г. Тугана состоят в грубейшей апологии капиталистического режима и в борьбе с революционным марксизмом. Этому подчинено решительно все. И отсюда тот поистине нестерпимый эклектизм, которым проникнуты все «писания» почтенного профессора.

В самом деле.

Когда ему нужно вести борьбу против теории трудовой ценности Маркса, он становится на точку зрения «примирения» ее с теорией предельной полезности г. Бем-Баверка:

> Великая заслуга новой теории заключается в том, что она обещает навсегда покончить споры о ценности, дав полное и исчерпывающее объяснение всем явлениям процесса оценки, исходя из одного основного принципа [1]).

Всем известно, что, согласно учению австрийской школы, ценность средств производства определяется ценностью продуктов.

---

[1]) Туг.-Бар., Основы полит. экон., 2 изд., СПБ., 1911, стр. 40.

потребления, определяемой, в свою очередь, их предельной полезностью. Это знает и Туган. В своих «Основах» он пишет:

> Ценность средства производства определяется предельной полезностью того предмета из числа всех изготовляемых при помощи данного средства производства, предельная полезность которого является наименьшей [1]).

Но вот перед г. Туганом стоит другое апологетическое «задание»: доказать, что никакого противоречия между производством и потреблением нет, и что никакое сокращение потребления не дезорганизует капиталистического производства. «Уголь и железо производятся для угля и железа».

Но позвольте! Как же быть в таком случае с теорией ценности? Ведь, вся теория ценности построена на полезности предметов потребления! Ведь, по Бем-Баверку уголь и железо есть, так сказать, недозревшая ткань, сапоги, хлеб! Ведь, это—основа той теории, которая «обещает навсегда покончить споры о ценности»! Попробуйте-ка теперь объяснить ценность угля и железа, из которых не «вызревает» никакого предмета потребления!

Младенцу ясно, что Туган развивает две прямопротивоположные «системы» взглядов. Если здесь есть какая-нибудь логика, то исключительно лишь логика теоретического жульничества, которое не брезгает ничем, если нужно оправдать Его Величество Капитал.

Далее.

Когда г. Тугану нужно «обеспечить» ход общественного воспроизводства при капитализме, то он не только соглашается признать тезис Маркса о понижении доли общественного потребления, но «углубляет» Маркса и извращает его, выставляя тезис о независимости производства средств производства от общественного потребления. При этом он пишет:

> И только потому, что экономисты никогда не пользуются методом рассмотрения целого капиталистического хозяйства, в науке мог утвердиться взгляд, что размер рынка в капиталистическом хозяйстве определяется размером общественного потребления [2]).

[1]) Ibidem, стр. 45.

[2]) Пром. кризисы, 205. «Основной тенденцией капит. развития я считаю постоянное сокращение доли народного потребления» (213).

Но вот перед г. Туганом опять другое «задание». Ему нужно доказать, что с точки зрения классовой борьбы дело обстоит вовсе не так печально, как то утверждают зловредные «марксиды». И у г. Тугана «в два счета» готова противоположная теория. А именно:

> Рост производительности общественного труда приводит к тому, что общая сумма общественного продукта (речь идет о трудов. стоимостях. *Н. Б.*) возрастает. Этот избыточный продукт соответственно увеличивает общую сумму общественного дохода, и, благодаря этому, все общественные доходы могут одновременно возрасти на счет сокращения доли средств производства [1]).

Итак, здесь доля средств производства падает, а доля доходов возрастает. Этой истины, видите ли, не понимают потому, что

> для современной полит. экономии, которая не пошла в этом отношении дальше Рикардо, одновременное повышение долей в обществ. продукте капиталистов и рабочих (и притом не на счет понижения долей в общественном продукте каких-либо других общественных классов) должно казаться совершенной невозможностью. Но эта кажущаяся невозможность возникает лишь вследствие того, что современная наука рассматривает весь продукт, как состоящий из одних предметов потребления [2]).

В действительности же, по Тугану, доходы (в трудовых единицах) могут распрекрасно расти в силу производительности труда (!!) за счет доли средств производства!

Вот вам и готовое объяснение. Чего хочешь, того просишь. В одном месте доля средств производства растет, потому что это есть выражение производительности труда. В другом та же «доля» в силу той же причины падает...

---

[1]) «Основы», стр. 441. Что здесь речь идет о трудстоимостях,—видно из контекста и графич. иллюстраций. Подробно об этом см. нашу статью о теории распределения в сб «Атака».

[2]) «Основы», 440—441.

Этот грубый апологетический танец Тугана, конечно, чрезвычайно мало напоминает марксизм. И совершенно напрасно товарищ Роза Люксембург с м е ш и в а е т позицию ортодоксального марксизма, позицию самого Маркса (и II, и III том «Капитала», и «Теории приб. ценности») с апологетической позицией г-на Туган-Барановского. Но из того, что г. Туган-Барановский неправ в своей критике (и своем чудовищном извращении) правильных мыслей Маркса, отнюдь не следует, что безгрешна позиция самой Розы Люксембург. Не в том ошибка Тугана, что он считает возможной реализацию, а в том, что он разрывает необходимую связь производства с потреблением. И не в том ошибка товарища Розы Люксембург, что она настаивает на этой связи, а в том, что она считает невозможной реализацию в пределах капиталистического общества.

Теперь мы должны перейти к общей постановке вопроса о кризисах.

Итак, мы видели, что теория рынка и реализации Туган-Барановского, как небо от земли, далека от теории Маркса. Между тем, тов. Роза Люксембург неоднократно обвиняет схемы II тома «Капитала» в том, что они ведут к туган-барановщине и противоречат положениям III тома «Капитала»:

> ... Схема противоречит пониманию капиталистического производства, взятого в целом, и его ходу, как он был характеризован Марксом в III томе «Капитала». Основная мысль этого понимания заключается в имманентном противоречии между способностью производительной силы к безграничной экспансии и ограниченной способностью к экспансии общественного потребления при капиталистических отношениях распределения [1]).

И в другом месте:

> Для процесса воспроизводства, как он представлен в схеме, потребительная сила общества тоже не является... границей для производства [2]).

Наконец, приведем еще одно место:

> Схема, правда, допускает кризисы, но исключительно вследствие недостатка пропорциональности производства,

---

[1]) Р о з а Л ю к с е м б у р г, l. c., стр. 349.
[2]) Ibid., 351.

т.-е. вследствие отсутствия общественного контроля над процессом производства. Напротив того (наш курсив. *Н. Б.)*, она исключает глубокое основное противоречие между производительней и потребительной способностью капиталистического общества,—противоречие, которое возникает именно из накопления капитала, периодически проявляется в кризисах и побуждает капитал к постоянному расширению рынка [1]).

Мы упираемся здесь, как сказано, в проблему кризисов. Но предварительно да будет нам разрешено сделать еще несколько обще-теоретических замечаний, которые сразу поставят вопрос в надлежащие рамки.

Кризисы, о которых идет речь, суть, как известно, кризисы перепроизводства.

В связи с этим возникают следующие постановки вопроса, на которые марксизм дает совершенно определенный ответ:

1. Частное или общее перепроизводство. Вопрос заключается в том, возможно ли общее перепроизводство товаров, или же только частичное. Школа Рикардо—Сэя, которая исходит из предпосылки прямого обмена товара на товар, отрицает возможность общего перепроизводства. Маркс (во II томе «Капитала» и в «Теориях приб. ценности») убедительно доказывает возможность общего перепроизводства. Если у нас, например, имеется перепроизводство главных предметов потребления, то тем самым дано и перепроизводство средств потребления: «Ибо... перепроизводство железа и т. д. также включает перепроизводство угля, как, напр., перепроизводство ткани включает перепроизводство пряжи... Следовательно, не может быть речи о перепроизводстве предметов (Artikel), перепроизводство которых (уже. *Н. Б.)* включено, ибо они входят, как элемент, сырье, вспомогательные материалы или средства труда, в предметы...., положительное перепроизводство которых и есть факт, подлежащий объяснению» [2]). Таким образом, с одной стороны (в данном примере), нельзя говорить о перепроизводстве угля по отношению к железу и т. д., т.-е. об относительном перепроизводстве в такой производственной отрасли,

[1]) Ibid., 353.
[2]) Marx, Theorien, II, S. 313.

которая представляет собою предварительную стадию («Vorstufe», как выражается Маркс) следующей отрасли, где перепроизводство является данным; с другой стороны, нельзя говорить и о недопроизводстве угля по отношению к железу, т.-е. утверждать, что железа произведено слишком много потому, что угля произведено слишком мало, ибо перепроизводство железа невозможно без соответствующего перепроизводства угля.

Дальнейшая расшифровка этого вопроса подводит нас вплотную к тем проблемам, которые мы разбирали выше, в связи с критикой теории Туган-Барановского.

В самом деле, если бы мы имели перед собой эмансипировавшийся от потребления рынок и замкнутый круг производства средств производства, где одни отрасли обслуживают другие и обратно,—другими словами, если бы мы имели такую странную производственную систему, какую рисует нам пылкая фантазия Тугана, тогда общее перепроизводство было бы невозможно. Перед нами были бы качели: перепроизводство железа означало бы недопроизводство угля, и, наоборот, общее перепроизводство, т.-е. одновременное перепроизводство *и* угля, *и* железа, было бы так же невозможно, как одновременный взлет вверх обоих концов качелей. Совсем другое получается у нас, когда перед нами не теория Туган-Барановского, а правильная теория, т.-е. теория Маркса. Тогда у нас имеется цепь родственных по производству отраслей, каждая из которых представляет рынок для другой, в определенном порядке, диктуемом технико-экономической логикой совокупного производственного процесса. Но эта цепь кончается производством средств потребления, которые дальше непосредственно, в своей вещной форме, т.-е. как потребительные ценности, ни в какой производственный процесс не входят, а которые входят в процесс личного потребления (здесь мы отвлекаемся от того, что процесс потребления со стороны рабочего класса есть процесс производства рабочей силы; об этом речь будет ниже; в данном же случае нас интересуют те два подразделения производственного процесса, о которых речь идет в Марксовых схемах). Следовательно, вполне мыслимо такое положение вещей, когда мы имеем перепроизводство во всех звеньях, выражающееся в перепроизводстве средств потребления, т.-е. в перепроизводстве по отношению к потребительскому рынку, что

и может выражать общее перепроизводство. Критикуя Сэя, который заявляет, что спрос ограничивается производством, Маркс замечает: «Это очень премудро сказано. Ограничен-то он, конечно (производством). Ибо не может быть спроса на что-либо, что невозможно произвести на заказ, или чего спрос не находит в готовом виде на рынке. Но из того, что спрос ограничивается производством, никоим образом не следует, что производство ограничено или было ограничено спросом, и что оно никогда не может выйти за границы (überschreiten) спроса, в особенности спроса по рыночной цене (Marktpreis)» [1]).

2. Относительное и абсолютное перепроизводство. Необходимо иметь также в виду, что речь может итти только об относительном перепроизводстве, т.-е. о перепроизводстве по отношению к платежеспособному, «эффективному» спросу, а вовсе не по отношению к абсолютной общественной потребности. Последняя вообще не подлежит анализу в данной связи вопросов. «Что за дело перепроизводству вообще до абсолютных потребностей? Оно имеет дело только с платежеспособными потребностями (nur mit den zahlungsfähigen Bedürfnissen). Речь идет не об абсолютном перепроизводстве — перепроизводстве an und für sich (самом по себе) по отношению к абсолютной нужде (Bedürftigkeit) или желанию обладать товарами. В этом смысле не существует ни частичного, ни всеобщего перепроизводства. И (в этом смысле) они не образуют никакой противоположности по отношению друг к другу» [2]).

В другом месте ту же мысль Маркс выражает в иной форме, но не менее отчетливо: «Излишняя масса товаров (die Uebermasse der Waren) всегда относительна, т.-е. она является излишней при определенных ценах. Цены, по которым потом берутся товары, разорительны для производителя или купца» [3]).

3. Перепроизводство товаров или перепроизводство капитала. Рикардианцы, в противоположность самому Рикардо, признавали перепроизводство капитала, но решительно отрицали перепроизводство товаров.

---

[1]) Marx, Theorien, III, Auflösung der Ricardoschen Schule, § «Nochmals der Verfasser der Inquiry», S. 139, Fussnote.

[2]) Marx, Theorien, II[2], S. 295.

[3]) Ibidem, S. 293. См. также стр. 309.

Однако, совершенно ясно, что перепроизводства капиталов не может быть, если не может быть товарного перепроизводства. Ибо что такое производство капитала? Очевидно, что процесс производства капитала есть не что иное, как процесс капиталистического производства, т.-е. производства товаров, но не в условиях простого товарного, а в условиях капиталистического производства. Производство капитала есть, таким образом, производство капиталистически производимых товаров. Следовательно, перепроизводство капитала есть в то же время перепроизводство товаров. Признавать перепроизводство капитала и отрицать перепроизводство товаров — это значит обнаруживать «отсутствие мысли (Gedankenlosigkeit), которое признает существующим и необходимым тот же самый феномен, когда он называется «а», но отрицает его, лишь только его назовут «b» [1])...

4. Временное и постоянное перепроизводство. Данный пункт, как, по всей вероятности, догадывается читатель, представляет кардинальнейшую проблему с точки зрения всей нашей критики взглядов т. Р. Люксембург, а равно народников, сисмондистов и прочих путаников. Точка зрения Маркса на этот вопрос была совершенно определенной. Мы уже упоминали об этом в начале данной главы (а равно и о взглядах на данный вопрос тов. Ленина). Приведем еще лишь одно место. Обсуждая проблему общего перепроизводства, Маркс пишет, что точка зрения одного частичного перепроизводства есть лишь «жалкая уловка» (ein armseliger Ausweg). «Прежде всего, если мы рассматриваем только природу товара, то решительно ничто не мешает тому, чтобы все товары были в излишке на рынке... Ведь, именно речь и идет здесь только о моменте кризиса [2]). Другими словами, конфликт между производством и потреблением или, что то же, всеобщее перепроизводство есть не что иное, как кризис. Это концепция, в корне отличная от позиции Розы Люксембург, по которой в чистом капиталистическом обществе перепроизводство есть обязательное явление во всякий момент, ибо расширенное воспроизводство вообще невозможно.

---

[1]) Ibidem, 272.

[2]) Ibid., 292. Последний курсив наш.

Итак:

Речь может итти лишь об относительном перепроизводстве; что касается абсолютного удовлетворения потребностей, то с этой точки зрения капитализм постоянно недопроизводит; возможно не только частичное, но и общее перепроизводство, в котором как-раз и выражается конфликт между производством и потреблением; это перепроизводство есть перепроизводство капиталов, то-есть и товарное перепроизводство; но это перепроизводство вовсе не есть постоянное явление, имеющееся в наличности всегда; оно есть выражение кризиса, а «постоянных кризисов не бывает» (Маркс).

Или — выделив самые существенные для нас пункты — мы получаем такую теоретическую «диспозицию»:

I. Гармонисты (Сэй и К°) и апологеты: общего перепроизводства не бывает никогда.

II. Сисмондисты, народники, Роза Л.: общее перепроизводство должно быть всегда.

III. Ортодоксальные марксисты: общее перепроизводство неизбежно иногда (периодические кризисы).

Или в другой связи:

I. Туган-Барановский, Гильфердинг и т. д. Кризисы возникают из диспропорции между различными страслями производства, но к этому делу момент потребления не имеет отношения [1]).

II. Маркс, Ленин, ортодоксальные марксисты. Кризисы возникают из диспропорциональности общественного производства, но момент потребления является составной частью этой диспропорциональности.

---

[1]) «... Но в то же время эти схемы (схемы Маркса. *Н. Б.*) показывают, что при капиталистическом производстве как простое, так и расширенное воспроизводство может итти беспрепятственно лишь при том условии, если сохраняется эта пропорциональность. Наоборот, при нарушении отношений пропорциональности...кризис может возникнуть и при простом воспроизводстве. Из этого следует во всяком случае, что причина кризиса лежит не в недопотреблении масс, присущем капиталистическому производству... Точно так же из приведенных схем, взятых сами по себе, не вытекает возможности всеобщего перепроизводства товаров; напротив, можно было бы показать, что возможно всякое расширение производства, раз только

Эту основную мысль нужно разобрать подробнее.

Выше мы приводили аргумент Розы Люксембург против схемы Маркса,—аргумент, касающийся связи между производством и потреблением. Тов. Р. Л. писала, что схема Маркса «допускает (!) кризисы, но исключительно вследствие недостатка пропорциональности производства, т о - е с т ь (курсив наш. *Н. Б.*) вследствие отсутствия общественного контроля над процессом производства» (353), и т у т ж е она продолжала: «Н а п р о т и в т о г о (курсив наш. *Н. Б.*), она исключает глубокое основное противоречие между производительной и потребительной способностью капиталистического общества...» (ibidem). Нетрудно увидеть, что тов. Роза Люксембург п р о т и в о п о с т а в л я е т контроль над производством соотношению между производством и потреблением и, следовательно, диспропорциональность производства диспропроциональности между производством и потреблением. Но этот взгляд является как-раз источником бесчисленных ошибок и величайшей путаницы.

Представим себе три общественно-экономических структуры: к о л л е к т и в н о - к а п и т а л и с т и ч е с к и й с т р о й (государственный капитализм), где капиталистический класс объединен в единый трест, и где, следовательно, перед нами организованное, но в то же время антагонистическое, с т о ч к и зрения к л а с с о в, хозяйство; затем «классическое» капиталистическое общество, то самое, которое анализирует Маркс, и, наконец, общество социалистическое. Постараемся теперь проследить: 1) каким образом идет расширенное воспроизводство, каким образом, следовательно, возможно «накопление» (это слово мы ставим в кавычках, так как, по существу, термин «накопление» предполагает лишь капиталистические отношения); 2) откуда, где и когда могут быть кризисы.

1. Г о с у д а р с т в е н н ы й к а п и т а л и з м. Возможно ли здесь накопление? Конечно, да. Растет постоянный капитал,

---

оно допускается существующим состоянием производительных сил» (Р. Г и л ь ф е р д и н г, Фин. капитал, Госиздат, изд. 3, стр. 298). В целях справедливости мы должны отметить, что г-н Т у г а н признает всеобщее перепроизводство, но лишь «как своеобразное выражение, в условиях денежного хозяйства, ч а с т и ч н о г о перепроизводства, непропорционального распределения общественного труда» (Промышленные кризисы, стр. 265).

растет потребление капиталистов, постоянно растут новые отрасли производства, связанные с новыми потребностями; растет потребление рабочих, хотя и поставлено в определенные границы. Несмотря на это «недопотребление» масс, кризиса не получается, ибо заранее дан как спрос со стороны каждой отрасли производства по отношению к другой, так и потребительский спрос и со стороны капиталистов, и со стороны рабочих (нет «анархии производства», а есть рациональный, с точки зрения капитала, план). В случае «просчета» в средствах производства излишнее количество идет на склады, и в следующий производственный период вносится соответствующая поправка. В случае «просчета» в средствах потребления рабочих — рабочим «скармливается» эта добавка путем раздачи, или соответствующая порция продукта уничтожается. В случае просчета в производстве средств роскоши — «выход» тоже ясен. Следовательно, никакого кризиса перепроизводства здесь получиться не может. Ход производства, в общем, плавный. Стимул производства и производственного плана — потребление капиталистов; следовательно, никакого особо быстрого развития производства здесь налицо нет (небольшое число капиталистов).

2. «Классический» капитализм. Как возможно накопление здесь, — мы анализировали в предыдущих главах. Но, в отличие от первого примера, здесь налицо «анархия производства», денежная связь через рынок, форма заработной платы и т. д. Если брать «идеальную среднюю», то разрешение задачи лежит в той же плоскости, что и в первом случае (рост постоянного капитала, рост — в ценностях — потребления капиталистов и рабочих). Но, в отличие от первого случая, здесь «идеальная средняя» есть лишь некая тенденция, проявляющаяся в противоречивом и слепом ходе экономических событий. С другой стороны, форма купли-продажи и отделение продажи от покупки (в противоположность обмену продукта на продукт) сама является условием нарушения общественного воспроизводства. Отсюда получается следующее:

Во-первых, эмпирически не может быть пропорциональности между производственными отраслями; она устанавливается лишь как тенденция, т.-е. путем постоянных нарушений пропорциональности.

Во-вторых, эти нарушения неизбежно вызывают затруднения в ходе общественного воспроизводства в силу денежно-рыночной связи между производственными отраслями.

В-третьих, вполне возможна диспропорциональность между совокупным производством и совокупным общественным потреблением в силу диспропорциональности между производством средств потребления и эффективным спросом на средства потребления (здесь спрос дан не a priori, как плановый спрос, и все соотношение устанавливается лишь post factum).

В-четвертых, эта диспропорциональность, в силу денежно-рыночной связи, неизбежно вызывает нарушение в ходе общественного воспроизводства (здесь нельзя «скормить» рабочим излишек, как в первом примере);

В-пятых, капитализм развивает постоянную тенденцию к тому, чтобы, с одной стороны, быстро развивать производство (механизм конкуренции, которого нет в первом примере), с другой — понижать заработную плату (давление резервной армии); другими словами, капитализм имеет тенденцию выводить производство за границы потребления. Это вовсе не значит, что излишек имеется всегда, как полагают народники и тов. Роза Люксембург. Ибо диспропорциональность этого типа обнаруживается лишь тогда, когда перепроизводство средств производства проявилось и прорвалось наружу, как перепроизводство предметов потребления. До тех пор все может итти относительно гладко, так как «излишняя» волна расширения пробегает промежуточные производственные звенья, где конфликта с личным потреблением еще быть не может. С другой стороны, это вовсе не значит, что накопление невозможно. Ибо здесь дело не в том, что произведено больше, а что произведено больше в ненадлежащей пропорции. Реализация прибавочной ценности вовсе не невозможна, вопреки тому, что утверждает тов. Роза Люксембург. Но она становится невозможной при определенных условиях, — это и есть кризис («воспроизводство на слишком расширенной ступени, что тождественно с перепроизводством вообще» [1]).

---

[1]) «Also Reproduction auf zu grosser Stufenleiter, was dasselbe ist wie Ueberproduction schlechthin» (Marx, Theorien etc., II, S. 317). Курсив наш.

Так обстоит дело в обществе «классического капитализма». Теперь обратимся к социалистическому обществу.

3. Социалистическое общество. Если мы берем «чистый тип» социалистического общества, то кризисов там не будет! В то же время доля средств производства будет расти еще быстрее, чем при капиталистическом режиме, так как здесь машина вводится даже при таких условиях, при каких она при капитализме не имеет значения.

В то же время **именно поэтому** потребности широких масс, всей совокупности общества удовлетворяются гораздо лучше, чем при всех предыдущих социально-экономических структурах.

После всего вышесказанного нетрудно видеть, насколько далека от истины тов. Роза Люксембург.

Разбирая один антимальтузианский памфлет, Маркс писал про этот памфлет:

> Здесь, следовательно, предполагается: 1) капиталистическое производство, в котором производство каждой особой производственной сферы и его прирост регулируется и определяется не непосредственно общественными потребностями, а производительными силами, которыми располагает каждый отдельный капиталист независимо от общественных потребностей, 2) предполагается, что все же производство ведется в таких пропорциях (dass dennoch so proportioniert produziert wird), какбудто бы капитал применялся в различных производственных сферах непосредственно обществом соответственно его потребностям.
>
> При этой предпосылке (contradictio in adjecto), если бы капиталистическое производство было абсолютно социалистическим, и в самом деле не могло бы быть никакого перепроизводства[1]).

Другими словами, если бы было плановое хозяйство, то не могло бы быть и кризиса перепроизводства. Здесь Маркс совершенно отчетливо формулирует положение, в силу которого преодоление анархии, т.-е. плановое начало, не противопо-

---

[1]) Marx, Theorien, III B., S. 136, § b: «Nochmals der Verfasser der Inquiry». Последний курсив наш.

ставляется, как особый момент, ликвидации противоречия между производством и потреблением, а включает эту ликвидацию. Наоборот, у Розы Люксембург имеется, как это видно из вышеприведенной цитаты относительно схем II тома «Капитала», с одной стороны, «недостаток пропорциональности производства, т.-е... отсутствие общественного контроля над процессом производства», с другой — «основное противоречие между производительной и потребительной способностью капиталистического общества». И Роза Л. утверждает, что схемы II тома «допускают» кризисы «исключительно вследствие недостатка пропорциональности, то-есть вследствие отсутствия общественного контроля над процессом производства». Роза Люксембург прямо противополагает этому другой момент. Как мы видели, она точно формулирует свою мысль и пишет вслед за вышецитированной фразой, что схема II тома «напротив того... исключает глубокое основное противоречие...» и т. д. Яснее сказать нельзя, невозможно более точно формулировать явно неверное положение.

По Розе Люксембург, выходит, что при плановом хозяйстве будут кризисы, если есть «недопотребление масс». Другими словами, по Р. Л., выходит, что кризисы обязательны в нашем гипотетическом государственно-капиталистическом обществе. Мы же показали, что кризисов там быть не может [1]). Понять это вовсе не так трудно. В самом деле, в чем выражается бесплановость хозяйства, его «анархия»? В том, что нет пропорции между отдельными отраслями производства и, вместе с тем, в том, что нет пропорции между размерами производства и размерами личного потребления. Поэтому Маркс и говорит о пропорциональном применении капитала: 1) «в различных производственных сферах» и 2) «соответственно потребностям». Оба эти момента входят в понятие пропорциональности общественного производства. Еще более популярно говоря: предположим, что у нас есть полная пропорциональность между всеми отраслями производства, с точки зрения их соотношений в одну сторону, по одному направлению, от средств производства к средствам потребления; пусть, напр., совокупное общественное про-

[1]) Грамотный читатель все время помнит, что у нас абстрактные, «идеальные» типы общественных структур, а не эмпирически данные общества.

изводство символизируется рядом: уголь, железо, машины, ткань; таким образом, угля производится ровно столько, сколько может поглотить производство железа, железа — столько, сколько требует производство машин и т. д., по всей цепи производственных отраслей. Есть ли это гарантия того, что кризиса не будет? Нет. Ибо может оказаться, что ткани произведено больше, чем нужно, и, следовательно, произведено больше, чем нужно, машин, железа, угля. Другими словами, диспропорциональность совокупного общественного производства состоит не только в диспропорциональности между производственными отраслями, но и в диспропорциональности между производством и личным потреблением. Или, говоря словами Ленина:

> «Потребительная сила общества» и «пропорциональность различных отраслей производства» — это вовсе не какие-то отдельные, самостоятельные, не связанные еще друг с другом условия. Напротив, известное состояние потребления есть один из элементов пропорциональности. В самом деле, анализ реализации показал, что образование внутреннего рынка для капитализма идет не столько на счет предметов потребления, сколько на счет средств производства. Отсюда следует, что первое подразделение общественной продукции (изготовление средств производства) может и должно развиваться быстрее, чем второе (изготовление предметов потребления). Но отсюда, разумеется, никак не следует, чтобы изготовление средств производства могло развиваться совершенно независимо от изготовления предметов потребления и вне всякой связи с ним [1]).

Поставим тот же вопрос с несколько иной стороны. Мы брали пропорциональность между различными отраслями, как мы выразились, по одному направлению, от угля к ткани. Но для хода общественного воспроизводства важно, в равной мере, и обратное направление, от ткани к углю. Ткань должна тоже быть продана, чтобы заместиться машиной и т. д.

---

[1]) Ленин, Сочин., т. II, «Заметка к вопросу о теории рынков», стр. 474 первого издания. Курсив Ленина.

Вспомним формулу общественного воспроизводства; при двухчленном делении совокупного общественного производства, т.-е. делении его на производство средств производства и на производство предметов потребления, материально вещественные части продукта в определенной пропорции должны *взаимно меняться местами*; дело не ограничивается только тем, что из верхнего этажа (производство средств производства) продукты бегут в нижний (производство предметов потребления),— должен происходить и переход из нижнего этажа в верхний, и притом в известной, строго определенной пропорции.

Приведем здесь вновь нашу формулу:

$$\begin{array}{ll} \text{I.} & c_1 + \boxed{v_1 + a_1} + \beta_{1c} + \boxed{\beta_{1v}} \\ \text{II.} & \boxed{c_2} + v_2 + a_2 + \boxed{\beta_{2c}} + \beta_{2v} \end{array}$$

Из нее, как мы знаем, вытекает основное условие процесса воспроизводства, выражающееся в равенстве:

$$c_2 + \beta_{2c} = v_1 + a_1 + \beta_{1v}$$

Или, что то же:

$$v_1 + \beta_{1v} = c_2 + \beta_{2c} - a_1.$$

Если, следовательно, $c_2 + \beta_{2c} - a_1 > v_1 + \beta_{1v}$, т.-е. больше будущего переменного капитала в производстве средств производства, то налицо перепроизводство средств потребления. Но весь механизм воспроизводства имеет и другую сторону, которая гораздо ближе касается рассматриваемой проблемы. А именно. При анализе общественного воспроизводства мы видели, что замещение материально-вещественных элементов идет разными путями. Средства производства расставляются на свои места через акты обмена *между капиталистами*. Что же касается средств потребления, то, поскольку они образуют элемент переменного капитала, они расставляются на свои места через акты покупки рабочей силы со стороны капиталистов и через акты покупок средств потребления со *стороны рабочих*. Без *этого* невозможно воспроизводство, без этих сделок, в которых рабочий продает свою рабочую силу и покупает средства потребления, немыслим процесс воспроизводства. Схемы II тома «Капитала» не только не исключают этих сделок (что

можно было бы предположить, если верить заявлениям товарища Розы Люксембург), но прямо их предполагают.

Итак:

во-первых, для правильного хода общественного воспроизводства необходимо, чтобы была правильная пропорция между средствами рабочего потребления и другими частями совокупного общественного продукта;

во-вторых, необходимо, чтобы сумма ценностей совокупной рабочей силы или сумма заработных плат, выплачиваемых всем рабочим, считая и добавочных рабочих нового производственного цикла, действительно равнялась ценности средств рабочего потребления. Если первую величину мы обозначим как V, то получим:

$$V = (v_1 + \beta_{1v}) + (v_2 + \beta_{2v})$$

Но это равенство вовсе не есть предустановленная гармония. Фактически его и не бывает именно в силу противоречивых тенденций капитализма (гнать вверх производство, понижать заработную плату), развивающихся в стихийном порядке. Поэтому. динамика капитализма приводит к тому, что

$$V < (v_1 + \beta_{1v}) + (v_2 + \beta_{2v}),$$

т.-е. к диспропорциональности между производством и потреблением. Совершенно понятно, что заработная плата, скажем в производстве средств производства, определяется вовсе не теми соображениями, сколько будет выработано ценностей в производстве средств рабочего потребления. Точно так же размеры этого последнего производства определяются вовсе не размерами спроса, который не может быть учтен. Отсюда видно, что диспропорциональность между производством и потреблением масс нельзя отрывать от общей диспропорциональности производственного процесса.

Здесь мы должны, однако, отметить, что данное положение имеет еще более глубокий смысл, если вдуматься во всю механику процесса воспроизводства в его целом.

Экономисты-апологеты отрицали кризисы, между прочим, на основании «метафизического равновесия между продавцами и покупателями», производителями и потребителями. Маркс пишет по этому поводу:

Нет ничего более безвкусного (abgeschmakter) в отрицании кризисов, как утверждение, что потребители (покупатели) и производители (продавцы) в капиталистическом обществе тождественны. Они стоят совершенно по разным сторонам (sie fallen ganz auseinander). Поскольку происходит процесс воспроизводства, это тождество можно утверждать лишь относительно одного из 3.000 производителей, то-есть относительно капиталиста. Точно так же, насборот, неверно, что потребители суть производители. Земельный собственник (земельная рента) не производит, и все-таки он потребляет. Так же обстоит дело и со всем денежным капиталом [1]).

Другими словами, Маркс указывает на особую роль рабочего в процессе обращения. Рабочие не покупают средств производства, хотя они их производительно потребляют, ибо они их потребляют не для себя. Рабочие продают товар, но не тот, который они производят на фабриках. Что же скрывается за этим с точки зрения воспроизводства?

Здесь мы должны обратить внимание на следующее. Капиталистическое обращение отличается от простого товарного обращения, между прочим, тем, что среди обращающихся на рынке товаров фигурирует рабочая сила, имеющая свою потребительную ценность и свою меновую ценность. Но это значит, что с общественной точки зрения, ergo с точки зрения совокупного общественного воспроизводства, рабочая сила в капиталистическом обществе и производится, как товар.

С другой стороны, мы знаем, что «реальная» форма капитала, его производительная форма, рассматриваемая не с точки зрения ценности, а с точки зрения материально-вещественной, есть соединение средств производства не со средствами потребления, а с живой рабочей силой. Средства потребления являются здесь как бы посредствующим моментом. Они в своей натуральной форме не могут быть составной частью функционирующего производительного капитала; а их ценность должна неизбежно превратиться в ценность рабочей силы, натуральная форма которой соответствует натуральной форме средств

---

[1]) Marx, Theorien, II², S. 297.

производства. Итак, форма производительного капитала есть средства производства и рабочая сила; в то же время в процессе обращения этому соответствует движение рабочей силы на товарном рынке. Но что же соответствует этому в сфере производства данного товара? Мы видели, что косвенным производством рабочей силы, вернее, предварительным условием этого производства, является производство средств рабочего потребления. Непосредственным же процессом производства рабочей силы является, в основном, процесс личного потребления. Рассматриваемый с общественной точки зрения процесс потребления рабочего класса и есть процесс производства рабочей силы. Отсюда совершенно ясно, что диспропорциональность между производством и потреблением является производственной диспропорциональностью и в более непосредственном, более узком смысле, а именно диспропорциональностью между производством средств потребления и производством наемной рабочей силы.

Обычно при анализе кризисов чрезвычайно мало останавливаются — или почти совсем не останавливаются — на анализе того, что среди товаров имеется и рабочая сила. Между тем, это есть, как мы уже говорили, специфическое отличие капиталистического обмена и капиталистического способа производства. Раз рабочая сила вступила в товарный оборот, то те противоречия, которые свойственны товарному производству, в осложненной форме должны выступить и здесь. Противоречие между потребительной ценностью товара и его ценностью разыгрывается здесь, как противоречие между производством прибавочной ценности, которое стремится к безграничному расширению, и ограниченной покупательной способностью масс, реализующих ценность своей рабочей силы. Это противоречие и разрешается в кризисах.

Возвратимся теперь к магистрали наших рассуждений. В конце теоретической части своего исследования о кризисах г. Туган-Барановский пишет:

> Если бы производство было организовано планомерно, если бы рынок обладал полным знанием спроса и властью пропорционального распределения производ-

> ства, свободного передвижения труда и капитала из одной отрасли промышленности в другую, то, как бы ни было низко потребление, предложение товаров не могло бы превысить спрос [1]).

Это положение совершенно верно, если мы не будем придираться к терминологии («рынок», «товар» etc. при организованном производстве). Но беда в том, что это верное положение в корне противоречит всей теории Туган-Барановского. Мы считаем полезным разобрать его, так как этот разбор внесет еще большую определенность в решение проблемы.

Туган-Барановский в понятие планомерного производства включает з н а н и е с п р о с а. Но что это такое?

Спрос — понятие вовсе не такое простое. Сюда входит спрос на уголь, спрос на машины, спрос на железо и т. д., — словом, спрос на с р е д с т в а п р о и з в о д с т в а. Но сюда же относится и спрос на хлеб, спрос на ткани, спрос на п р е д м е т ы п о т р е б л е н и я. Если перед нами антагонистическое (в классовом отношении) общество, то «знание спроса» предполагает не только знание спроса на средства производства, но также и знание потребительского спроса со стороны рабочих и со стороны капиталистов. Кризиса здесь не будет. Но этого кризиса не будет, между прочим, и п о т о м у, что известна и дана з а в и с и м о с т ь м е ж д у п р о и з в о д с т в о м и п о т р е б л е н и е м, то-есть как-раз то, что теоретически о т р и ц а е т с я г-ном Туган-Барановским, когда этот ученый муж из плохо переваренных обрывков Марксова анализа создает свою теорию рынка. С другой стороны, эта ошибка Тугана еще более ярко освещает положение, что «состояние потребления» есть один из элементов производственной пропорциональности. В самом деле, посмотрим ближе, какова структура связи между различными производственными отраслями.

Ближе всего к потреблению стоит целый р я д производственных отраслей: производство «пищи, одежды, жилища». Каждое из этих подразделений дробится на громадное число самостоятельных отраслей. В связи с этим рядом отраслей стоит ряд производств средств производства, который тоже дробится на

---

[1]) Т у г а н-Б а р а н о в с к и й, Промышленные кризисы, стр. 281—282.

бесчисленное множество отраслей по вертикальной и по горизонтальной линии: и по линии производственного родства с разнородными предметами потребления, и по линии связи средств производства между собой. Туган-Барановский приходит к своему парадоксальному выводу о независимости «производства от потребления» только потому, что он анализирует связь исключительно в одном кругу: в сфере связи между различными производствами внутри производства средств производства; он не видит, во-первых, пропорций между производством средств производства и производством предметов потребления (на этом мы остановились выше); во-вторых, он совершенно не затрагивает вопроса о пропорциях между различными отраслями в производстве предметов потребления, как это ни странно, в особенности для сторонника теории предельной полезности. Между тем, если принять эти связи во внимание, то будет совершенно ясно следующее положение: изменение в потребительском спросе неизбежно должно: 1) изменить пропорции между различными отраслями в производстве предметов потребления, 2) в силу связи между двумя основными отраслями общественного производства изменить также и пропорции между различными отраслями в производстве средств производства. Другими словами, изменение потребительского бюджета общества неизбежно влечет за собой перегруппировку между различными сферами общественного труда. То обстоятельство, что само это изменение обусловливается изменением в производстве, нимало не колеблет этого факта.

Таким образом «элемент потребления» представляется не как самостоятельная сущность (ошибка, которую в равной мере делает и Туган, и Роза Люксембург, хотя они и приходят к диаметрально-противоположным выводам), а один из элементов совокупной общественно-производственной пропорциональности или диспропорциональности.

После вышесказанного нетрудно будет вытащить на свет божий методологический корень ошибки т. Розы Люксембург. Капиталистический общественно-производственный организм есть «единство противоположностей». Апологеты видят в нем лишь момент единства: «Апологетика,— писал Маркс,— состоит... в фальсификации простейших экономических отношений и специально в том, чтобы держаться за момент

единства против момента противоположности» (dem Gegensatz gegenüber die Einheit festzuhalten [1]).

В другом месте Маркс дает замечательную сводку этих апологетических упражнений, тоже в связи с теорией кризисов. Он пишет:

> Покупка и продажа (в действительности. *Н. Б.*) разъединены: товар отделен от денег, потребительная ценность от ценности меновой. Однако (у буржуазных ученых. *Н. Б.*), предполагается, что имеет место не это отделение, а товарообмен. Потребление и производство разъединены: имеются производители, которые потребляют не так много, как они производят, и потребители, которые не производят. Однако, предполагается, что потребление и производство идентичны. Капиталист производит непосредственно для того, чтобы увеличить свою прибыль, ради меновой ценности, а вовсе не для потребления. Однако, предполагается, что он производит непосредственно и исключительно ради потребления. Если предположить, что существующие при буржуазном способе производства противоречия, которые, конечно, выравниваются в процессе выравнивания, представляющемся в то же время, как кризис, насильственное воссоединение разорванных, противопоставленных друг-другу и в то же время образующих единство (zusammenhörigen) моментов — не существуют, то эти противоречия, разумеется, и не могут проявиться. В каждой промышленной отрасли отдельный капиталист производит в соответствии со своим капиталом, а не в соответствии с потребностями общества... Однако, предполагается, что он производит так, как если бы он производил по поручению всего общества [2]).

Эту ошибку апологетов отлично видит тов. Роза Люксембург. Но есть и другая ошибка. Ибо нужно видеть не только противоположности, но и единство. В кризисах со стихийной силой это единство и утверждает себя, тогда как по Розе Люксембург это единство вообще невозможно. Другими словами, тов. Роза Люксембург ищет в капитализме плоских, формально-логических противоречий, которые не динамичны,

[1]) Theorien II[2], S. 274.

[2]) Marx, Theorien, III, S. 140, Fussnote.

не разрешаются, не являются элементами противоречивого единства, наголо отрицают это единство. В действительности же перед нами диалектические противоречия, которые суть противоречия целого, которые периодически разрешаются, постоянно воспроизводятся и только лишь на определенной ступени развития взрывают всю капиталистическую систему, как таковую, т.-е. уничтожают вместе с самими собой и прежний тип «единства».

ГЛАВА IV.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ КОРНИ ИМПЕРИАЛИЗМА.

В предыдущем мы показали, что тов. Роза Люксембург оказалась неправой на всех ступенях анализа процесса воспроизводства: и при наиболее абстрактных предпосылках (процесс расширенного воспроизводства, рассматриваемый при отвлечении от момента денег), и по мере постепенной конкретизации (хотя и в условиях абстрактного капиталистического общества вообще): мы говорим о денежном моменте, а затем о кризисах. Нам нужно теперь перейти к еще более конкретным постановкам вопроса, то-есть выйти уже за пределы абстрактного капитализма и поставить проблему о соотношении капиталистического хозяйственного круга с его некапиталистической периферией.

Но здесь нам необходимо обратить внимание на методологическое заключение тов. Р. Люксембург, которое она выводит из своих утверждений. Анализ этого «заключения» поможет нам перейти как-раз к тем вопросам, которые мы только-что наметили.

Итак, даем слово тов. Р. Люксембург:

> Что объяснение экономического корня империализма должно быть выведено специально из законов накопления капитала и приведено с ними в соответствие, — это не подлежит никакому сомнению, так как империализм в целом, уже по всеобщему эмпирическому признанию, является не чем иным, как специфическим методом накопления. Но как это возможно, пока мы без всякой критики (!) придерживаемся предпосылок Маркса во втором томе «Капитала», имеющих в виду общество, где капиталистическое производ-

ство является единственным, и где все население состоит только из капиталистов и наемных рабочих?

Как бы ни определяли внутренние экономические движущие силы империализма, во всяком случае ясно и общепризнано одно: его сущность состоит именно в распространении господства капитала из старых капиталистических стран на новые области и в хозяйственной и политической конкурентной борьбе этих стран из-за подобных областей. Но Маркс, как мы видели, допускает во втором томе своего «Капитала», что весь мир является лишь «одной капиталистической нацией», и что все другие хозяйственные и общественные формы исчезли. Как же, спрашивается, объяснить империализм в таком обществе, где для него совершенно не осталось места?

Здесь, я полагала, нужно подойти к вопросу критически (т.-е. не к «вопросу», а к М а р к с у. *Н. Б.*). Теоретическое допущение общества, состоящего из одних лишь капиталистов и рабочих, которое для определенных целей исследования (напр., в первом томе «Капитала» при анализе отдельного капитала и его практики эксплоатации на фабрике) вполне законно и уместно, к а ж е т с я м н е н е п р и м е н и м ы м и м е ш а ю щ и м а н а л и з у т а м, г д е р е ч ь и д е т о н а к о п л е н и и к а п и т а л а, в з я т о г о в ц е л о м (курсив наш. *Н. Б.*). Так как последнее представляет действительный исторический процесс капиталистического развития, то его, по-моему, невозможно понять, если отвлечься от в с е х (?! *Н. Б.*) условий этой исторической действительности. Капиталистическое накопление, как исторический процесс, с первого до последнего дня развивается в среде различных докапиталистических формаций, в постоянной политической борьбе и непрерывном экономическом взаимодействии с ними. Как же можно правильно понять этот процесс и внутренние законы его развития в бескровной теоретической фикции, которая объявляет несуществующими всю эту среду, эту борьбу и это взаимодействие? [1]).

В этой выписке, которая, как видит читатель, с одной стороны, подводит некоторый теоретический и т о г, а с другой сто-

[1]) «Накопление капитала» т. 2, стр. 560—561.

роны, является методологическим ключом для разработки дальнейших проблем, больше морального возмущения, чем логической убедительности. Мы бы сказали даже, что здесь дано, так-сказать, принципиальное непонимание абстрактно-теоретического метода Маркса, его значимости, его условности и в то же время его правильности. На этом вопросе следует остановиться, так как это сбережет нам время впоследствии. Мы должны поэтому разобрать выписанные положения тов. Розы Люксембург буквально по косточкам.

Во-первых. Прежде всего, неправильно утверждение тов. Розы Люксембург, будто бы в I томе «Капитала» исследуется «отдельный» (!) капитал, т.-е. индивидуальный капитал, индивидуальная фабрика и индивидуальный капиталист. Ничего подобного у Маркса нет. Если у него есть такие примеры, то здесь берется капиталист, как персонификация капитала. По существу дела объективный, «общественный» метод рассмотрения экономических явлений так же характерен для I тома, как и для всех остальных томов «Капитала». В первом томе речь идет о производстве общественного капитала, во втором — об обращении общественного капитала, в третьем — о «процессе в целом», т.-е. обо всем движении общественного капитала.

Во-вторых. Из предыдущего следует полная неприемлемость различия методов исследования, что предлагает тов. Роза Люксембург. В самом деле, ведь, сама Р. Люксембург в центре всего ставит вопрос о воспроизводстве. Но если ставить этот вопрос, то, совершенно естественно, тем самым ставится и вопрос о производстве, ибо воспроизводство вне производства, без производства есть понятие абсурдное. Если процесс накопления, след., процесс расширенного воспроизводства, нельзя анализировать вне связи с некапиталистической средой, то нелепо думать, что в таком случае можно отбросить эту связь при анализе процесса производства капитала. Недурно бы выглядел «процесс в целом», если бы из процесса производства был выкинут весь некапиталистический хозяйственный круг, в процессе же обращения фигурировали ценности, появившиеся как-раз из этого круга. Такой отрыв производства от обращения в корне противоречит точке зрения воспроизводства.

В-третьих. Вышеизложенное положение подтверждается дальнейшими выводами автора «Накопления». Накопление, видите ли, действительный исторический процесс, и отвлекаться от всех исторических условий этого процесса нельзя! Но никто и не рекомендует отвлекаться от всех исторических условий. Отвлекаться от всех исторических условий — это значит отвлекаться и от капиталистической формы производственных отношений, как это делает буржуазная политическая экономия. Другой разговор — отвлечение от некапиталистических «третьих лиц». Приведем конкретный пример. Предположим, что капиталистическая текстильная индустрия сбывает свои товары мелким производителям. Но эти мелкие производители, если они покупают, то они что-либо и продают. Предположим, что они продают хлопок, т.-е. сырье для текстильной индустрии. Не ясно ли, что если мы запретим, подобно Розе, абстрагироваться от мелких производителей при анализе накопления, то тем самым мы должны запретить эту абстракцию и по линии производства? Ибо, если приходится в «действительном процессе» сбывать мелким производителям ткань, то у них приходится покупать хлопок, и притом покупать его для того, чтобы из этого хлопка производить ткань.

Итак: или абстракция от «третьих лиц» недопустима, — тогда она недопустима и при анализе производства капитала; или она допустима, — тогда она допустима и при анализе процесса накопления. Раздвоение метода приводит, как показано, к логическому абсурду.

В-четвертых. Эта абстракция вполне допустима. Конечно, не только оторванное от производства «капиталистическое накопление» движется исторически в некапиталистическом окружении, но и весь механизм капиталистического производства конкретно всегда связан тысячью нитей с некапиталистическим окружением. Но это отнюдь не является аргументом против такой абстракции [1]). Нужно только понимать, что абстрактная

[1]) Кстати. На стр. 652 т. Р. Люксембург утверждает, что у Маркса нигде не идет речи об «изолированном капиталистическом обществе», а речь идет о мысленном удлинении реальной тенденции капитализма к универсальному господству. Это противопоставление логически никуда не годится. А затем утверждение, что Маркс нигде не говорит об «изолированном обществе», фактически неверно. Сошлемся хотя бы на такое место: «Чтобы

теория есть такой «ключ» к познанию действительности, которым нужно уметь оперировать. «В действительности» цена никогда не равна ценности, спрос и предложение не покрывают друг-друга, рабочий класс не получает полной ценности своей рабочей силы, и т. д., и т. п. Однако, абстрактные положения теории помогают подойти к самым конкретным проблемам, если только люди, применяющие эти абстрактные теоремы, понимают, что от них к непосредственной эмпирической действительности ведет целый ряд логических ступенек, перескочить через которые ни в коем случае нельзя.

В-пятых. Предыдущим положением дается ответ и на «коварный», несколько раз в различных вариациях, задаваемый тов. Р. Люксембург вопрос: как это можно объяснить колониальные захваты в обществе, где нет места колониям, объяснить то, что заранее исключено из анализа? Ведь, это то же самое, что известный «философский» вопрос: как пахнет роза, которую никто не нюхает? Не правда ли?

Не убедительна ли хоть здесь аргументация нашего критика? Нисколько.

В самом деле. Для того, чтобы объяснить соотношение между капиталистической и некапиталистической средой, нужно, разумеется, привлечь к делу эту некапиталистическую среду. Маркс в «Капитале» не ставил этой проблемы, и потому для ее решения нужно спуститься ниже по лестнице от абстрактного к конкретному. Поэтому всякое исследование о соотношении между капиталистическим миром и «третьими лицами» будет носить более конкретный характер, чем теоретические построения в «Капитале».

Но это нисколько не говорит против того, что абстрактная теория Маркса дает подходи к этой проблеме (ниже мы увидим, какой). А затем, это не есть аргумент за то, чтобы объяснять конкретную действительность и постоянное эмпирическое сосуществование капиталистов и «третьих лиц», а равно и капиталистическую экспансию, неверными теоретическими аргументами о невозможности накопления без внекапиталистической среды.

упростить вопрос, мы абстрагируем от внешней торговли и рассматриваем изолированную нацию («abgeschlossene Nation»). K. Marx, Theorien, II. 25., 211.

Здесь мы вступаем уже in medias res проблемы.

Но тут тов. Роза Люксембург готовит нам неожиданный сюрприз. А именно, она утверждает, что если не принять ее теории о невозможности накопления в чисто-капиталистическом кругу, то вообще нельзя и говорить о каком бы то ни было соотношении между капитализмом и третьими лицами. Это делается в не особенно удачной форме рассуждений о внешней торговле (неудачной потому, что внешняя торговля вовсе не предполагает обязательно разницы в способах производства). Вот что пишет по сему случаю тов. Роза Люксембург:

> С точки зрения изложенного выше (речь идет о Булгакове. *Н. Б.*) понимания воспроизводства, для внешней торговли на самом деле нет места. Если капитализм в любой стране с самого начала (?!) своего развития образует тот знаменитый «замкнутый круг», в котором он вращается подобно кошке вокруг своего собственного хвоста и «сам себе довлеет», в котором он для себя создает неограниченный сбыт и сам же создает препятствия для своего расширения, то и каждая капиталистическая страна представляет собой в экономическом отношении замкнутое «самодовлеющее» целое. Только в одном случае была бы тогда понятна внешняя торговля: она была бы понятна, как средство для покрытия естественного недостатка данной страны в определенных продуктах почвы и климата путем ввоза их из-за границы, только как необходимый ввоз сырых материалов и средств питания... Международный товарный обмен оказывается здесь обоснованным не сущностью способа производства, а естественными условиями разных стран, —теория, которая заимствована, во всяком случае, не у Маркса, а у немецких «гелертеров» буржуазной политической экономии [1]). И т. д.

Итак, если отвлечься от природных условий международного разделения труда (как это

[1]) Ibid., 306, 307. Насчет последней фразы, где дано неправильное противопоставление, все же следует иметь в виду следующее положение Маркса: «Различные человеческие общества находят в окружающей их природе различные средства производства и существования. Отсюда — различия в их способах производства, образе жизни и продуктах. Эти-то естественные, стихийные различия и вызывают взаимный обмен продуктов...» (Маркс, Капитал, т. I, стр. 241—242. Пер. Струве).

можно сделать, не погрешив против духа святого «конкретного исторического процесса»?), то «внешняя торговля» (а вернее—обмен с некапиталистической средой) необъяснима. Таков тезис тов. Розы Люксембург. И этот тезис должен быть «убийственным».

Но... но «не так страшен чорт, как его малютка», — говорят в Одессе. Разберемся и в этой грозной аргументации тов. Р. Люксембург. Только нужно и здесь раньше всего устранить ту путаницу, которую автор «Накопления» вносит в свое изложение потому, что он не понимает, как следует, методологического вопроса о соотношении между абстрактно-теоретическим и конкретно-историческим. «Изолированное», «абстрактное», «чистое капиталистическое» общество никогда нигде не существовало и не могло существовать, — это ведомо всякому. Поэтому, когда тов. Р. Люксембург пишет в только-что приведенной цитате: «Если капитализм в любой стране с самого начала своего развития образует... знаменитый «замкнутый круг» и т. д., и т. п., то все это «ни к чему». Ибо никто не утверждал, что где-либо, да еще в «любой стране», да еще «с самого начала», капитализм варился в собственном соку, жил в целибате и не имел греховных сношений с некапиталистическими производителями. Наоборот, он всегда и везде распространял свое влияние на некапиталистическую периферию, он всегда насиловал ее ad majorem gloriam своей собственной персоны.

Зачем же пугать? Зачем же вводить все эти «если», которые заведомо для всех никуда не годятся?

Но где же тогда действительная причина капиталистической экспансии?

Во-первых, она заключается в затруднениях, вытекающих не из абсолютного и постоянного перепроизводства, а из кризисов со всеми их последствиями.

Во-вторых (и это бесконечно более важно, ибо это — постоянно действующий фактор) она заключается в возможности получать вовне бóльшую прибыль.

Что касается первого обстоятельства, то вряд ли на нем нужно долго останавливаться. Если, напр., налицо есть временное перепроизводство (кризис), а в то же время имеется «добавочный» рынок сбыта, то совершенно естественно, что поток товаров пойдет туда, на основе новых экономических связей произойдет доба-

вочное расширение производства и т. д. Но всякому ясно, что это ни в малой степени, ни на йоту не колеблет тезиса о возможности накопления в чистом капиталистическом обществе. Если бы добавочного рынка не было, то от этого одного капитализм бы не перестал существовать. Он был бы вполне «мыслим». Если же такой рынок есть, то конкретное развитие необходимо идет по линии наименьшего сопротивления, и без этого оно не мыслимо.

Что касается второго ряда причин, то дело здесь обстоит сложнее, и на этом вопросе необходимо остановиться дольше, хотя он был подробно разработан Марксом: остается только удивляться, как этого не заметила тов. Роза Люксембург.

Мы приводили уже в другом месте следующую выдержку из Маркса:

> Сэй в своих примечаниях к переводу Рикардо Констанцио делает только одно правильное замечание о внешней торговле. Прибыль можно делать и обманным путем (durch Prellerei), таким образом, что один выигрывает, когда другой теряет. Потеря и барыш внутри одной страны выравниваются. Не так обстоит дело, если речь идет о разных странах. И даже если рассматривать теорию Рикардо, — чего Сэй не замечает, — то (и с ее точки зрения. *Н. Б.)* три рабочих дня одной страны могут меняться на один день другой страны. Закон ценности претерпевает здесь существенные модификации. Или: точно так же, как внутри одной страны квалифицированный, сложный труд относится к неквалифицированному, простому, так могут относиться друг к другу рабочие дни разных стран. В этом случае более богатая страна эксплоатирует (beutet... aus) более бедную, даже в том случае, когда эта последняя выигрывает (gewinnt) от обмена, как это развил и Дж. Ст. Милль в своих «Some unsettled questions etc» [1]).

Итак, даже в том случае, если «более бедная» страна выигрывает от обмена, «более богатая» страна получает добавочную прибыль.

Еще более резко Маркс формулирует ту же мысль в «Капитале»:

---

[1]) Marx. Theorien. III. S. 279—280. Последний курсив наш.

Капиталы, вложенные *во внешнюю торговлю*, могут давать *более высокую норму прибыли*, так как, во-первых, здесь идет конкуренция с товарами, которые производятся другими странами при менее благоприятных условиях производства, так как более передовая страна продает свои товары выше их стоимости, хотя дешевле конкурирующих стран. Поскольку труд более передовой страны оценивается при этом как труд более высокого удельного веса, норма прибыли повышается, потому что труд, не оплачиваемый, как труд более высокого качества, продается как таковой. То же самое может иметь место по отношению к той стране, в которую отправляются товары и из которой покупаются товары; именно такая страна отдает овеществленного труда in natura более, чем получает, и все-таки получает при этом товары дешевле, чем могла бы сама их производить. Совершенно так же, как фабрикант, утилизирующий новое изобретение, прежде чем оно вошло во всеобщее употребление, продает дешевле своих конкурентов и, несмотря на то, выше индивидуальной стоимости своих товаров, т.-е. сравнительно более высокую производительную силу применяемого им труда он использует, как прибавочный труд. *Он реализует таким образом добавочную прибыль*. С другой стороны, что касается капиталов, вложенных в колониях и т. д., то они могут давать *более высокие нормы прибыли*, так как там, вследствие более низкого развития, норма прибыли вообще стоит выше, а *при условии применения рабов, кули и т. д., стоит выше и эксплоатация труда*. Трудно было бы понять, почему бы такие более высокие нормы прибыли, которые таким образом приносят и доставляют на родину капиталы, вложенные в известные отрасли, почему бы здесь эти нормы прибыли, если только этому не противодействуют монополии, не имели влияния при выравнивании нормы прибыли и, след., pro tanto не повышали ее [1]).

---

[1]) *Маркс*. Капитал, т. III, стр. 213 (все курсивы наши). Цитировано также в *нашей* работе: «Мировое хозяйство и империализм», где этот вопрос подробно разобран.

Наконец, мы позволим себе привести еще одно место, которое приводит и тов. Роза Люксембург, странным образом не замечая, что оно в корне противоречит ее теории. Правда, речь идет здесь не о товарах, а о капитале, не о товарном экспорте, а об экспорте капитала. Но, как мы показали при разборе вопроса о перепроизводстве, с точки зрения именно этого вопроса различие это несущественно (оно существенно с других точек зрения, но это к делу в данный момент не относится). Итак, что же говорит Маркс об экспорте капитала?

> Если капитал, — пишет Маркс, — посылается за границу, то это происходит не потому, чтобы он абсолютно не мог быть помещен в дело внутри страны. Это происходит потому, что за границей он может быть помещен при более высокой норме прибыли[1]).

Итак:

1) Когда обмен представляется случайностью, то торговый капитал получает добавочную прибыль всеми путями, куда входят обман, насилие, грабеж и т. д.

2) Когда внешний обмен становится регулярным явлением, то страна с более высокой структурой получает неизбежно добавочную прибыль.

3) Когда вывозятся капиталы, то это делается тоже потому, что здесь получается сверх-прибыль.

Приходится прямо удивляться, как тов. Р. Люксембург, которая с такой остротой ставила проблему прибыли, как специфической категории капиталистического общества, в других местах своей работы оказалась слепа и глуха к этой проблеме, как-раз там, где ее нужно было бы выдвинуть с особенной силой, подчеркнуть тремя чертами.

Ведь, стало положительным трюизмом утверждение, что «целью и движущим мотивом» капитала является прибыль, прибыль и еще раз прибыль. Как же можно было обойти вопрос о высоте прибыли, когда рассматриваешь движение товаров и капиталов из страны в страну?

Как видит читатель, в данном вопросе суровый критик Маркса проглядел у Маркса одно из самых существеннейших положе-

---

[1]) Маркс, III. ч. I; см. также Р. Люксембург, I. с., стр. 638.

ний. Поэтому совершенно напрасно тов. Р. Люксембург утверждает, что она решает проблему «в духе» Марксовой системы. Это неверно. Ее решение противоречит и букве, и «духу» Марксова учения: здесь она, сама того не подозревая, скатилась целиком к мелкобуржуазной позиции народников.

Но тут мы подошли к одному из очень важных и интересных общих вопросов, крайне существенных с точки зрения оценки теории тов. Р. Люксембург.

Читатель уже, вероятно, заметил, что за странная история получается у тов. Р. Люксембург с экономическими корнями экспансии капитала. Так как она не видит вопроса о погоне за большей прибылью, то у нее дело сводится к голой формуле о возможности реализации. Для чего «нужна» капиталу «некапиталистическая среда»? Для того, чтобы реализовать прибавочную ценность, которую нельзя реализовать в капиталистическом хозяйственном круге. Проблема реализации отрывается таким образом от проблемы большей прибыли, т.-е. от проблемы эксплоатации некапиталистических хозяйственных форм. Тут налицо удивительный теоретический парадокс: теория Розы Люксембург, которая хочет быть ультра-революционной и которая дает действительно великолепное, рукою гениального мастера сделанное описание колониальной эксплоатации, — эта теория по существу дела, т.-е. в своем теоретическом ядре, смазывает и затушевывает капиталистическую действительность.

Эту действительность тов. Р. Люксембург превосходно описывает. Она замечательно выпукло рисует картины беспощадного уничтожения «третьих лиц» во славу капиталистической цивилизации. Она сама сжато формулирует эту сторону накопления таким образом:

> В качестве методов здесь господствует колониальная политика, система международных займов, политика «сфер интересов» и войны. Здесь совершенно открыто выступают насилие, обман, угнетение и грабеж, и стоит большого труда открыть в этом хаосе политического насилия и пробы сил строгие законы экономического процесса [1]).

---

[1]) Роза Люксембург, ibid., стр. 473.

Это великолепно сказано. Но, к сожалению, «строгие законы экономического процесса» тов. Роза Люксембург ищет не там, где их нужно искать.

В самом деле. Если мы спустимся с той высоты абстракции, которая царит в «Капитале» и включим в наш анализ «третьих лиц», — какую основную тенденцию в соотношении между капиталистическим и некапиталистическим кругом мы вскроем? Не может быть двух ответов на этот вопрос: такой тенденцией будет пожирание некапиталистических форм, их исчезновение.

С чем связан этот процесс? Ясно, что он связан с эксплоатацией этих форм со стороны капитала. А эта эксплоатация связана, в свою очередь, с получением более высокой прибыли, которая есть «душа», «движущий мотив капиталистического хозяйства». Более высокая прибыль — эксплоатация — разрушение и гибель, — вот действительный механизм соотношений между капиталистической и некапиталистической средой, если брать этот механизм в основном, в его генеральных, наиболее общих чертах. Этим даны «строгие законы экономического процесса».

А у тов. Р. Люксембург?

У нее — увы! — «строгие законы» совсем не подходят к бурной и насильнической действительности. Они ей вовсе не «адэкватны». Ибо вместо того, чтобы делать ударение на эксплоатации, на сверх-прибыли и т. д., — она делает ударение на голой формуле реализации. Конечно, получение сверх-прибыли невозможно без реализации. Это получение и есть реализация. Но не то важно здесь экономически, что налицо реализация, а то, что налицо здесь реализация сверх-прибыли. Вот специфический феномен, связанный с экспансией капитала. Кто не понимает этого, тот неизбежно прикрашивает действительность, тот поэтому не в силах будет объяснить действительные и реальные факты, как бы он их в описательной части — ни признавал за данные. А именно этот парадокс и происходит с тов. Розой Люксембург.

Присмотримся к делу еще ближе.

Как рисует механизм взаимодействия между капиталистической и некапиталистической средой автор «Накопления»? Капиталисты не могут реализовать прибавочной ценности, подлежа-

щей накоплению, в капиталистическом кругу: ее не могут купить ни рабочие, ни капиталисты. Эта ценностная часть продается «третьим лицам»: капиталисты продают «третьим лицам» средства производства и средства потребления, получают деньги и покупают, в свою очередь, у «третьих лиц» необходимое сырье и т. д. Следовательно, капиталисты могут накоплять и производить, «третьи лица» могут производить. Они обменялись эквивалентами: произошел процесс реализации, т.-е. перемены натурально-вещественной формы у определенной ценностной величины. Что происходит дальше? Дальше происходит, к нашему удивлению, то же самое. Капиталисты, расширив свое производство, произвели руками рабочих еще большую прибавочную ценность. Но и «третьи лица», получившие эквивалент, могли расширить свое производство и, следовательно, увеличить свой спрос. Значит, они с готовностью служат вновь службу капиталу «по части реализации». Обе стороны премного довольны. «И волки сыты, и овцы целы»: и реализация недурно поживает, и «третьи лица» благоденствуют. Таким образом, каждый раз в о с п р о и з в о д и т с я п р и м е р н о т о ж е с а м о е, в в ы с ш е й с т е п е н и м и р н о е с о о т н о ш е н и е, т.-е. совершенно своеобразный «обмен услуг», абсолютно в духе «гармонистов» Бастиа и Ко: капиталист оказывает «услугу», доставляя средства производства и потребления, а «третье лицо» оказывает эквивалентную «услугу», способствуя изо всех сил трудноватенькому делу реализации. И эта идиллическая (да позволено будет употребить любимое словечко тов. Р. Люксембург) «карусель» бесконечно вертится, не вызывая ни гнева, ни недоумения со стороны остроумного критика Марксовых «схем» [1]).

В какие сети противоречий попадает тов. Роза Люксембург не только по отношению к Марксовой теории, но и к тому «действительному историческому процессу», которым она так любит козырять, покажет следующий пример.

Как известно, капитал еще на весьма ранней стадии своего развития вел бешеную колониальную политику. А между тем, у него «под рукой» было сколько-угодно «третьих лиц»: крестьян, мелких ремесленников и т. д. Зачем же было, вульгарно выра-

[1]) Вопрос этот подробно разработан в исключительно интересной, необычайно тонкой и логически изящной статье т о в. К р и ц м а н а (Вестник Соц. Ак., 1923, кн. V): «О накоплении капитала и третьих лицах».

жаясь, «ездить за моря»? Естественно-натуральной «причине» (другого типа, заморские, продукты etc.) делает отвод сама Роза Люксембург. Реализация? Но, ведь, третьих лиц — целый океан «дома». Что же гонит в дальние края капиталистических чудаков? На этот вопрос тов. Роза Люксембург не в состоянии будет ответить, если... если только она будет оставаться на базе *своей* теории.

Таким образом, *необъяснимой* внешняя торговля и проч. становится не с точки зрения Маркса и его ортодоксальных учеников, а *именно с точки зрения тов. Розы Люксембург.*

Аналогичная ошибка получается у автора «Накопления» и по другой линии. Мы видели, как извращенно поставлен был им вопрос о рынках товарного сбыта и о движущих мотивах погони за этими рынками. Так же извращенно поставлен тов. Р. Люксембург и вопрос о рынках *рабочей силы*.

Всякому известен факт, «грубый» эмпирический факт погони за колониальной рабочей силой. Что служит *основой* этой погони? Почему капитал ищет «желтого труда»? Потому что у него нет под рукой рабочих рук? Потому что он «не может существовать» без добавочных колониальных рабочих? Потому что ему нехватает «своих»?

Ничуть не бывало. Все дело в том, что в погоне за максимумом прибыли он ищет более *дешовых* «рабочих рук», с возможностью наиболее высокой нормы эксплоатации и т. д. *Эта разница в «оплате труда», от которой функционально зависит высота прибыли, и есть причина «погони».*

Совсем не так смотрит на дело тов. Р. Люксембург. Дадим ей слово еще раз, чтобы показать впоследствии, насколько опасно «критиковать» Маркса, если желаешь в то же время оставаться революционером в теории.

> До сих пор, — пишет Р. Люксембург, — мы рассматривали накопление только с точки зрения прибавочной стоимости и постоянного капитала. Третьим основным моментом накопления является переменный капитал. Прогрессирующее накопление сопровождается возрастанием переменного капитала... След., к основным условиям нако-

> пления относится наличность предложения живого труда... Увеличение массы труда достигается отчасти, поскольку позволяют обстоятельства, удлинением рабочего дня и интенсификацией труда. Однако, в обоих этих случаях это увеличение живого труда либо вовсе не проявляется в росте переменного капитала, либо проявляется в нем в незначительной мере (как плата за сверхурочные часы). Оба эти метода, встречая, кроме того, отчасти естественный, отчасти общественный отпор, ограничены определенными, весьма узкими рамками, за пределы которых они выходить не могут. След., прогрессирующий рост переменного капитала, сопровождающий накопление, должен найти свое выражение в возрастающем числе занятых рабочих. Откуда берутся эти добавочные рабочие? [1].

Поставив этот вопрос, разобрав решение Маркса (Маркс имел и здесь в виду абстрактный анализ), Р. Люксембург находит это решение явно неудовлетворительным.

> Естественное размножение рабочего класса, как единственный (!) базис движения капитала, исключало бы процесс накопления при периодической смене высокой и низкой конъюнктуры и при скачкообразном расширении поля производства и, вследствие этого, сделало бы невозможным самое накопление [2].
>
> Маркс «не учитывает как-раз постоянного перехода рабочих сил от некапиталистических условий к капиталистическим, как продукта не капиталистического, а докапиталистических способов производства в прогрессирующем процессе их крушения и разложения. Но сюда относится не только разложение европейского крестьянского хозяйства и ремесла, но и разложение разнообразных примитивных производственных и общественных форм в странах внеевропейских.
>
> Как капиталистическое производство не может ограничиться природными сокровищами и производительными силами умеренного пояса (вот как? Это уже не от немецких

[1] Р. Люксембург. ibid., стр. 368—369.

[2] Ibid., 370.

«гелертеров»? *Н. Б.*)... так же мало оно может обойтись рабочей силой одной белой расы [1]).

Капиталистическое производство не может обойтись без рабочих сил из других социальных формаций» [2]).

Эти, на первый взгляд, такие невинные рассуждения, на самом деле, однако, выражают собой отказ от существеннейших элементов экономической теории марксизма и неизбежно ведут к оппортунистическим выводам.

Постараемся распутать и здесь тот клубок противоречий, который содержится в приведенных цитатах.

Нужно раньше всего указать на путаницу, столь характерную для всей книжки тов. Р. Люксембург. Она путает и здесь абстрактное с конкретным. Конкретно главная масса добавочных рабочих сил идет из деревни, из некапиталистического хозяйственного круга. Но совершенно напрасно тов. Р. Люксембург берет на прокат аргументы архибуржуазного Франца Оппенгеймера, который «поражает на-смерть» змия Маркса указанием на этот факт. Ибо вопрос заключается вот в чем: если у нас есть абстрактное капиталистическое общество, каково будет там соотношение между накоплением и рабочей силой? Маркс отвечает: благодаря относительно более быстрому росту постоянного капитала по сравнению с переменным, неизбежно будет налицо резервная армия, которая то сокращается, то увеличивается в зависимости от колебания промышленной конъюнктуры. Точно так же, как механизм капитализма обеспечивает себе рынок (хотя вовсе без сладенькой «гармонии»), так он, обеспечивая размножение, с одной стороны, образуя резервную армию — с другой, создает себе и массу рабочих рук.

Так обстоит дело в «чистом» капиталистическом обществе. А в конкретном обществе, разумеется, дело обстоит далеко не только так. И чем больше удельный вес «некапиталистических» хозяйств, тем большую «поправку на действительность» нужно вносить в результаты этого абстрактного анализа. Нелепо, таким образом, опровергать теорию Маркса указанием на факт получения добавочных рабочих рук из некапиталистической среды.

---

1) Ibid., 371.

2) Ibid., 373. Курсив наш.

А теперь посмотрим поближе на другое утверждение Розы, на ее центральное утверждение. Оно гласит, по сути дела, что капитализм *невозможен* без получаемых из некапиталистического круга рабочих рук, ибо без этих «рук» *невозможно* накопление, так же, как невозможна реализация без «третьих лиц». «Реализующие» «третьи лица» имеют, таким образом, теоретическое подкрепление в лице эксплоатируемых *бывших* «третьих лиц», которые, потерявши это лицо, вступили в число агентов капиталистического производства.

Итак, по *Марксу*, в чистом капиталистическом обществе неизбежен *излишек* рабочих рук (резервная армия), связанная с этим нищета рабочего класса, противоречие между производством и потреблением масс и т. д.

По *Розе*, неизбежен *не излишек*, а *недостаток рабочих рук*. Этот недостаток настолько силен, что накопление даже становится невозможным.

Оставим в стороне вопрос, как это становится невозможным при таких условиях накопление, хотя это было бы в высшей степени интересно разобрать. Обратим внимание вот на что. *Если* бы получался недостаток рабочих рук, то, ясное дело, повышалась бы заработная плата. Чем больше «недостаток», тем *выше* заработная плата. Это очень хорошо для рабочего класса. Но, позвольте задать коварный вопрос: а как же быть тогда с «теорией обнищания»? Или она, как утверждает Бернштейн, совсем уж устарела? И как быть тогда с противоречием между производством и потреблением? Или оно, сослужив свою службу (впрочем, не особенно основательную) для теории реализации, может быть отменено или может «отмереть», когда переменилась «злоба дневи сего»?

Тов. Р. Люксембург наивно не замечает, что ее тезис о «невозможности капитализма» без капиталистических рабочих рук *вдребезги разбивает основные положения ее теории*, ибо он аннулирует «нищету масс», без которой нельзя и шагу ступить по тому пути, по которому ведет читателя автор «Накопления капитала». Этот тезис, более того, не только разрушает теорию Розы, но и кричащим образом противоречит основам правильной, революционной теории Маркса. Этот тезис *прикрашивает* капитализм. *Он отрицает* имманентные тенденции капитализма, выражающиеся

в обнищании масс, в росте классовых противоречий, в несоответствии производства с потреблением и т. д.

Тов. Р. Люксембург желала быть в теории революционнее Маркса. Мы видели, как, именно из-за своей «критической» по отношению к Марксу позиции, она смягчила капиталистические отношения, заменив эксплоатацию невинной реализацией.

Точно так же и здесь: желая обосновать «ужасно революционный» вывод о том, что капитализм погибнет без колониальных рабочих рук, она, по сути дела, выступила против революционной теории капиталистического развития. Так мстит за себя Марксово учение, которое не прощает критических посягательств на свою чистоту.

Мы до сих пор рассматривали, в сущности, вопрос о капиталистической экспансии вообще и об ее экономических корнях. Теперь пора поставить также и вопрос об экономических корнях империализма.

Тов. Р. Люксембург в предисловии к своей работе выражает надежду, что «Накопление капитала», «помимо чисто-теоретического интереса, должно иметь и некоторое значение для нашей практической борьбы с империализмом». Другими словами, тов. Р. Люксембург полагает, что ее исследование имеет ближайшее отношение к вопросу об империализме. Так оно, конечно, и есть: и намерения автора, и последующая роль работы тов. Люксембург достаточно ярко говорят об этом.

А между тем, этого вопроса работа тов. Люксембург ни в малой степени не объясняет. Ибо она топит специфические черты специфической, исторически отграниченной эпохи в общих рассуждениях (к тому же, как мы показали, теоретически неверных) об экспансии капитала вообще.

Характерно то, что «рассмотрение картелей и трестов» ограничивается в работе тов. Р. Люксембург одним малюсеньким примечанием на стр. 477.

Но тов. Р. Люксембург не только не объясняет вопроса,—она его неверно ставит и постольку получает ряд неверных теоретически выводов.

Вот как, напр., определяет она империализм:

> Империализм является политическим выражением процесса накопления капитала в его конкурентной борьбе за

остатки некапиталистической мировой среды, на которые никто еще не наложил своей руки [1]).

Тут целый воз всевозможнейших ошибок, которые отнюдь не случайны, а, напротив, развиваются по одной и той же линии. Борьба капитала за «остатки» (определение более чем неточное) велась постоянно, — это во-первых; во-вторых, из этого определения следует, что борьба за уже ставшие капиталистическими области не есть империализм, что «вопиет к небу»; в-третьих, из того же определения следует, что борьба за куски, на которые кто-либо уже наложил руку, тоже не есть империализм. И это «определение» тоже «вопиет к небу» по поводу своей собственной неправильности. Все определения, кроме того, страдают кардинальнейшим недостатком, ибо они не связывают вопроса с особой характеристикой капитала, как финансового капитала. Торговый капитализм и меркантилизм; промышленный капитализм и либерализм; финансовый капитал и империализм — эти фазы в развитии капитализма исчезают и расплываются в «капитализме вообще». Специфичность финансово-капиталистических производственных отношений, производственных отношений монополистического, стянутого и перепоясанного банками капиталистического производства, исчезает. А как понять специфическое «политическое выражение» капитализма, не поняв специфической формы этого капитализма? Ведь, политика есть, в конечном счете, не что иное, как метод распространения данной формы производственных отношений. А их-то Роза Люксембург не видит, их не умеет выделить: она предпочитает говорить «вообще», не обращая внимания на действительные, конкретно-исторические особенности нашей эпохи, которые как-раз и нужно проанализировать именно с точки зрения анализа этих особенностей.

Приведем один классический пример, чтобы на нем показать всю несостоятельность взглядов тов. Розы Люксембург на империализм.

Мы говорим о занятии Рура французами.

С точки зрения определения, данного товарищем Люксембург, это вовсе не империализм, ибо:

---

[1]) Р. Люксембург, ibid., стр. 465.

1) здесь нет «остатков»;

2) здесь нет «некапиталистической» среды;

3) здесь нет того, чтобы Рур до оккупации никому из империалистов не принадлежал.

Другими словами, все признаки империалистской политики, которые даны Розой, не подходят под данный случай.

Наоборот, торговые войны Португалии или политика испанцев в Америке после ее открытия, — все это идет под рубрику империализма. Исчезает критерий определенных производственных отношений, единственный критерий, который позволяет понять особенности большой исторической полосы.

Спросим теперь себя: стоят ли в какой-либо связи общие положения теории Р. Люксембург с этими ее неверными определениями империализма? Мы полагаем, что безусловно да.

В самом деле, зачем захватывать капиталистические области? Ведь, все равно этим делу реализации не поможешь. Делу реализации могут помочь только «третьи лица», только некапиталистические «производители», которые помогают капитализму решить головоломную задачу реализации. Захват областей, где господствует чужой капитал, представляется с этой точки зрения делом явно противоестественным.

Тов. Роза Люксембург подчеркивает именно некапиталистический характер объектов империалистского воздействия. Она пишет в другом месте о милитаризме:

> Милитаризм играет решающую роль, как средство конкурентной борьбы между капиталистическими странами из-за областей некапиталистической культуры.

«Некапиталистической культуры». А капиталистические области исключаются «рассудку вопреки». Они исключаются потому, что не вопрос о высоте и массе прибыли стоит перед Р. Люксембург, а неверно понятый вопрос о реализации.

Характерно то, что примерно так же определял в свое время империализм не кто иной, как... Карл Каутский. По мнению Каутского, империализм есть насильственная борьба за аграрное хозяйственное дополнение (хотя у него аграрные области — это, главным образом, поставщики сырья). И Каутский, и Роза не понимают, что этим не может ограничиться борьба крупных

монополистических организаций капитала. Под костоломную машину империалистского воздействия подпадают не только услужливые «третьи лица», но и капиталистические области, и даже «чужие» области финансового капитала. Борьба теперь есть не только борьба за раздел аграрных областей, но и за *передел мира*.

Итак:

Роза Люксембург не объясняет процесса накопления вообще: она не объясняет процессов, вытекающих из *соотношения* между капиталистическим и некапиталистическим кругом, т.-е. она не в состоянии правильно объяснить экспансию капитала вообще;

наконец, еще меньше оказывается она в состоянии объяснить специфические особенности империализма.

Здесь в заключение нам хотелось бы сказать несколько слов об этой последней проблеме с точки зрения ее положительного решения.

Подлежит объяснению следующий ряд вопросов:

1) Чем вызывается экспансия капитала вообще, где ее экономические корни?

2) Чем объясняется крайнее обострение конкурентной борьбы между капиталистическими государствами?

3) Чем объясняются специфические формы этой борьбы (применение насильственных методов, война)?

4) В чем заключается объективный смысл *этой* экспансии капитала, в отличие от экспансии капитала вообще?

Постараемся коротко на эти вопросы ответить.

1) *Экспансия капитала* определяется движением прибыли, ее массой и ее высотой, от которой эта масса зависит. Миграция товаров и капиталов подчинена закону выравнивания нормы прибыли. Не подлежит сомнению, что нужно рассматривать этот процесс с точки зрения воспроизводства всего общественного капитала. Формула воспроизводства гласит:

$$Д - Т \begin{cases} \text{Ср. пр.} \\ \text{Рабсила} \end{cases} \dots П \dots Т^1 - Д^1.$$

Перед нами три части этого процесса: превращение денежной формы капитала в форму производительного капитала (деньги превращаются в средства производства и рабочую силу); производительный капитал функционирует, как таковой (самый процесс

производства, обозначаемый буквой II и являющийся в то же время процессом производства прибавочной ценности), при чем в результате получается превращение формы производительного капитала в товарную форму; и, наконец, превращение возросшей по своей ценности товарной массы в деньги, т.-е. превращение товарной формы капитала в его денежную форму. Совершенно ясно, что величина прибыли может колебаться в зависимости от различных условий и первого, и второго, и третьего процесса, составляющих в целом совокупный кругооборот капитала.

Если имеются более дешовые средства производства или более дешовые рабочие силы, — норма прибыли соответственно повышается, и капитал стремится это использовать; если имеются другие условия, связанные со «Standort'ом индустрии», с самой географически понимаемой точкой приложения капитала, — условия, которые повышают соответственно норму прибыли, — туда стремится капитал; если, наконец, налицо более выгодные условия реализации товарной массы, тогда точно так же повышается норма прибыли, и туда точно так же усиленно стремится капитал. Следовательно, корни капиталистической экспансии определяются и условиями покупки, и условиями самого процесса производства, и условиями продажи. Этому соответствуют в общем три проблемы: проблема рынков сырья и рабочей силы, проблема новых сфер вложения капитала, наконец, проблема рынков сбыта. Резервуар некапиталистических хозяйственных форм, в особенности отдаленных от центров развитого капитализма, является главным притягательным моментом именно потому, что как-раз здесь обеспечивается (даже при условии высоких издержек транспорта) максимальная прибыль. Получение колониальной «сверхприбыли» объясняет нам н а п р а в л е н и е капиталистической экспансии. Это вовсе не означает, что борьба идет и может итти только по этой линии. Наоборот, чем дальше, тем больше (при условии существования капитализма, разумеется) она будет переходить в борьбу и за капиталистические центры. И тут главным является движение прибыли (напр., соединение французского железа с рурским углем обеспечивает громадное возрастание прибыли).

2) Громадное обострение конкурентной борьбы между капиталистическими государствами объясняется именно захватом

свободных объектов капиталистической эксплоатации по всем трем линиям, соответствующим трем частям общей формулы воспроизводства. Здесь количество перешло в качество. Этот вопрос достаточно освещен в литературе.

3) Специфические формы конкурентной борьбы (перенесение центра тяжести с метода дешовых цен на метод сильного давления, в конечном счете войн) объясняются, во-первых, монополистической структурой современного капитализма; во-вторых, тем, что возросло значение борьбы за сырье и за места для экспофта капитала (где вообще метод дешовых цен ни при чем), и притом при условии монопольного обладания этими сферами; в-третьих, тем обстоятельством, что и сама проблема сбыта стоит не так, как раньше: борьба ведется не между однородными предприятиями с их специфической, классической формой конкуренции, борьба ведется между гигантскими, замкнутыми в броню государственной власти, «государственно-капиталистическими трестами». Если борьбу ведут разнородные предприятия, напр., угольный и железный трест, то метод дешовых цен бессмыслен; если борьбу ведут комбинированные предприятия, то и метод борьбы должен быть неизбежно комбинированным. А современные капиталистические государства и суть экономически-громадные комбинированные тресты. С другой стороны, и проблема борьбы за сбыт однородной продукции стоит существенно иначе при монополистической форме капитала, который неизбежно стремится захватить данный рынок в свое исключительное владение, оградиться таможенной стеной, соподчинить этот рынок своей государственной организации.

4) Таким образом, меняется — в известной мере — объективный смысл экспансии капитала. Мы видели, что формы экспансии меняются в смысле обострения методов борьбы. Мы видели, что это объясняется, в свою очередь, изменением форм самого капитала. Но «война есть продолжение политики, только другими средствами». А политика есть не что иное, как метод воспроизводства определенных производственных отношений. Следовательно, теперешняя экспансия капитала отличается от прежней экспансии капитала тем, что она расширенно воспроизводит новый исторический тип производственных отношений, а именно отноше-

ний финансового капитала. В этом и состоит основной, конститутивный признак империализма, которого совершенно не видит тов. Роза Люксембург. Всуе говорить об империализме, если не понимать его специфически-исторических особенностей. Это значит не понимать ни требований марксистской методологии, ни «конкретного исторического процесса», который так часто берется в свидетели для борьбы против «бездушных схем» Марксова «Капитала».

ГЛАВА V

ТЕОРИЯ КРУШЕНИЯ КАПИТАЛИЗМА.

Неправильная теория накопления связана у Р. Люксембург, как мы видели выше, с неправильной теорией империализма. Последняя, в свою очередь, связана с неправильной теорией капиталистического крушения. Вот как доказывает «от противного» тов. Роза Люксембург свою правоту

> Если капиталистическое производство образует само для себя достаточный рынок сбыта, то капиталистическое накопление (объективно говоря) представляет собой неограниченный процесс. Так как производство может беспрепятственно расти то-есть неограниченно развивать производительные силы и в том случае, когда положительно над всем миром будет господствовать капитал и когда все человечество будет состоять из одних только капиталистов и наемных пролетариев, и так как экономическому (курсив Р Л.) развитию капитализма этим самым не поставлены никакие границы, то падает одна из основных Марксовых опор социализма. По Марксу, восстание рабочих, их классовая борьба, — а именно в ней кроется залог его победоносной силы, — является лишь идеологическим отражением объективной исторической необходимости социализма, вытекающей из объективной хозяйственной невозможности капитализма на определенной ступени его развития. Само собою разумеется, что этим не сказано... что исторический процесс должен быть или даже лишь может быть исчерпан до конца этой экономической невозможности. Объективной тенденции капиталистического развития по направлению к указанной цели достаточно, чтобы уже гораздо раньше

вызвать в обществе такого рода социальное и политическое обострение противоречий и такую шаткость положения, которые должны будут подготовить гибель господствующей системы. Но и эти социальные и политические противоречия в последнем счете сами являются лишь продуктом экономической несостоятельности капиталистической системы, и их все возрастающее обострение черпается как-раз из этого источника по мере того, как эта несостоятельность становится ощутительнее.

Если мы, напротив того, вместе со «специалистами» станем на точку зрения экономической безграничности капиталистического накопления, то из-под социализма вырывается гранитная основа его объективной исторической необходимости. Мы впадаем в таком случае в болезнь домарксовских систем и школ, которые выводили социализм исключительно только из несправедливости и ужасов современного мира и из революционной решимости трудящихся классов [1]).

Схема тов. Розы Люксембург чрезвычайно проста и по-своему понятна. «Чистый» капитализм невозможен. Капитализм возможен именно постольку, поскольку он «нечист», т.-е. поскольку на-ряду с капиталистическим производственным ядром существует периферия «третьих лиц». «Третьи лица» образуют предпосылку процесса реализации прибавочной ценности, следовательно, необходимое условие процесса расширенного воспроизводства. Но движение капитала есть — в тенденции — движение к «чистому» капитализму, как некоему математическому пределу развития. Таким образом, если противоречие между процессом производства прибавочной ценности и процессом ее реализации разрешается за счет «третьих лиц», то дальнейшее разрешение этого противоречия становится невозможным, ибо третьих лиц становится относительно все меньше. Здесь лежит объективно-экономическая граница капитализма, как определенной, исторически-ограниченной производственной формы. Капитализм становится экономически невозможным, и эта историко-экономическая необходимость прокладывает себе дорогу в рабочей революции. Именно здесь мы находим

[1]) Роза Люксембург, ч. 2, стр. 577.

«строгие контуры экономических законов», проявляющихся сквозь пестроту социально-политической картины общества, той поверхности, под которой скрываются глубинные пружины исторического процесса.

Империализм

> является историческим методом для продления существования капитализма, но он в то же время служит вернейшим средством, чтобы вести капитал по кратчайшему пути и положить его существованию объективный предел. Этим, однако, не сказано, что этот предел обязательно должен быть достигнут. Уже сама тенденция капиталистического развития этой конечной цели проявляется в формах, которые делают заключительную фазу капитализма периодом катастроф [1]).

Такова «теория крушения капитализма», данная товарищем Розой Люксембург.

Что, прежде всего, привлекает в этой теории?

Ее «экономический детерминизм» («объективные границы» капитализма, «строгие контуры экономического процесса» и проч.).

Ее соответствие (как-будто) с эмпирическими фактами (обострение положения в связи с погоней за рынками, период катастроф, «катастрофальный» характер всей империалистской эпохи и т. д.).

Наконец,—last but not least—ее «революционность».

И, тем не менее, теория крушения капитализма, развитая Розой Люксембург, категорически неверна. Неверна она именно как теория, т.-е. как система положений, пытающаяся не только констатировать, но и объяснить целый ряд громадной важности общественных явлений.

По существу дела, мы уже вполне доказали теоретическую слабость этих взглядов тов. Р. Люксембург. В самом деле, ведь, ясно, что все «крушение» покоится на невозможности реализации в «чистом капитализме», т.-е. на теории заведомо неверной; с другой стороны, мы показали, что из теории Розы Люксембург вытекает постоянное мирное воспроизводство отношений между капиталистическим хозяйственным кругом и «третьими лицами»;

[1]) Ibidem, ч. I, стр. 466.

другими словами, мы показали, что из ее замены эксплоатации реализацией вытекает именно мирный характер процесса, вопреки всем ее революционным «выводам». Налицо, таким образом, внутренняя противоречивость всего теоретического построения.

Однако, мы можем подвергнуть добавочному разбору выше выписанные соображения тов. Р. Люксембург, чтобы присоединить к уже выясненным ее ошибкам ряд новых, специфических для самой формулировки теории крушения и связанной с ней «антикритики».

Будем исходить из фактов. То, что империализм означает катастрофы, есть факт. То, что мы вступили в период крушения капитализма, есть тоже факт. Но фактом является также и то, что подавляющее большинство населения земного шара состоит из «третьих лиц». Нужно строго отличать два понятия: господство капитала вообще и господство капитала в узком смысле слова, как бытие «чистого» или «почти чистого» капитализма. Что капитал стал господствующей формой экономики повсеместно, что он дирижирует в концерте хозяйственных форм, — это не подлежит никакому сомнению. Но точно так же не подлежит никакому сомнению, что основной массой живущего теперь на земле человечества являются не индустриальные и сельскохозяйственные наемные рабочие, а, в первую голову, крестьяне. Из 1.700 миллионов человек, живущих на нашей планете, 900 миллионов, т.-е. больше половины, дает Азия. Из 430 миллионов китайцев наверняка около 400 миллионов составляют крестьяне. Из 320 миллионов индусов одни крестьяне составляют около 170 миллионов. Если присчитать сюда мелких ремесленников и тому подобных «третьих лиц», то мы получим крупнейшие цифры. Азия, Африка, Америка дают громадное число «третьих лиц». Но и Европа насчитывает около 50% сельского населения, — косвенный показатель того, насколько еще огромны резервы «третьих лиц».

Если бы теория Р. Люксембург была хоть мало-мальски правильной, то дела революции обстояли бы поистине плохо. Ибо при наличии такого огромнейшего резервуара «третьих лиц», какой, несомненно, есть «налицо», о «крушении» практически нечего было бы и мечтать. Пришлось бы рассуждать, несомненно, «по Кунову»: поле для капиталистической экспансии (в смысле

наличия «третьих лиц») еще настолько колоссально, что лишь утописты могут всерьез разговаривать о каких-то пролетарских революциях. Не крушение социализма эпохи II Интернационала произошло на самом деле, а крушение иллюзий о близкой победе социализма. На самом деле капитал еще отнюдь не выполнил своей исторической миссии, и граница капиталистического развития отстоит от нас еще очень и очень далеко.

Такие «куновские» рассуждения, к сожалению, совершенно неизбежно вытекают из теории тов. Розы Люксембург. И то обстоятельство, что она делает прямо противоположные выводы, объясняется лишь ее логической непоследовательностью.

В самом деле. Роза чувствует всю неловкость своей аргументации. Она признает, что нелепо было бы утверждать, будто капитализм должен задушить всех «третьих лиц». Она подчеркивает, что «задолго до этого» капитализм лопнет. Она говорит, что достаточно «объективной тенденции капиталистического развития по направлению к указанной цели» и т. д.

Но «объективная тенденция» к этой «цели» (!) была, ведь, всегда. Нужно, очевидно, чтобы процесс зашел все же очень далеко; нужно, чтобы «невозможность реализации» ощущалась хотя бы как «экономическое предчувствие», выражаясь фигурально. Нужно, чтобы объективно соотношение между капиталистическим и некапиталистическим хозяйственным кругом все же было таково, что «третьи лица» отнюдь не большинство.

А этого ничего нет на самом деле.

Между тем, крайнее обострение, крайнее напряжение, крайняя «катастрофичность» всей эпохи уже налицо. Между тем, капитализм уже начал «лопаться». Между тем, уже налицо диктатура пролетариата в СССР. Чем же объяснить все эти противоречия?

Они объясняются очень просто. Не тем, что мало уже «третьих лиц». А тем, что эти «третьи лица», которые дают капиталу добавочную прибыль (а он, этот капитал, «необходимо» любит добавочную прибыль), разобраны «по рукам» на монопольных основаниях крупнейшими державами финансового капитала.

Тов. Роза Люксембург почти выбросила из своего исследования вопрос о движении прибыли, о специфической природе сверх-

прибыли, о специфических формах монополистического капитализма. Но как-раз это обстоятельство закрыло ей глаза и на природу империализма. Отсюда ее противоречия.

Без «третьих лиц» капитализм мог бы существовать. Но если уж «третьи лица» существуют, то капитал необходимо стремится их пожирать, ибо это дает ему добавочную прибыль. «Третьих лиц» существует еще бесконечно много, но борьба за них (т.-е. за добавочную прибыль) крайне остра, ибо они монопольно поделены на колонии, сферы влияния и т. д., и т. п.

Так стоит вопрос в действительности.

Тов. Роза Люксембург в известной мере резонно возражает одному из своих критиков, утверждавшему, что «капитализм погибнет, в конце-концов, благодаря падению нормы прибыли». Она пишет ему в ответ:

> Как сей гражданин представляет себе, собственно говоря, дело, — неизвестно: так ли, что класс капиталистов в один прекрасный день в отчаянии из-за пакостей, чинимых нормой прибыли, целиком повесится, или же так, что класс капиталистов заявит, что такие скверные дела не стоят хлопот, и сам вручит пролетариату ключи? Как бы то ни было, это утешение разлетается в прах благодаря одному только указанию Маркса, гласящему, что «для больших капиталистов падение нормы прибыли компенсируется ее массой». С гибелью капитализма от падения нормы прибыли время еще терпит, примерно, до охлаждения солнца [1]).

По существу это все совершенно правильно. Но тов. Роза Люксембург, к нашему удивлению, не примечает, что этот ответ бьет не только «сего гражданина», но и... самого автора «Накопления капитала».

Нам очень не хочется быть advocatus diaboli, но все же мы должны отметить, что «сей гражданин» мог бы, примерно, сказать следующее:

«Было бы смешно требовать, чтобы процесс дошел до своего логического конца. Вполне достаточно этой объективной тенденции капиталистического развития. Задолго до «конца» она

[1]) Ibidem, стр. 577, подстр. примеч,

так обостряет борьбу за любую возможность получить лишнюю прибыль, и она сопровождается такой централизацией капитала и таким обострением социальных отношений, что эпоха низкой нормы прибыли есть эпоха катастроф»...

Этот ответ мало чем отличался бы от ответа тов. Розы Люксембург. Ибо норма прибыли была бы близка к нулю примерно тогда же, когда стало бы исчезать последнее «третье лицо», спасавшее капиталистический мир от того страшного апокалиптического часа, в который уже нет места для реализации прибавочной ценности.

Мы выше привели три момента, которыми теория тов. Розы Люксембург привлекает к себе души: экономический детерминизм и «объективные границы» капитализма; соответствие (будто-бы) с фактами (период катастроф и т. д.); «революционность» всего построения. Теперь мы, в качестве профессиональных «деструкционистов», должны признать, что все эти три момента разрушены нашей критикой.

В самом деле, разберем по очереди, что же, в конце-концов, осталось от этих моментов.

В о - п е р в ы х, мы видели, что по существу дела, тов. Роза Люксембург никаких границ, объясняющих крах, вовсе не указывает. Практически та граница, на которую ссылается тов. Роза Люксембург, не имеет ровно никакого значения. Капитализм уже начинает трещать, а три четверти населения земного шара обретаются еще на положении «третьих лиц». Натяжка в объяснении налицо.

В о - в т о р ы х, нет и соответствия с фактами. Если катастрофы наступают, то это вовсе не может быть объяснено теорией тов. Р. Люксембург, как сие явствует из предыдущего положения. Ф а к т огромного числа «третьих лиц» опровергает теорию крушения, развитую тов. Розою Люксембург.

В - т р е т ь и х , из теории тов. Розы Люксембург не только не вытекают революционные выводы, но, наоборот, из нее вытекают выводы о невозможности революции в течение еще очень долгого срока.

Все эти аргументы против теории автора «Накопления» лишь дополняют собою более фундаментальную аргументацию, развитую нами в предыдущих главах. Таким образом, и магистраль рассуждений Р. Люксембург, и отдельные ветви этих рассужде-

ний в равной степени теоретически несостоятельны. Это случилось с тов. Р. Люксембург потому, что она отступила от марксистской ортодоксии в той части Марксова анализа, где гений великого мыслителя дал наиболее полноценные продукты своего творчества.

Здесь следует, однако, отбить одно возражение тов. Розы Люксембург. Как мы видели в самом начале настоящей главы, тов. Р. Люксембург говорит: «Если капиталистическое производство образует само для себя достаточный рынок сбыта, то капиталистическое накопление (объективно говоря) представляет собою неограниченный процесс». И далее Р. Люксембург «выводит»: следовательно, производство может «беспрепятственно расти»; следовательно, экономических границ капитализма нет; следовательно, «падает одна из основных Марксовых опор социализма».

Вся эта цепочка рассуждений точно так же логически несостоятельна. И она несостоятельна потому, что тов. Роза Люксембург не понимает диалектического характера общественных противоречий, не понимает диалектической природы общественного целого и законов его движения.

Капиталистическое общество есть «единство противоположностей». Процесс движения капиталистического общества есть процесс постоянного воспроизводства капиталистических противоречий. Процесс расширенного воспроизводства есть процесс расширенного воспроизводства этих противоречий. Если это так, то ясно, что в конце-концов эти противоречия должны взорвать на воздух всю капиталистическую систему в ее целом. Это и есть граница капитализма. Какое напряжение противоречий необходимо для того, чтобы эта система взорвалась, — вопрос особый. Мы пытались поставить его в другой своей работе [1]). Ответ мы должны искать в условиях воспроизводства рабочей силы. Когда взрыв капиталистических противоречий приводит к «хозяйственной разрухе» и падению производительных сил; когда, благодаря этому, становится — с определенного пункта — невозможным воспроизводство рабочей силы, и поэтому рабочая сила не может функционировать, наступает

[1]) Н. Бухарин, Экономика переходного периода. Взгляд на капиталистическое производство, как на производство капиталистических противоречий, развит был нами подробно в «Мировом хозяйстве и империализме».

разрыв общественно-производственного аппарата, и класс становится против класса по разные стороны баррикады. Это — самое общее, неизбежно схематическое, «чисто-теоретическое» и потому условное объяснение краха капитализма тоже предполагает в известном смысле объективную границу. Эта граница есть определенная степень напряженности капиталистических противоречий.

У тов. Розы Люксембург дело обстоит слишком просто: если реализация в чистом капиталистическом обществе возможна, то производительные силы должны расти уж обязательно беспрепятственно»; если капитализм — теоретически — может обойтись и без «третьих лиц», то это значит, что «экономическому развитию» «не поставлены никакие границы».

Повторяем: эти противопоставления, в высшей степени характерные для тов. Розы Люксембург и всего ее метода мышления, как-раз и указывают на слабые места, на наиболее уязвимые пункты Розиной аргументации. Стоит только поближе присмотреться к этим противопоставлениям, чтобы увидеть, как далек автор «Накопления» от действительного решения проблем и даже от правильной, методологически выдержанной постановки вопроса.

В самом деле, если возможна реализация в чистом капиталистическом обществе, значит ли это, что производительные силы должны «расти беспрепятственно»? Отнюдь не значит. Мы видели в предыдущих главах, как путается здесь тов. Роза Люксембург. «Беспрепятственный рост» — это значит рост без противоречий. Между тем, и в «чистом капитализме» все развитие идет в противоречиях. Нет постоянного перепроизводства, но есть периодическое перепроизводство. Нет постоянной невозможности реализации, но есть периодические кризисы. Нет раз навсегда данного «разрешения противоречий», но есть их временное отодвигание и, следовательно, условное «разрешение». Нет постоянной невозможности капиталистического бытия, но есть расширенное воспроизводство капиталистических противоречий. И так далее, и тому подобное.

Другими словами: «препятствия» вовсе не исключены, наоборот, они «имманентны» капитализму; они периодически «снимаются,» но они периодически вспыхивают со все большей силой.

И эта их возрастающая широта и интенсивность неизбежно приводят к крушению капиталистического режима.

Капиталистическое развитие есть процесс расширенного воспроизводства всех основных противоречий капитализма. У Розы Люксембург и здесь налицо крайнее упрощение анализа. Взято одно противоречие, противоречие между условиями производства прибавочной ценности и условиями ее реализации, противоречие между производством и потреблением при капитализме [1]); это противоречие взято, как не диалектическое, а плоское противоречие, и отсюда выведена неизбежность крушения. Между тем, необходимо исходить не из одного противоречия, а из ряда этих противоречий, и брать их нужно в их диалектическом движении. Тогда картина получится совсем не та, какую нарисовала нам, правда, рукою мастера, тов. Роза Люксембург. Противоречие между производством и потреблением, противоречие между различными отраслями производства, противоречие

[1]) Кстати сказать, к аналогичным выводам, что и Роза Люксембург, пришел, в свое время, правда, с другого конца, не кто иной, как... отец ревизионизма, г. Эдуард Бернштейн. «Что особенно отличает современный способ производства, — писал он, — это повышение производительности труда. Результатом этого является столь же сильное повышение производства, массового производства потребительных благ. Куда же девается это богатство, или—чтобы схватить самую сущность дела— куда девается прибавочный продукт?.. «Магнаты капитала» могли бы обладать в 10 раз большими желудками, чем приписывает им народное остроумие... их потребление есть капля в море... Итак, куда же девается та масса товаров, которая не поглощается магнатами и их слугами? Если она не попадает в том или другом виде к пролетариям, то ее, несомненно, захватывают другие классы. Либо относительно усиливающаяся убыль числа капиталистов и увеличение благосостояния пролетариата, либо многочисленный средний класс, — такова единственная альтернатива, которую допускает непрерывный рост производства» (цит. по К. Каутскому, «К критике теории и практики марксизма». Книгоизд. Алексеевой, 1905, стр. 164). Итак, по Бернштейну спасение в «среднем классе». Если припомнить, что ревизионисты особенно настаивали на живучести мелкого хозяйства в земледелии, то картина сходства становится особенно яркой. Конечно, и «цели», и выводы у Бернштейна и тов. Р. Люксембург прямо противоположны, но характерно, что исходный пункт анализа, постановка вопроса, положение об условиях капиталистического развития — те же: «третьи лица» — conditio sine qua non капитализма.

между промышленностью и отягощенным земельной рентой сельским хозяйством; анархия рынка и конкуренция; война, как метод этой конкуренции, и т. д., и т. п., — все это расширенно воспроизводится в ходе капиталистического развития.

Это движение связано с движением прибыли, основного нерва капиталистической экономики.

Сейчас мы уже можем судить о процессе крушения капитализма не только на основе абстрактных построений и теоретических предвидений. Крах капитализма начался: Октябрьская революция есть тому живое и самое убедительное доказательство. Революционизирование пролетариата, несомненно, было связано с хозяйственной разрухой, последняя — с войной; война — с борьбой за рынки сбыта, сырья, сферы вложения капитала, т.-е. с империалистской политикой вообще; эта борьба, в свою очередь, являлась не чем иным, как воспроизводством в мировом масштабе конкурентной борьбы, где субъектами конкуренции являются уже не отдельные предприниматели и не отдельные тресты, а консолидированные «государственно-капиталистические тресты», т.-е. организованные буржуазией «народно-хозяйственные» тела. Но в этот военный взрыв включены, по существу дела, все противоречия капиталистической системы, о которых мы говорили выше. Их можно формулировать и под другим углом зрения, например, как противоречие между производительными силами мирового хозяйства и «национально» ограниченными методами присвоения со стороны государственно разгороженной буржуазии; или как противоречие между обобществленным в широчайшем масштабе производством и частно-хозяйственными или «национально-буржуазно-хозяйственными» имущественными отношениями. Нетрудно было бы, таким образом, детальным анализом показать, как взрыв капиталистической системы включает все противоречия капитализма: он есть их развернутая форма in actu.

Теоретически не исключена, — а даже весьма вероятна, — возможность «второго тура» империалистских войн, как об этом говорил — именно в таких выражениях — тов. Ленин.

Но ко всем противоречиям мировой хозяйственной системы присоединяется еще одно кардинальнейшее противоречие: противоречие между капиталистическим миром и новой хозяйствен-

ной системой, строящейся в Советском Союзе. Таким образом, новый конфликт будет еще более глубоким, еще более острым, еще более сокрушительным для капитализма.

Величайшей теоретической заслугой тов. Розы Люксембург было то, что она поставила вопрос о соотношении капиталистической и некапиталистической среды. Но она его именно только поставила. Специфические вопросы, относящиеся к этой большой проблеме (о характере обмена, о различии структур, о модификации закона ценности, о добавочной прибыли, об ускоренном накоплении за счет «третьих лиц» и т. д., и т. п.) тов. Роза Люксембург обошла — или почти обошла — молчанием. Но сама постановка общего вопроса заслуживает, несомненно, самого пристального внимания. Величайшей заслугой тов. Розы Люксембург было также то, что она выдвинула на первый план вопрос о воспроизводстве. Точка зрения воспроизводства — как мы это подробно доказывали в других работах [1]) — более, чем когда-либо, обязательна теперь. Но тов. Роза Люксембург упустила из виду, что расширенное воспроизводство капиталистических отношений есть в то же время и расширенное воспроизводство всех капиталистических противоречий. Если бы она ясно это видела, ее не мучил бы вопрос об «объективной границе» капитализма, которую она думала найти в исчезновении «третьих лиц», приписывая этим последним роль единственно возможных «реализаторов» прибавочной ценности, производимой наемными рабами капитала.

Наконец, величайшей теоретической заслугой тов. Розы Люксембург было то, что она поставила вопрос об исторической необходимости империализма. Перед лицом реформистов, которые с наглой откровенностью предали марксизм, и перед лицом quasi-ортодоксов типа Каутского, который уже начинал жалко лепетать о возможности реформированного на английский «пацифистский» образец капитализма, тов. Роза Люксембург в упор поставила вопрос об империализме, как явлении неизбежном, неотвратимом, обязательно присущем, «имманентном» капитализму на определенной стадии его развития. Она,

---

[1]) Ср. Н. Бухарин, Мировое хозяйство и империализм; он же, Экономика переходного периода.

правда, как мы указывали выше, не могла теоретически схватить проблему, как специфическую проблему новейшего времени. Она искала обоснование империализма не в необходимой погоне за большей монопольной прибылью, не в необходимом движении финансового капитала по этой линии, а в абсолютной невозможности существования капитализма без «третьих лиц». Но она ставила вопрос о необходимости империализма и правильно, в общем, отвечала на него, хотя и обосновывала свой ответ неправильными теоретическими соображениями. По отношению к жалкой болтовне реформистов обоих направлений — и открытых ревизионистов, и каутскианцев — работа Р. Люксембург стояла на недосягаемой высоте, ибо она была смелой теоретической попыткой, продуктом блестящего революционного ума. Нечего и говорить о том, что историческая часть работы является и до сих пор непревзойденным трудом по истории колониальных подвигов капитала.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

Мы подошли к концу своей работы, и в заключение нам хотелось бы сказать несколько слов о связи теоретических ошибок тов. Розы Люксембург с рядом ошибок практически-политического характера. Пропорции между правильным и неправильным в этой последней области располагаются, так сказать, параллельно соответствующим пропорциям в области теоретической. В теории правилен основной тезис: «необходимость» империализма и крушения капитализма. В области практики, в области норм, правилен основной тезис, который гласит: чтобы свергнуть империализм, нужно свергнуть капиталистический порядок вещей вообще. Но точно так же, как подход к теоретическому доказательству, цепь аргументов, ведущая к подкреплению тезиса о необходимости империализма и его крушения, неправильна в целом ряде своих звеньев, так неправилен и ряд тактических тезисов, долженствующих вести к практическому «доказательству», т.-е. к превращению оружия критики в критику оружием.

Капитализм погибнет от недостатка «третьих лиц», тут его объективный предел, егоже не прейдеши. Хотя он и погибнет «задолго» до того, как исчезнут «третьи лица», но все же именно здесь — конечная причина гибели капитала, его крушения, таково одно из основных логических положений тов. Розы Люксембург.

Если это так, то понятно, что картина капиталистического крушения получает гораздо более монотонный, одноцветный, гипертрофированно-выраженный «промышленный» характер.

Если это так, то понятно, что проблема «третьих лиц», как возможных союзников пролетариата в классовой войне против буржуазии, уж не столь гигантски важна. Монотонности картины

крушения соответствует монолитность борющихся против империализма и свергающих его сил.

А отсюда, в свою очередь, следует и дальнейшая расшифровка этих положений, из которых вытекает:

1) неправильная постановка национального вопроса;

2) недоучет и неправильная постановка колониального вопроса;

3) недоучет и непонимание крестьянского вопроса.

Совсем иное получается при другой теоретической концепции. Капитализм развивает свои внутренние противоречия. От этого, в конце-концов, он гибнет, а не от недостатка «третьих лиц». «Третьих лиц» может быть еще чрезвычайно много, хоть $^3/_4$ населения земли. Но если при этом капитализм необходимо воспроизводит все свои внутренние противоречия до такой степени, что получается подрыв производительных сил, делающий невозможным существование рабочей силы и вызывающий неизбежно рабочий класс на восстание, подрывающий силы метрополий и поэтому развязывающий силы колониальных рабов, обостряющий национальные противоречия; если противоречия капитализма разбивают блок господствующего класса с крестьянством и заставляют значительные его слои поворачиваться против капиталистического режима, — тогда, само собою разумеется, будет иной и тактика, будут иными и лозунги борьбы, будет по-иному поставлена и проблема «союзников»; на первый план выступает сочетание «пролетарской революции с крестьянской войной», с колониальными восстаниями, с национально-освободительными движениями вообще.

Именно эту сторону дела с необыкновенной последовательностью и теоретической выдержанностью разработал ленинизм. Таким образом, преодоление ошибок тов. Розы Люксембург неминуемо приводит нас снова и снова к теоретическим положениям и практическим выводам нашего покойного учителя.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО РСФСР

МОСКВА — ЛЕНИНГРАД

Основные проблемы политической экономии. Сборник статей. Под ред. и с предисл. Ш. Дволайцкого и И. Рубина. Изд. 2-е, дополн. Стр. 516. Ц. 3 р. 50 к.

Подтягин, М. Е. Народное хозяйство СССР, его достижения и состояние в 1924 г. С атласом диаграмм. Изд. 2-е, испр. и дополн. Стр. 43+21 диаграмма. Ц. 3 р. 50 к.

Рубин, И. Очерки по теории стоимости Маркса. Изд. 2-е, перераб. и дополн. Стр. 212. Ц. 1 р.

Сарабьянов, В. Экономика и экономическая политика СССР. Учебник для совпартшкол и комвузов. Стр. 508. Ц. 1 р. 75 к., в пер. Ц. 2 р. 10 к.

ХРЕСТОМАТИЯ ПО ЛЕНИНУ

для совпартшкол и комвузов.

Вопросы политической экономии. Составл. и снабжено примеч. и указателем под ред. Ш. М. Дволайцкого. Стр. 380. Ц. 1 р. 40 к.

Исторический материализм. Состав. и снабд. предисл., введением, примеч. и указателем В. В. Адоратский. Стр. 460. Ц. 2 р.

О пролетарском государстве. Состав. и снабд. предисл., введением, примечаниями и указателем Вл. Бегер и Стучка. Стр. 440. Ц. 1 р. 75 к.

Речи и статьи В. И. Ленина. (Хрестоматия для школ политграмоты, совпартшкол.) Состав. Агитпроп ЦК РКП. 1924 г. Стр. 605. Ц. 2 р. 30 к.

Экономическая политика. Состав. и снабд. предисл., введен., примечаниями и указателем Г. И. Крумин. Стр. 496. Ц. 1 р. 85 к.

Торговый Сектор Государственного Издательства РСФСР

МОСКВА, Ильинка, Богоявленский пер., 4. Тел. 3-71-37 и 2-22-24.

ЛЕНИНГРАД, „Дом Книги“, проспект 25 Октября, 28. Тел. 1-32-44 и 5-70-41.

ОТДЕЛЕНИЯ: **Армавир**, Первомайская, 54. **Баку**, ул. Троцкого (б. Малютинская), 14. **Батум**, ул. III Интернационала, 15. **Винница**, пр. Ленина, **Владикавказ**, Пролетарский пр., 33. **Вологда**, пл. Свободы. **Воронеж**, пр. Революции, 1-й дом Советов. **Вышний-Волочок**, пр. Ленина. **Зиновьевск**, ул. Ленина, 34. **Казань**, Гостинодворская, Гостиный двор. **Киев**, ул. Воровского, 38. **Кисловодск**, ул. К. Маркса, 7. **Кострома**, Советская, 11. **Краснодар**, Красная, 35. **Н.-Новгород**, Б. Покровка, 12. **Одесса**, ул. Лассаля, 27. **Пенза**, Интернациональная, 39/43. **Пятигорск**, Советский пр., 36. **Ржев**, Старосоветская пл. **Ростов н/Д.**, ул. Фр. Энгельса, 106. **Саратов**, ул. Республики, 30/42. **Свердловск**, ул. Малышева, 37. **Смоленск**, Б. Советская, 12. **Таганрог**, ул. Ленина, 56. **Тамбов**, Коммунальная, 14. **Тверь**, Советская, 45. **Тифлис**, пр. Руставели, 16. **Харьков**, ул. 1-го Мая, 20.

МАГАЗИНЫ в МОСКВЕ: Тверская, 28, уг. Советской пл. Тел. 3-63-17. Моховая, 17. Тел. 2-95-19. Моховая, 22. Тел. 2-31-20. Тверская, 51, „Дом Книги“, Тел. 3-92-07. Серпуховская пл., 1/43. Тел. 3-79-65. Кузнецкий Мост, 12. Тел. 4-42-39. Покровка, Лялин пер., 11. Тел. 5-91-28. Мясницкая (уг. Козловского пер.), 46/2. Тел. 5-98-76. Ильинка, Богоявленский пер., 4. Тел. 2-87-03. 1-я Тверская-Ямская ул., 28. Тел. 5-04-53. Пл. Свердлова, 2-й дом Советов. „Серп и Молот“, Тел. 2-91-62. Таганская пл., 5/7. Тел. 3-14-47. Арбат, 12. Тел. 2-64-95. Никольская, 3. Тел. 2-86-37.

МАГАЗИНЫ В ЛЕНИНГРАДЕ: 1) Проспект 25 Октября, 28 „Дом Книги“, тел. 1-32-44; 2) Проспект Володарского, 51/а; 3) Проспект 25 Октября, 66.

80 коп.